

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

210

АРХЕОЛОГИЯ
И СОВРЕМЕННОСТЬ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
В СОТРУДНИЧЕСТВЕ С РИМСКО-ГЕРМАНСКИМ ЦЕНТРАЛЬНЫМ МУЗЕЕМ
МАЙНЦ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

Издаются с 1939 г.

210

АРХЕОЛОГИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

МОСКВА «НАУКА» 1993

ББК 63.4
Ар 79

Ответственный редактор
доктор исторических наук И. Т. КРУГЛИКОВА

Редакционная коллегия:

О. С. Гадзяцкая (ответственный секретарь), *В. И. Гуляев*,
А. Н. Кирпичников (зам. ответственного редактора), *Ю. А. Краснов*,
В. В. Кропоткин, *И. Т. Кругликова* (ответственный редактор),
В. П. Любин, *В. М. Массон*, *Н. Я. Мерперт*, *Р. М. Мунчаев*,
В. В. Седов (зам. ответственного редактора), *Д. Б. Шелов*

Рецензенты:

доктор исторических наук *А. А. Бобринский*,
кандидат исторических наук *Б. Г. Петерс*

Редактор издательства *Л. И. Тормозова*

Археология и современность.— М.: Наука, 1993.— 112 с., ил.—
Ар 79 (Крат. сообщ. Ин-та археологии; Вып. 210).
ISBN 5-02-010100-1

В сборнике рассматриваются проблемы современной археологии. Статьи написаны специалистами, которые ведут охранные раскопки на новостройках страны, работают над составлением Свода памятников истории и культуры народов России. В них освещаются вопросы методики разноплановых научных исследований, публикуются новые материалы. Для археологов, этнографов, историков.

А $\frac{0504000000-042}{042(02)-93}$ 93(II)

ББК 63.4

© Институт археологии, 1993
© Российская академия наук, 1993

СТАТЬИ

Г. Е. Афанасьев, М. В. Андреева, А. С. Смирнов

К КОНЦЕПЦИИ ОХРАННЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАБОТ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В варварском разрушении памятников истории и культуры археологи привыкли винить всех, кто не принадлежит к представителям этой науки: проектантов и строителей, разрушающих археологические объекты, попавшие в зоны народнохозяйственной деятельности, администраторов и хозяйственников, нарушающих установленный режим пользования памятниками истории и культуры. За отсутствие надлежащего контроля над нашим историческим наследием упреки обращены и в адрес государственных органов охраны памятников, и в адрес Общества охраны памятников. Мы ругаем действующее законодательство об охране и использовании памятников истории и культуры за неэффективно работающий механизм юридической ответственности лиц, виновных в уничтожении или порче археологических объектов. Достается и обществу в целом за его равнодушное отношение к родной старине. Есть веские основания считать все эти упреки справедливыми. Но все ли мы, археологи, делаем для того, чтобы в повседневной работе выполнять свой моральный и профессиональный долг — сохранить для грядущих поколений отечественное археологическое наследие? Размышления на эту тему, естественно, волнуют авторов этой статьи, «по долгу службы» много лет занимающихся охранными работами. Решение высказаться обусловлено прежде всего личным опытом и заблуждениями, о которых ниже мы не без оснований говорим как о типичных.

Богатство нашей страны памятниками древней истории и культуры при сравнительно слабой развитости сети учреждений археологического профиля в течение многих лет создавало у археологов иллюзию неисчерпаемости этого вида исторических источников. О масштабах роста раскопочных работ наглядно говорят следующие цифры: если в 1960 г. отдел полевых исследований Института археологии АН СССР выдал 222 «Открытых листа», то в 1970 г. — 316, в 1980 г. — 610, а в 1990 г. — уже более 900¹. Одни исследователи запрашивают разрешение на право раскопок для сбора материалов по плановым темам, другие — для проведения археологической практики студентов или пополнения музейных коллекций, третьи — для изучения археологических объектов, попадающих в зоны строительных, дорожных или мелиоративных работ. Но всегда ли нашей науке нужны археологические раскопки? Приходится констатировать, что как-то незаметно и постепенно на второй план отошла проблема сохранения памятников археологии, уступив место узкопрофессиональным интересам «чистой науки». Многие коллеги стали забывать, что в процессе раскопок происходит физическое уничтожение памятников. Какими бы совершенными методами не владел в настоящее время тот или иной археолог, мы не имеем права забывать, что объем получаемой при раскопках

¹ Авторы благодарят Н. К. Лисицыну за любезно предоставленные сведения.

информации и способы ее хранения меняются с течением времени, а потеря археологических объектов для последующего, более углубленного изучения остается невосполнимой.

Уже ни у кого не вызывает сомнения тот факт, что ситуация, сложившаяся в деле охраны памятников археологии на территории России, катастрофическая, сравнимая по своим последствиям с экологическим кризисом. И если с должной самокритичностью подойти к оценке действий по организации полевых археологических работ хотя бы за последние 15—10 лет, то нельзя не признать, что и археологи внесли в эту ситуацию негативный вклад. Вспомним, как часто еще недавно раздавались призывы к широкомасштабным раскопкам. Принято считать, что тенденция к «валовому производству» и «валовым показателям» появилась в нашей науке вместе с организацией больших новостроечных экспедиций. Однако психология «вала» сложилась у специалистов намного раньше, еще в период дефицита доступной археологической информации. Этот «информационный голод» привел к тому, что полевая деятельность исследователя, работающего даже на неразрушаемом памятнике, стала оцениваться размерами вскрытой им площади или числом раскопанных погребений — часто без должной экспертной оценки научного обоснования необходимости полевых работ как таковых.

О престижности широкомасштабных раскопок в глазах археологов весьма наглядно говорит деятельность совместных советско-болгаро-венгерских экспедиций на территории России, в которых выбор полевой стратегии не всегда определялся научной целесообразностью. Споры нет, определенный эффект стратегия раскопок на больших площадях дала, однако, в гораздо меньшей степени, чем ожидалось. Все чаще археологи выражают разочарование и недоумение: огромный материал, накопленный новостроечными экспедициями, сам по себе не вывел советскую археологию на качественно новые рубежи. Все более явными становятся отрицательные симптомы экстенсивного развития нашей науки: одни и те же исследовательские парадигмы переносятся на все новые и новые материалы, из диссертации в диссертацию, из монографии в монографию. Сложился определенный тип «проходной» кандидатской диссертации, стандартной по использованным научным приемам и выводам, но «вводящей в научный оборот новые материалы». Стоит задуматься: на сколько поколений соискателей хватит при таком подходе археологического богатства России? Ведь число археологов-профессионалов все же растет...

Другой аспект той же проблемы. Большие раскопочные работы, в целом поднявшие средний методический уровень полевых исследований, все же не дали импульса к дальнейшему развитию и совершенствованию полевой методики. Нам представляется, что тормозящим фактором здесь является еще одно широко распространенное заблуждение, что в археологии есть «высший» (собственно исследовательская работа) и «низший» (полевые отчеты) жанры. Непрестижность последнего проявляется, в частности, в том, что отчеты о раскопках не включаются в списки научных трудов археолога (а следовательно, не способствуют его профессиональному росту), что у нас не доходят руки благоустроить и оснастить современной техникой Научный архив Института археологии — единственное в своем роде собрание археологических источников. А ведь речь идет о фундаменте нашей науки, без которого все здание окажется выстроенным на песке.

Вызывает большую тревогу и положение, которое складывается в области хранения коллекций, полученных в процессе полевых работ. Ни для кого не секрет, что подавляющее большинство музеев, куда мы должны после камеральной обработки сдавать материалы, их не принимает, ссылаясь на отсутствие соответствующих условий для хранения. Иногда приходится слышать, что это

проблема Министерства культуры России. Отчасти это так, но нельзя забывать, что всякое право, в том числе право разрешать раскопки и право производить их, обеспечивается мерой моральной ответственности, которую принимает на себя археолог,— в данном случае ответственности за качество и сохранность как полевой документации, так и коллекций, которые лишь в своем единстве составляют полноценный археологический источник. Не приходится и говорить о том, сколько находок пропадает на промежуточной стадии между камеральной обработкой материала (которая может длиться годами) и музеем. Проводить раскопки памятников археологии, заранее обрекая на уничтожение или депаспортизацию значительную часть полученных коллекций, заботясь о сохранении только индивидуальных находок, и неразумно и безнравственно.

Сегодня большую озабоченность вызывают некоторые формы деятельности хозрасчетных археологических лабораторий, археологических агентств и фондов, археологических кооперативов, сказывающиеся самым отрицательным образом на физической сохранности памятников. Речь идет о той стороне деятельности этих организаций, которая связана с получением заказов на раскопки на снос археологических объектов, попадающих в зоны предполагаемого строительства. В отличие от Института археологии и других научных учреждений археологического профиля, где заработная плата сотрудника, ведущего охранные археологические раскопки, не зависит от заключения институтом соответствующего договора, оплата работ археологов, выполняющих аналогичные виды работ через хозрасчетные лаборатории и кооперативы, прямо пропорциональна тому объему договоров, которые они заключили со строительными или проектными организациями. Если учесть, что раскопки в несколько раз дороже, чем археологические проектные работы, станет понятно, что хозрасчетные лаборатории и кооперативы в силу заложенных в их основу экономических принципов заинтересованы прежде всего в раскопках памятников — в их физическом уничтожении, прикрытом вуалью научно-исследовательской деятельности, а не в осуществлении мероприятий по выключению территорий с памятниками из строительных зон и подлинному сохранению таким образом историко-культурного наследия. В таких экономических условиях работы стремление археолога любой ценой получить заказы на проведение как можно более широкомасштабных раскопок в конце концов подчиняет себе чисто профессиональные и даже моральные интересы и ценности.

Таким образом, в недрах нашей археологической науки сложилась и сегодня отчетливо проявляется тенденция к развитию (а точнее, к поддержанию стабильного уровня деятельности) за счет активного участия ученых в необратимом уничтожении потенциального базиса археологии — археологических памятников. Неправильная организация поисковых археологических работ с целью сбора материалов для работы над исследовательскими плановыми темами, порочная практика проведения охранных археологических работ в зонах народнохозяйственной деятельности преимущественно путем раскопок, создание хозрасчетных археологических лабораторий или кооперативных археологических организаций, в которых сотрудники экономически заинтересованы именно в проведении раскопок, а не в сохранении археологических объектов, катастрофическое отсутствие в подавляющем большинстве музеев нормальных условий для хранения археологических коллекций — все это приводит к исчезновению с археологических карт целых пластов памятников старины, к утрате полученных в процессе экспедиционных работ археологических коллекций. Противоприродность и ложность этого пути в горячке «рабочих будней» и «неотложных задач текущего момента» почти перестали осознаваться. Нынешнему поколению археологов заново предстоит решать вопрос об этических приоритетах, направляющих их профессиональную деятельность. Это влечет

за собой болезненный пересмотр сложившихся в последнее десятилетие взглядов как на полевую, так и на аналитическую археологию.

Представляется, что новая полевая исследовательская стратегия археологов должна основываться на признании постулата, что археологические памятники России являются частью мирового культурного наследия и в качестве такового подлежат сохранению и передаче будущим поколениям, а научная деятельность археолога должна осуществляться исключительно в русле этой глобальной цели*. Для практического воплощения в жизнь этого постулата необходимо встать на позицию недопустимости раскопок неразрушающихся памятников (имеются в виду памятники, которым не грозит в настоящее время быстрое и неотвратимое уничтожение).

Практика организации археологических раскопок в развитых странах мира показывает, что все большую силу набирает, а порой и становится преобладающей тенденция проводить раскопки только тех памятников, которым угрожает неминуемое уничтожение. В США этот принцип положен в основу концепции под названием «Этика консервации памятников», которой руководствуются как Управление памятниками культуры, так и Общество профессиональных археологов. Основная идея «Этики консервации памятников» заключается в том, чтобы при рассмотрении вопроса об организации раскопок того или иного памятника исходная позиция состояла в обеспечении физической сохранности археологического объекта. Но так как археологи всегда заинтересованы в раскопках (для сбора материалов или для полевой проверки своих гипотез), сотрудникам американского Управления памятниками культуры вменяется в обязанность проводить экспертную оценку замыслов полевых археологов и выделять для их деятельности только те объекты, которым угрожает немедленное разрушение.

Как близка многим из нас эта проблема! Все чаще раздаются призывы к руководителям учреждений археологического профиля, к руководителям их структурных подразделений, ко всем археологам планировать разработку научно-исследовательских тем исключительно на базе обширнейшего банка данных, уже сформированного в результате многолетних полевых работ новострочных экспедиций, и прекратить раскопки памятников, которым в настоящее время не угрожает разрушение. В последние годы с этими призывами неоднократно выступали В. Л. Янин, Г. А. Федоров-Давыдов, Д. Б. Шелов и другие крупнейшие представители отечественной науки.

В тех же случаях, когда принимается решение организовать раскопки разрушающихся памятников, то в соответствии с Европейской конвенцией об охране археологического наследия от 6 мая 1969 г. первым шагом на пути охраны этого наследия должно стать применение самых строгих научных методов в отношении полевых археологических исследований с тем, чтобы сохранить полноту их исторического значения и воспрепятствовать невосполнимой утрате научной информации. Задача учреждений археологического профиля, которым поручена выдача «Открытых листов», состоит, таким образом, в четком определении того, что следует считать современным научным уровнем археологического анализа, в определении той минимальной, но строго контролируемой высоты организации раскопочных и аналитических работ, которую должен обеспечить археолог, претендующий на проведение полевых исследований. Причем этот уровень не должен оставаться постоянным, его необходимо

* Впрочем, «новым» такой подход можно назвать лишь условно, отталкиваясь, так сказать, от печального опыта прошлых десятилетий. В действительности же благородная идея служения академической науке общекультурным интересам и ценностям, органически свойственная ученым старой школы, раньше вообще лежала в основе деятельности российских археологов. Чтобы убедиться в этом, достаточно ознакомиться с работой А. А. Миллера «К вопросу об охране памятников старины».

пересматривать и повышать каждые 5—10 лет в зависимости от темпов развития методик археологических исследований. Нельзя забывать и другой аспект полевых работ, то, что археологи не являются монополистами в области извлечения информации из раскопанных памятников. В равной степени этим правом обладают и специалисты других дисциплин: палеоантропологи, палеозоологи, палеоботаники, почвоведы и т. д. Мы обязаны помнить, что исследование археологических объектов на снос без участия этих специалистов равнозначно осознанному уничтожению их источников информации. Отсюда естественно вытекает вывод, что разрешение на право раскопок памятника археологии должно выдаваться лишь при условии реального обеспечения совместной стратегии его исследования специалистами различного профиля. При отсутствии такой возможности археологический объект должен оставаться закрытым «контейнером информации».

Представляется, что центр тяжести охранных археологических работ в зонах новостроек должен быть перенесен в нынешних условиях с раскопок на проведение проектных археологических работ, имеющих своей целью выявление памятников и их сохранение путем исключения территории, на которой расположены археологические объекты, из зон строительства. Часто проектные археологические работы путают с археологическими разведками. Однако этот термин не отражает всего объема и перечня мероприятий, включаемых в понятие «проектные археологические работы». Проектные археологические работы являются наиболее действенным мероприятием по обеспечению сохранности археологических памятников, попадающих в зоны народнохозяйственного строительства. Они позволяют своевременно и наиболее полно использовать все известные варианты способов охраны памятников старины: выключение археологического объекта из зоны строительства, перенос памятника на новое место, создание инженерной защиты памятника и, наконец, лишь как последнее средство — полное археологическое изучение объекта путем его раскопок на снос. Очевидно, что именно проектные археологические работы и являются той основой, на которой должно строиться здание охраны памятников. К сожалению, часто приходится сталкиваться с непониманием нашими коллегами значения проектных работ в охране археологических объектов.

Главным и наиболее перспективным в настоящее время направлением в организации проектных археологических работ является взаимодействие учреждений археологического профиля с организациями, определяющими планирование будущего строительства и его нормативное содержание. Эта деятельность должна протекать как бы в двух аспектах. Во-первых, необходимо стремиться, чтобы в нормативные проектные документы включались действенные мероприятия по охране памятников истории и культуры. В идеальном случае это работа по составлению «Строительных норм и правил» (СНП). Реальной и весьма действенной представляется подобная работа с головными отраслевыми проектными институтами, занятыми разработками «Ведомственных строительных норм» (ВСН) и других регламентирующих актов. Включение проектных археологических работ в подобные нормативные документы различного уровня позволяет превратить эти работы из спорадических в постоянные, обязывает все проектные организации включать их в перечень необходимых проектных мероприятий.

Во-вторых, практическое участие археологов в проектных работах также должно начинаться с максимально высокого уровня, что позволяет избежать мелкотемья, вычленив программы, которые больше других угрожают памятникам археологии, и сконцентрировать на них внимание и силы. Без отработки механизма взаимодействия с организациями, определяющими стратегическое

направление строительных работ в масштабе страны на всех уровнях, археологи будут по-прежнему, как говорится, «хватать за руку» лишь те отдельные разрушающиеся памятники истории и культуры, с которыми в силу различных обстоятельств их сталкивает жизнь. При практическом проведении проектных археологических работ, т. е. при разработке проектно-сметной документации и определении мероприятий по охране памятников археологии, нужно стремиться к многовариантности решений. И чрезвычайно важно, чтобы главное из этих решений предполагало физическое сохранение археологического объекта. Для этого необходимо участие археолога в проектировании того или иного объекта уже на стадии технико-экономического обоснования или технико-экономических расчетов, что позволяет проектантам изначально выбрать такой вариант строительства, который наносит наименьший урон памятникам истории и культуры.

А что же дает такой подход к сохранению отечественного исторического наследия «чистой науке»? Прежде всего необходимость получения на стадиях проектирования максимально возможной информации о памятниках, попадающих в зоны народнохозяйственного строительства, обуславливает приоритет развития таких полевых и камеральных исследовательских методик, которые при минимальных земляных работах давали бы максимум информации. К примеру, знание точной площади и конфигурации древних поселений, находящихся на территории предполагаемого строительства, привело к опытным исследованиям в области аэрокосмического зондирования археологических объектов, проводимым в отделе охранных раскопок Института археологии. Уже сейчас мы имеем положительные результаты, указывающие на то, что в ближайшем будущем эта методика может стать действенным рабочим инструментом археологов. Далее в процессе совместной работы археологов и проектантов осуществляется сплошная археологическая разведка территории, выделенной для намечаемого строительства, мелиорации или других видов народнохозяйственной деятельности. В итоге мы располагаем подробнейшим списком расположенных там археологических памятников с уточненными характеристиками. Этот материал является ценнейшим историческим источником для исследований в области поселенческой или пространственной археологии, что убедительно иллюстрируют, например, работы Я. М. Паромова, основанные на разведках в зонах строительства оросительных систем в Сибири, а также в зонах предполагаемой мелиорации земель на Таманском полуострове.

Таким образом, необходимое резкое сокращение археологами раскопок памятников истории и культуры позволит, не нанося ущерба источниковой базе для археологического анализа, сохранить для потомков значительный массив археологических объектов. Вместе с тем прекращение излишне активного поступления нового материала заставит нас с должным уважением обратиться к обработке и анализу тех огромных и неисчерпаемых по своей информативности археологических коллекций и собраний документальных материалов, которые уже были накоплены исследователями, работавшими на новостройках страны в последние 30—40 лет. Эти источники в своем большинстве до сих пор лежат еще мертвым грузом. Перенесение центра тяжести исследовательской активности на изучение уже имеющихся археологических источников, очевидно, само по себе способно произвести необходимый переворот в нашем отношении к документальной археологии, еще находящейся в статусе полунауки, не обладающей реальными внутренними стимулами для своего развития. Наконец, этот подход обуславливает перенос главного внимания на овладение и практическое использование новейших методических процедур изучения археологического источника, позволяющих делать его значительно более информативным. Это может вывести нашу науку на качественно новый современный уровень.

ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ СОСТАВЛЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАЗДЕЛОВ СВОДА ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

В решении актуальных проблем выявления, изучения, сохранения и популяризации культурного наследия большую роль призван сыграть Свод памятников истории и культуры народов России. Свод создается по решению правительственных органов, задуман как научно-справочное издание энциклопедического характера, в котором должны содержаться краткие сведения о всех недвижимых памятниках истории и культуры страны: археологических, исторических, искусства, градостроительства и архитектуры¹. Комплексная работа такого рода проводится в нашей стране впервые. Ей мало аналогов и в мировой практике.

В настоящее время завершен подготовительный этап создания Свода памятников истории и культуры народов России, сданы в печать первые его тома. В ряде научных учреждений России ведется активная работа по подготовке последующих томов. В этих условиях важно обменяться опытом практической работы над первыми томами Свода, что, несомненно, будет способствовать повышению качества дальнейших его выпусков. В настоящей статье сделана попытка обобщения опыта работы Института археологии РАН над археологическими разделами Свода.

В своей работе мы исходим из того, что Свод как научно-справочное издание энциклопедического характера предназначается и для специалистов и для широкого круга читателей, интересующихся историей своего края, а основная его цель — обеспечить научную основу для дальнейшего изучения, охраны и использования памятников.

Для работы над Сводом в институте создан специальный отдел, привлекаются сотрудники других подразделений. Для написания археологического раздела каждого областного тома Свода создаются рабочие группы, в которые по возможности включаются специалисты различных разделов археологической науки. Ключевые вопросы создания археологических разделов Свода, система используемых в нем терминов обсуждались Ученым советом института.

Параллельно с написанием текста Свода проводятся полевые работы, имеющие целью проверку литературных и архивных данных о памятниках, поиски и выявление новых. Широко используются материалы паспортизации археологических памятников. Тем не менее в плане полноты сведений археологические разделы Свода будут отражать лишь определенный уровень наших знаний о памятниках далекого прошлого той или иной территории. По-видимому, через какой-то промежуток времени будет целесообразно поставить вопрос об издании дополнений к областным томам Свода.

Важно, чтобы применяемая в Своде система понятий была одинаковой во всех томах издания. Одним из ключевых является понятие «археологический памятник». Известно, что в археологической науке предложено несколько существенно различающихся определений этого термина. Не касаясь достоинств и недостатков таких определений, отметим, что их практическое применение в Своде может оказать влияние на состав и содержание научно-справочных статей об археологических памятниках. Учитывая, что одной из важнейших задач Свода является создание научной основы для

дела охраны и использования памятников, представляется, что содержание понятия «археологические памятники» в этом издании должно быть идентичным тому, которое принято в законодательстве об охране и использовании памятников истории и культуры. Исходя из этого, под археологическим памятником мы понимаем определенное место, ограниченную территорию, связанную с теми или иными формами жизнедеятельности людей древности и средневековья и имеющую следы этой жизнедеятельности в виде культурного слоя, остатков жилых, производственных, оборонительных и иных сооружений, погребений, древних вещей и т. п. Таким образом, археологический памятник есть ныне существующий объект, который может быть поставлен на государственный учет и охрану, изучаться методами археологии.

При указании видов археологических памятников мы также исходим из номенклатуры, принятой в указанных законодательных актах. Для обозначения погребальных памятников центральных районов европейской части нашей страны, над сводами которой работает в настоящее время институт, мы применяем в общем не требующие особых пояснений термины «грунтовый могильник», «курганый могильник», «курган» и т. п. Более разнообразна и подчас требует определенных пояснений терминология для обозначения остатков древних и средневековых поселений. Остатки поселений эпох палеолита, мезолита и неолита мы именуем в Своде «стоянками». Для обозначения неукрепленных поселений эпохи бронзы, а также многослойных неукрепленных поселений, включающих напластования эпохи бронзы и более раннего или более позднего времени, применяется термин «поселение». Остатки неукрепленных поселений эпохи раннего железа и средневековья именуются в Своде «селищами», укрепленных — «городищами». Для обозначения остатков исторических городов, существующих и поныне, применяется термин «исторический культурный слой древнего города...» (далее следует его древнее и современное название). Термин «местонахождение» применяется в Своде для обозначения преимущественно массовых находок древних вещей без признаков культурного слоя или погребений, а также в переотложенном виде². Для обозначения остатков производственных объектов, находящихся вне границ поселений, применяется термин «мастерская» (с конкретизирующим указанием — кремнеобрабатывающая, железодельная и т. п.). Для обозначения таких же объектов позднего средневековья используются термины, употребляемые в письменных источниках того времени («завод», «мануфактура» и т. п., также с соответствующим конкретизирующим указанием).

Определенную сложность представляет система отбора памятников для включения в Свод. Опираясь в этой работе только на государственные учетные документы нельзя, так как учетная документация имеется пока далеко не для всех существующих памятников археологии. Списки археологических памятников, имеющиеся в органах охраны памятников всех уровней, также неполны, к тому же нередко составлялись специалистами, часто содержат сведения, весьма далекие от действительности. Вполне очевидно, что в этих условиях основными источниками для составления списка археологических памятников, включаемых в Свод, являются отчеты об археологических разведках и раскопках на территории Российской Федерации, а также публикации в специальной, краеведческой и иной литературе.

Представляется необходимым включать в Свод сведения о всех археологических памятниках, упомянутых в литературе и архивных источниках, если нет проверенных данных об их уничтожении или полном исчерпании научными

раскопками независимо от времени и характера научного обследования, а также полноты информации о памятниках, содержащихся в источниках. Только в этом случае Свод может стать достаточно полным источником сведений об археологических памятниках, правильно ориентировать читателя на дальнейший их поиск и изучение, может быть получена целостная картина расселения древнего человека в пределах рассматриваемой в данном томе Свода территории. При этом целесообразно, чтобы научно-справочные статьи о памятниках, сведения о которых неполны или неопределенны, текстуально отличались от других научно-справочных статей.

Основную и важнейшую часть Свода составляют научно-справочные статьи об отдельных памятниках. В таких статьях необходимыми и достаточными являются следующие десять блоков информации, которые приводятся ниже в порядке их расположения в статье:

а) наименование памятника по ближайшему населенному пункту и собственное, если таковое имеется, отнесение его к тому или иному виду (городище, селище, курганный могильник и т. п.), датировка в широких пределах, т. е. по основным разделам археологической периодизации; этот блок информации дается в заголовок статьи;

б) сведения о местоположении памятника, включающие данные о точном, с указанием азимутов и расстояний, положении памятника по отношению к современным населенным пунктам, а также топографическую и геоморфологическую характеристику места расположения памятника;

в) краткая справка об истории исследования памятника, дополняемая в необходимых случаях сведениями об особенностях методических приемов его исследования;

г) наружное описание памятника с указанием его размеров, высоты над уровнем ближайшего водоема, других важнейших особенностей и признаков, а также степени сохранности;

д) сведения о степени исследованности памятника, включающие данные о характере разведок, площади и расположении раскопов и шурфов, числе исследованных курганов и могил и т. п.;

е) характеристика культурного слоя (мощность, структура, насыщенность находками и т. п.), включающая, в частности, сведения о том, как эта характеристика была получена (осмотр обнажений, шурфовка, раскопки и т. п.);

ж) суммарная характеристика полученного вещевого материала, позволяющая дать более или менее полную хронологическую (с узкой датой) и культурно-историческую характеристику памятника;

з) суммарная характеристика сооружений, исследованных на памятнике, с указанием их возраста и, если это возможно, культурной принадлежности;

и) сведения о месте хранения коллекций, если памятник исследовался стационарными раскопками;

к) литературные и архивные источники. Из литературных источников указываются те, в которых памятник и его интерпретация рассматриваются наиболее полно. Отчеты о разведках и раскопках приводятся полностью. Ссылки на паспорта даются при отсутствии сведений о памятнике в литературе и архивных материалах, а также в тех случаях, когда сведения паспорта дополняют сведения других источников.

Для некоторых памятников, как правило хорошо исследованных раскопками, сложных и многослойных, давших наименование культурам, добавляется еще один блок информации, стоящий перед сведениями о месте хранения коллекций,— итоговая характеристика памятника с указанием его историко-культурного значения. Если памятник связан с населенным пунктом, известным

в письменных источниках, здесь же даются краткие сведения о нем, имеющиеся в таких источниках.

Археологической характеристике исторического культурного слоя городов, существующих и поныне, должна предшествовать краткая историческая справка о городе, составленная по материалам письменных источников.

В случае расположения на одном месте разнохарактерных памятников, например поселения и могильника, стоянки и городища, каждому из этих памятников должна быть посвящена отдельная научно-справочная статья.

Источниками для написания научно-справочных статей об археологических памятниках являются публикации в специальной, краеведческой и иной литературе, архивные материалы, прежде всего отчеты об археологических разведках и раскопках, паспорта памятников, музейные коллекции. Прежде чем приступить к написанию такой статьи о любом памятнике, автор обязан ознакомиться со всеми видами имеющихся источников, затем сопоставить их данные, произвести отбор важнейшей информации, характеризующей памятник, и на этой основе создать оригинальный текст, отражающий авторское представление о памятнике. Оно может расходиться с мнением других исследователей, изучающих памятник в полевых условиях или знакомившихся с его коллекциями. В необходимых случаях такие расхождения должны оговариваться в тексте. Таким образом, написание статей для Свода является вполне самостоятельной и сложной научной работой, требующей не только высокого уровня квалификации, но и широкого научного кругозора. При написании статей автор обязан пользоваться крупномасштабными топокартами. Без этого иногда затрудняется точная привязка памятников, так необходимая в Своде как справочном издании.

Как показывает практика, весьма спорным оказывается вопрос об объеме информации, которая должна содержаться в научно-справочных статьях в пределах тех информационных блоков, о которых говорилось выше. При его решении следует, вероятно, исходить из того, что в статьях Свода как научно-справочного издания энциклопедического характера не должно быть излишней детализации описаний, сведения о памятнике будут носить обобщенный, суммарный характер. Более полные и детальные сведения читатель при необходимости всегда может найти в литературе и архивных материалах, список которых приводится в конце каждой статьи. Немаловажное значение при определении объема статей имеет и такой фактор, как общий объем данного тома. В своей практической работе мы исходим из того, что объем информации по каждому из отмеченных блоков определяется автором вместе с ответственным редактором с учетом научной и культурной значимости памятника, а также указанных выше факторов. В подготовленных нами томах Свода объем большинства научно-справочных статей колеблется от 0,3—0,5 до 3—4 страниц машинописного текста. Лишь отдельные статьи, посвященные городам, особо важным и хорошо исследованным памятникам, эталонным для данной культуры или территории, имеют больший объем.

Весьма важное требование к научно-справочным статьям Свода как издания энциклопедического характера — их структурная, стилевая и лексическая унификация. Мы стремимся к тому, чтобы все такие статьи имели максимально близкую структуру, чтобы необходимые и достаточные для характеристики памятника информационные блоки располагались в них в одной и той же логически обоснованной последовательности, чтобы для описания одних и тех же явлений и фактов применялись одни и те же термины или максимально близкие словосочетания, чтобы текст статей был написан лаконичным и профессиональным языком, не перегруженным в то же время специальными терминами и потому доступным широкому читателю. Не следует и излишне

упрощать изложение. памятуя, что Свод — научное издание. Все это подчеркивает особую роль ответственного редактора археологического раздела тома Свода, который в процессе редактирования обеспечит не только содержательное, но и структурное, стилевое, лексическое единство научно-справочных статей. Практика показывает, что работа ответственного редактора должна начинаться по крайней мере за два года до сдачи тома в издательство.

Немаловажное значение в Своде имеет вводная статья к тому, являющаяся кратким историческим очерком региона. Без такого очерка научно-справочные статьи о памятниках могут оказаться во многом непонятными. Археологический раздел вводной статьи мы рассматриваем как археолого-исторический очерк, в котором связно и последовательно излагается история населения рассматриваемого региона в древности и начале средневековья на базе тех материалов, которые получены при исследовании археологических памятников, сведения о которых включены в данный том.

Такой очерк как часть Свода имеет и некоторые особенности. Он должен содержать, во-первых, сведения об истории археологического исследования края, а не механическое перечисление археологов и краеведов, работавших здесь в те или иные годы. Нужно указывать специфические особенности исследований в те или иные периоды, отмечать важнейшие проблемы, которые решались на основе изучения памятников данной области, обращать внимание на роль памятников области в решении общеархеологических и общесторических проблем. В заключение раздела об истории исследования края необходим вывод о степени археологической изученности данной территории в целом и по отдельным периодам археологической периодизации.

Во-вторых, необходимо, чтобы в таком очерке были даны характеристика всех категорий археологических памятников края с указанием особенностей их топографического расположения, а также краткие сведения о всех археологических культурах, памятники которых здесь зафиксированы.

В-третьих, очерк должен содержать основные данные об этнической истории края, развитии хозяйства его населения в различные периоды, данные об основных изменениях в общественных отношениях.

В-четвертых, археологический раздел вводной статьи должен быть содержательно связан с научно-справочными статьями, составляющими основное содержание Свода. Это достигается прежде всего отсылками в водной статье к соответствующим научно-справочным статьям, не повторяющим, однако, сведений, содержащихся в водном разделе.

Наконец, в-пятых, вводная статья должна иметь хотя бы краткие данные об охране археологических памятников в области или крае: о проведении их паспортизации, установлении охраняемых зон вокруг памятников, музеефикации археологических объектов, проведении охранных раскопок и т. п.

Естественно, что археологический раздел вводной статьи тома Свода должен быть написан на современном уровне научных знаний о памятниках археологии, текст раздела снабжен обширным научным аппаратом, отсылки к которому подтверждают все важнейшие положения статьи.

Несколько слов следует сказать об иллюстрациях к археологическим разделам Свода, являющихся важной составной частью этого издания.

В подготовленных нами томах вводная статья иллюстрируется, во-первых, областными картами расположения памятников по основным периодам археологической периодизации, по возможности и по культурам, во-вторых, таблицами или отдельными рисунками, характеризующими вещевой материал памятников того или иного периода, той или иной культуры, отдельные типы памятников, их внешний вид, основные типы исследованных сооружений.

Приводятся также рисунки реконструкции памятников, жилых, производственных и хозяйственных построек, костюмов и т. п.

Иллюстрируются обычно от одной трети до половины общего количества научно-справочных статей. В качестве иллюстративного материала к ним прилагаются ситуационные планы расположения памятников и их групп, собственно планы памятников, их фото, наиболее точно отражающие особенности памятников, фото или рисунки наиболее характерных и интересных находок, а также сооружений.

Мы стремимся к тому, чтобы в археологическом разделе тома Свода в целом планами были представлены все типы и разновидности археологических памятников данного региона¹. В то же время, чтобы не загружать Свод малоинформативными иллюстрациями, мы стараемся давать лишь небольшое количество планов одиночных курганов, селищ или стоянок, не имеющих выраженных границ, и т. п.² Планы же городищ даются по возможности для всех памятников. При отборе для публикации в Своде предпочтение отдается, конечно, инструментальным планам. Нужно отметить, что планы не только дополняют сведения о памятниках, содержащиеся в научно-справочных статьях, но и позволяют несколько сокращать текст, так как показывают такие стороны памятника, которые нецелесообразно или невозможно передавать словесным описанием.

В качестве иллюстраций вещевого материала памятников мы стремимся давать фото или рисунки целых предметов или таких их фрагментов, которые дают достаточное представление о предмете в целом. Количество иллюстраций к научно-справочной статье не должно, на наш взгляд, превышать трех-четырех. Исключения могут быть сделаны лишь для статей об особо важных, эталонных памятниках.

Подбор иллюстраций не может быть случайным. Следует стремиться к тому, чтобы планами, фото, рисунками были достаточно полно охарактеризованы все типы памятников и все категории вещевого материала, характерные для археологических памятников рассматриваемого региона.

¹ Основные сведения о теоретических основах, составе и структуре Свода памятников истории и культуры народов СССР см.: Методические указания по подготовке материалов Свода памятников истории и культуры народов СССР. М., 1986.

² Большая часть местонахождений отдельных древних предметов в Свод не включается. Исключение делается для тех местонахождений, которые есть основания считать недостаточно обследованными могильниками или остатками поселений.

Г. Е. Афанасьев

ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ МЕТОДОВ АЭРОКОСМИЧЕСКОГО ЗОНДИРОВАНИЯ В АРХЕОЛОГИИ

Одной из главных причин, определивших глубокий кризис салтовской археологии³, является, на мой взгляд, то обстоятельство, что в последние 25—30 лет она развивалась преимущественно путем накопления полевого материала. В итоге собрана огромная информация, характеризующая практи-

³ Не могу разделить точку зрения С. А. Плетневой о грандиозных успехах, достигнутых археологической наукой в развитии хазарской проблематики за последние три десятилетия. На мой взгляд, прав А. П. Новосельцев, высказавший существенную критику в адрес некоторых археологов-хазароведов.

чески все стороны хозяйственной и культурной деятельности носителей салтово-маяцкой культуры. Но этот материал не привел исследователей к принципиально новым историческим выводам. Он детализировал ранее известные положения или в лучшем случае поднимал вопросы, решение которых откладывалось на будущее. И сейчас на развитии салтовской археологии самым негативным образом сказываются установка на широкомасштабные раскопочные работы, использование старых, традиционных исследовательских процедур в ущерб развитию новых или в угоду их полному неприятию. Между тем применение новых поисковых методов, современных приемов археологического анализа уже имеющихся данных делает археологический источник значительно более информативным, позволяет получать и оценивать качественно новые характеристики исследуемых объектов, сохранять памятники от физического уничтожения археологами, стремящимися добыть новые материалы для своих исследований.

Рассмотрим, к примеру, один из признаков, которым характеризуется любая древняя стоянка, селище или городище,— площадь объекта, признак, особо важный для изучения методами пространственного анализа схемы древнего расселения, постановки этих категорий памятников на государственный учет и охрану, разработки мероприятий по обеспечению их сохранности в случаях включения в зоны народнохозяйственного строительства. Как известно, в процессе полевых работ площадь поселения определяется в основном по распространению подъемного материала, иногда с использованием системы шурфов. Достоверность таких определений некоторыми исследователями оспаривается. Их аргументом служит предположение, что во время пахоты перевернутый культурный слой (или его верхняя часть) может передвигаться на очень большие расстояния и резко менять картину реальной площади древнего поселения. Довод, казалось бы, весомый, но многолетние наблюдения не позволяют безоговорочно принять его применительно ко всем археологическим объектам. Так, например, речные террасы долины р. Оскол, на которых расположены салтово-маяцкие поселения, характеризуются спокойным рельефом местности. Здесь традиционно применяется челночный метод пахоты, при котором культурные остатки, сдвинутые плугом в одну ходку, возвращаются на исходное место при следующей ходке противоположного направления. По этой причине, как показали наблюдения, разброс подъемного материала за пределы зафиксированных до вспашки границ минимален, на порядок меньше, чем размеры памятника.

Поскольку же сомнения в правомерности определения площади памятников по распространению подъемного материала были высказаны, необходимо искать более убедительные приемы оценки границ древних поселений. Часто высказывается точка зрения, что только раскопки могут дать достоверную информацию о площади археологических памятников. С этим можно согласиться, но при условии, что памятник будет раскопан полностью. Однако именно это обстоятельство не всегда реально и в научном отношении, как правило, не необходимо. К примеру, в той же долине Оскола (в ее лесостепной части) в настоящее время известно 68 поселений салтово-маяцкой культуры, дифференцированных по площади на пять типов². Нетрудно подсчитать, что полные раскопки только одного поселения каждого типа при ежегодном вскрытии культурного слоя на площади в 1000 м² потребуют проведения раскопок на протяжении около 900 лет. Очевидно, что поиск достоверных методов оценки площади поселений должен вестись в ином направлении. И здесь неоценимую помощь археологам могут оказать методы аэрокосмического зондирования, в основе которых лежит обработка на ЭВМ аэро- или космоснимков с изображениями археологических объектов.

Развитие вычислительной техники привело к появлению специализирован-

ных систем обработки изображений, в составе которых обычные ЭВМ выполняют функции управляющего и вычислительного устройства. В настоящее время в мире выпускается несколько десятков таких систем. Наиболее мощные из них имеют разрешение до 4096×4096 элементов изображения и специализированные процессоры для быстрого выполнения графических операций. Объектами процедуры обработки служат графические изображения с двумя уровнями градации яркости (черно-белое) и полутоновые изображения с несколькими уровнями градации яркости (примером может служить телевизионное изображение). Сложность систем обработки изображений определяется требованиями к информационной емкости массива, представляющего исходное изображение в памяти системы, и необходимым быстрействием системы. В связи с успехами в развитии персональных вычислительных средств появилась возможность создания системы обработки изображений на основе персональных ЭВМ средней сложности.

Комплекс обработки изображений включает средства цифрового кодирования изображений, средства накопления массивов, представляющих изображения, управляющую ЭВМ и средства представления результатов работы в форме изображения. Увеличение степени интеграции элементов микросхем привело к появлению одноплатных аппаратных средств, обеспечивающих выполнение функций кодирования и обработки изображений с помощью персональных ЭВМ. При этом ввод подлежащих кодированию изображений обеспечивается с помощью обычной телекамеры, а средством вывода результатов служит цветной принтер или графопостроитель. В настоящее время западные фирмы на промышленной основе выпускают такие одноплатные аппаратные средства и другие необходимые для обработки информации периферийные устройства, которыми комплектуются персональные ЭВМ. Это позволило нашим зарубежным коллегам приступить к применению такой техники в археологическом анализе, используя пакеты программ «Microsight», «Gray», «Compuvision» и др.³

В нашей стране также предпринимаются попытки построения малых комплексов обработки изображений. Наиболее удачной является малосерийный выпуск таких комплексов на основе персональной ЭВМ, совместимой с IBM AT, и самостоятельного видеоинформационного терминала «Микро-СВИТ». Одна из модификаций «Микро-СВИТ» представляет собой небольшое настольное устройство на четырех платах, подключаемое к персональной ЭВМ типа IBM AT и обеспечивающее обработку изображений, представляемых в памяти 16 кадрами (массивами) с информационной емкостью 64 Кбайт каждый. В качестве средства кодирования изображений «Микро-СВИТ» допускает подключение телевизионной камеры, для чего в его составе присутствует шестизрядный аналого-цифровой преобразователь сигналов (АЦП). Вывод результатов обработки изображений возможен на самостоятельное цветное видеоконтрольное устройство (цветной телевизор) или на периферийные средства персональной ЭВМ.

Система «Микро-СВИТ»⁴ обладает развитыми программными средствами и обеспечивает возможность работы с языками программирования высокого уровня. Как правило, пакет сервисных прикладных программ состоит из комплекса демонстрации возможностей «Микро-СВИТ», программного комплекса переноса изображений, комплекса анализа видеоинформации, программы генерации таблицы цветов комплексов обработки дифференциальными операциями, статистического анализа, анализа двумерных гистограмм, построения графических проекций двумерных полей, программы статистической классификации многоспектральной видеоинформации к обучению по тестовому участку, программ выделения контурных перепадов яркости, построения карт профилей перепадов яркостей, анализа изображений на основе двумерных

преобразований Фурье, статистической классификации участков многоспектральных изображений методом вычисления расстояния Махаланобиса и другое программное обеспечение. Эти аппаратные и программные средства были использованы мною при анализе аэрофотоснимков ряда салтово-маяцких поселений в долинах рек Тихая Сосна, Короча и Оскол, что позволило получить принципиально новую информацию не только для определения площадей памятников, но и для изучения их внутренних структур.

В 1977 г. мне удалось открыть в долине Тихой Сосны Колтуновское городище⁵, более детальное обследование которого было проведено в 1985 г.⁶ Оно расположено к востоку от одноименного села на надпойменной террасе правого берега Тихой Сосны, недалеко от «Чесношного брода», охраняемого в XVII в. от татарских набегов⁷, в уроч. «Турецкая крепость». С северной стороны подход к городищу защищен крутым 10-метровым скатом речной террасы, а с запада и с востока — двумя впадающими в пойму балками глубиной 7—10 м. Укрепленная часть мыса площадью около 2,3 га имеет в плане прямоугольную форму, огражденную с четырех сторон мощными крепостными стенами из сырцового кирпича, которые с внешней стороны были облицованы меловыми блоками. Крепость и окружающая его территория систематически распахиваются, поэтому верхняя часть культурного слоя разрушена. Сильно пострадали крепостные стены с северной, западной и южной сторон, на которых в годы Великой Отечественной войны были устроены защитные щели, ходы сообщений и другие военно-инженерные сооружения. Значительно лучше сохранилась восточная стена.

Уже простое визуальное изучение аэрофотоснимка Колтуновского городища и его окрестностей (рис. 1) позволило выявить такие элементы поселенческой структуры, которые невозможно было обнаружить при осмотре памятника на местности. Во-первых, на снимке четко читается уничтоженный в настоящее время восточный отрезок южной стены, основание которой выделяется белой полосой на фоне чернозема. Во-вторых, фиксируется отрезок древней дороги, подходящей к средней части южной стены, что, в свою очередь, показывает место расположения крепостных ворот. В-третьих, к востоку от крепости хорошо прослеживаются следы межевания средневековой сельскохозяйственной территории (аналогичное межевание выявлено Я. М. Паромовым на ряде поселений Таманского полуострова⁸). Аэрокосмическое зондирование на этом памятнике было применено для исследования центрального участка крепости, где прослеживалось овальное светлое пятно. В итоге оказалось, что в этом месте грунт скрывает, вероятно, остатки какого-то овального или круглого в плане сооружения, которое по окружности имело крепиду из мелкого известнякового камня (рис. 2). Естественно, что для определения назначения этого сооружения и времени его строительства потребуются раскопки.

Для отработки приемов аэрокосмического зондирования археологических объектов, в частности для определения территории, занятой жилыми и хозяйственными постройками, мною было проведено изучение салтовского поселения, примыкающего к Алексеевскому городищу в долине Тихой Сосны. Этот памятник расположен на правом берегу реки, у западной окраины с. Дмитриевка — пригорода г. Алексеевка. Здесь у излучины реки в середине XIX в. была открыта крепость (как удалось установить только в последние годы, салтовский памятник), исследованием которой занимались И. И. Турбин⁹, Т. М. Олейников¹⁰, С. Н. Замятин¹¹ и С. А. Плетнева, ошибочно отнесшая этот выдающийся памятник византийско-хазарского крепостного зодчества к русским укреплениям XVI—XVII вв. Городище площадью 1,2 га, имеющее в плане прямоугольную форму, на 20 м возвышается над поймой. С севера ее защищает крутой скат берега, с запада — впадающая в пойму балка, с южной

Рис. 1. Аэрофотоснимок Колтуновского городища и его окрестностей

и восточной сторон — искусственный ров. Мощные крепостные стены городища были сложены из пахсовых блоков и сырцового кирпича. С западной и восточной сторон к крепости примыкает обширное селище, протянувшееся, по сведениям С.А. Плетневой, на 2 км при ширине 0,2—0,3 км и разделенное крепостью на две почти равные части¹².

Поскольку восточная часть селища в настоящее время занята усадьбами и ее изучение затруднено, обратимся к западной части памятника, которую мне удалось обследовать в 1977 г. Она также расположена на надпойменной террасе, активно распахивается. Используемый для аэрокосмического зондирования фотоснимок западной части Алексеевского селища был сделан, когда посевы еще не взошли. В результате удалось выявить места антропогенного влияния: средневековых жилищ, хозяйственных построек и других сооружений,

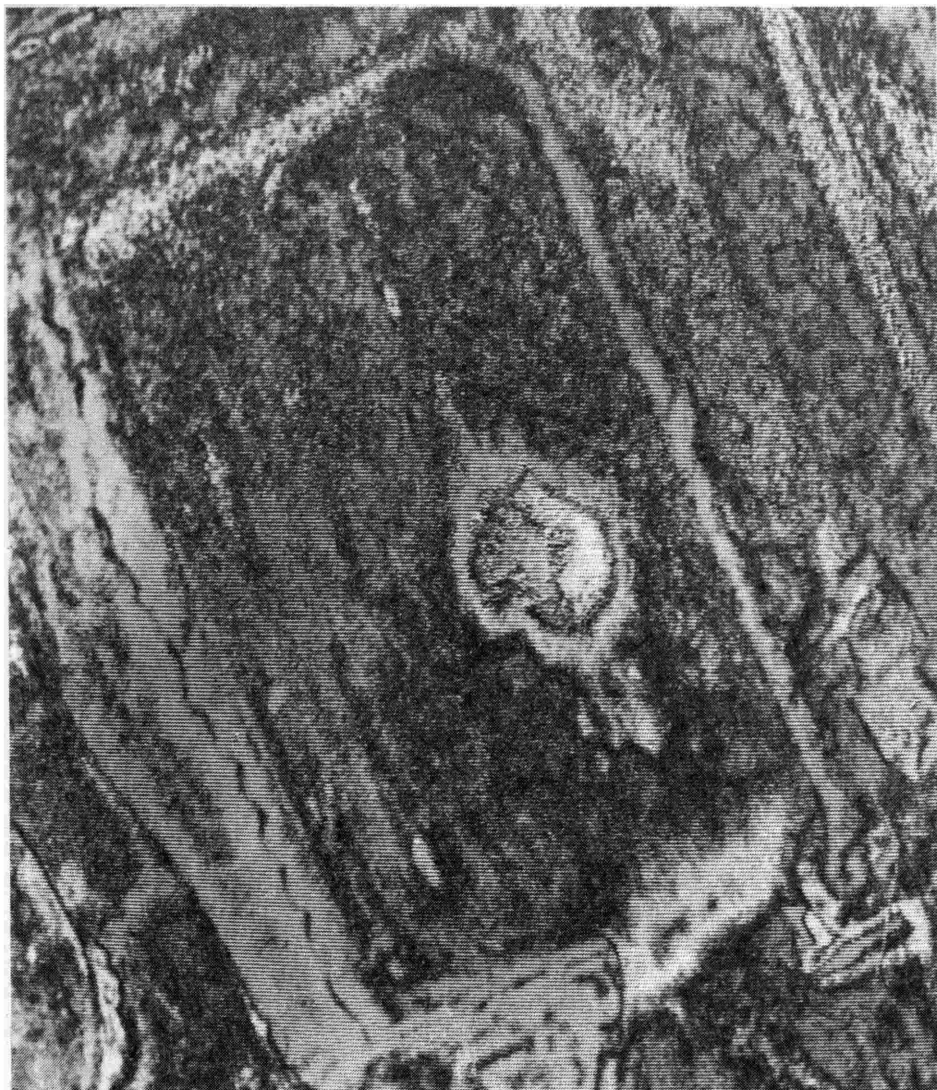

Рис. 2. Результаты компьютерной дешифровки центральной части Колтуновского городища

углубленных в материк и заполненных гумусированным грунтом. Они концентрируются на площади памятника тремя группами, которые намечают ту же площадь древнего поселения, которая ранее была определена по распространению подъемного материала.

Результативным оказался и опыт применения аэрокосмического зондирования для определения границ Пузинского селища. Этот памятник площадью около 28 га расположен на днах в пойменной части левого берега Оскола и на его надпойменной террасе у окраины д. Пузино. Вся его территория постоянно распахивается (рис. 3). В результате разведок, проведенных здесь А. Г. Николаенко¹³, было установлено, что эта территория обживалась носителями бондарихинской, пеньковской и салтово-маяцкой культур. Анализ фотоснимка северной части Пузинского селища, проведенный методами аэрокос-

Рис. 3. Аэрофотоснимок Пузинского селища

мического зондирования, позволил выявить общую систему расположения следов разновременных построек, котлованы которых когда-то были углублены в материковую поверхность (рис. 4). И здесь важно подчеркнуть, что смоделированные ЭВМ границы распространения древних построек соответствуют территории, на которой была найдена основная масса подъемного материала при обследованиях памятника на местности.

Наконец, метод аэрокосмического зондирования может быть использован для поиска и выделения разновременных структур на одном археологическом объекте. Некоторые надежды в этом отношении вселяет изучение Большого городища в долине Корочи. Оно расположено на правом берегу реки и занимает треугольный в плане мыс, образованный впадением в пойму широкой балки оврага. Укрепленная площадка площадью 7 га возвышается над долиной на

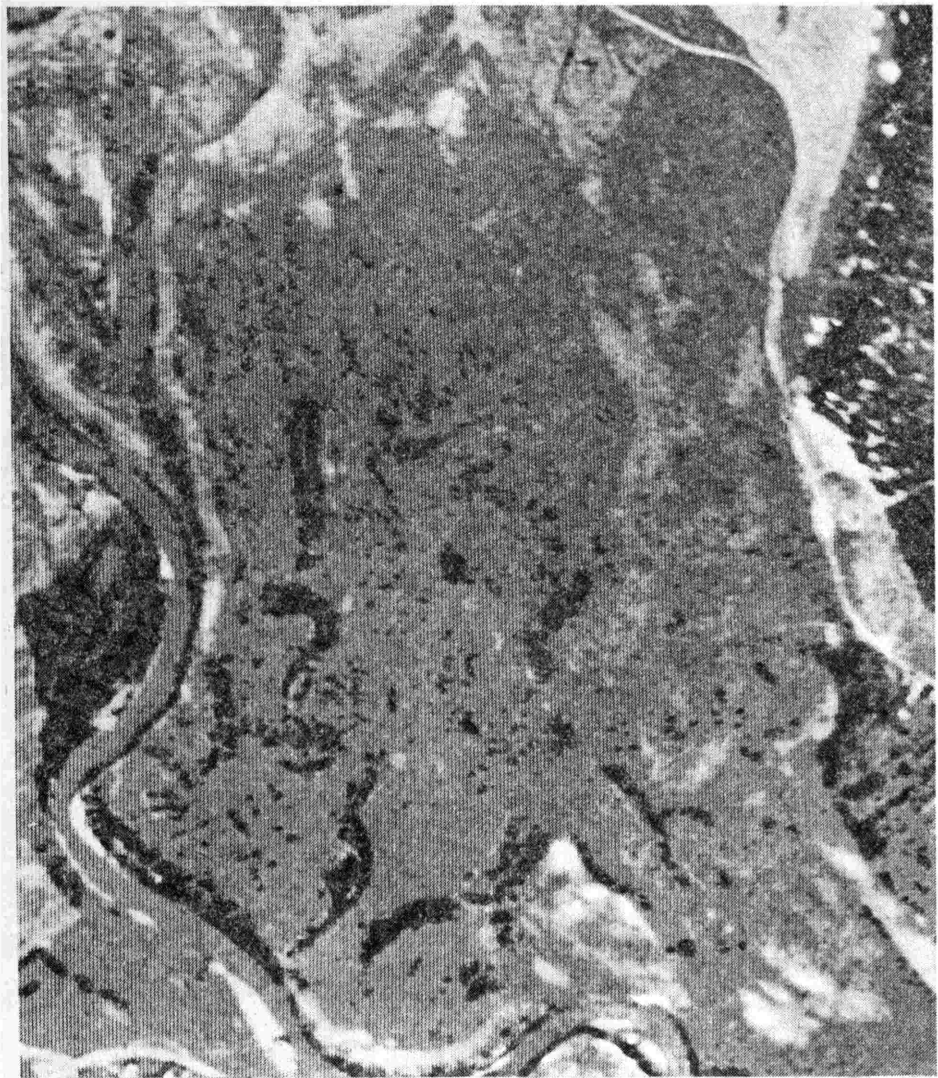

Рис. 4. Результаты компьютерной дешифровки Пузинского селища

30—35 м. Крытые склоны мыса, защищающие крепость, были дополнительно эскарпированы, а узкий перешеек, соединяющий мыс с коренным берегом, укреплен глубоким рвом и валом с проемом в центральной части (рис. 5).

Этот интереснейший памятник стал известен еще в конце XIX в.¹⁴ Впервые городище обследовал И. И. Ляпушкин в 1951 г., датировавший его скифским временем¹⁵. В результате разведок Б. А. Шрамко в 1958 г. здесь были выявлены и средневековые слои — роменские¹⁶ и салтовские¹⁷. В 1981 г., когда мне удалось осмотреть этот объект, на его поверхности отчетливо прослеживалось около 385 западин от заплывших черноземом жилых и хозяйственных построек, а также хозяйственных ям¹⁸, нижняя часть которых была вырублена в меловом монолите. Как показали раскопки Б. А. Шрамко, основные приемы возведения построек в скифское время и салтовскую эпоху здесь были идентичными.

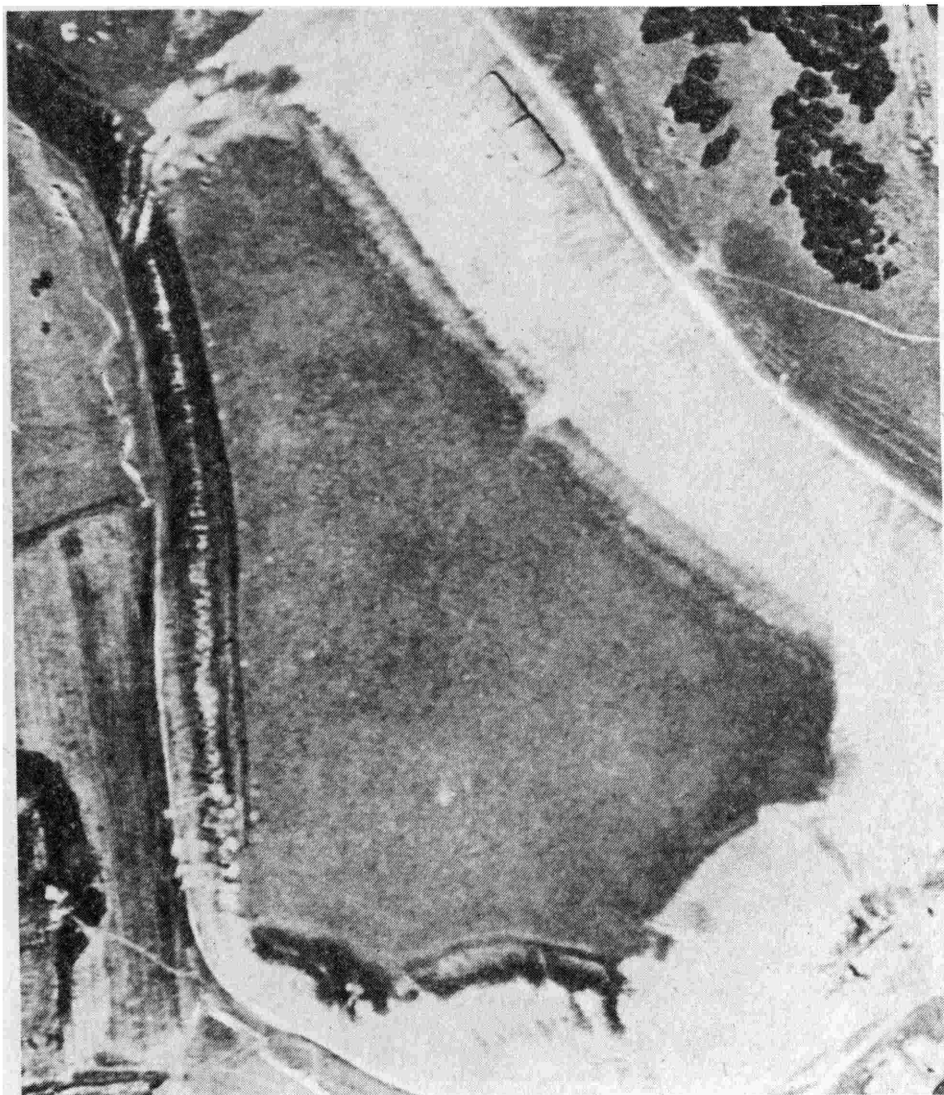

Рис. 5. Аэрофотоснимок Большого городища

Ситуация катастрофически изменилась в 1982 г.: по решению местных властей площадь памятника была вспахана плантажным плугом и засажена деревьями. Осмотр Большого городища после поднятия на нем целины позволил мне зафиксировать там две зоны, в каждой из которых преобладала керамика какого-то определенного времени. Керамика скифского времени преимущественно встречалась в северной и северо-восточной частях мыса, а салтовская преобладала в южной и западной частях городища¹⁹. Таким образом, напрашивался вывод о том, что в скифскую и салтовскую эпохи жители этого поселения осваивали разные участки мыса.

Исследование территории Большого городища методами аэрокосмического зондирования не только позволило уточнить места расположения основной массы жилых и хозяйственных построек, но и сделало возможным хроноло-

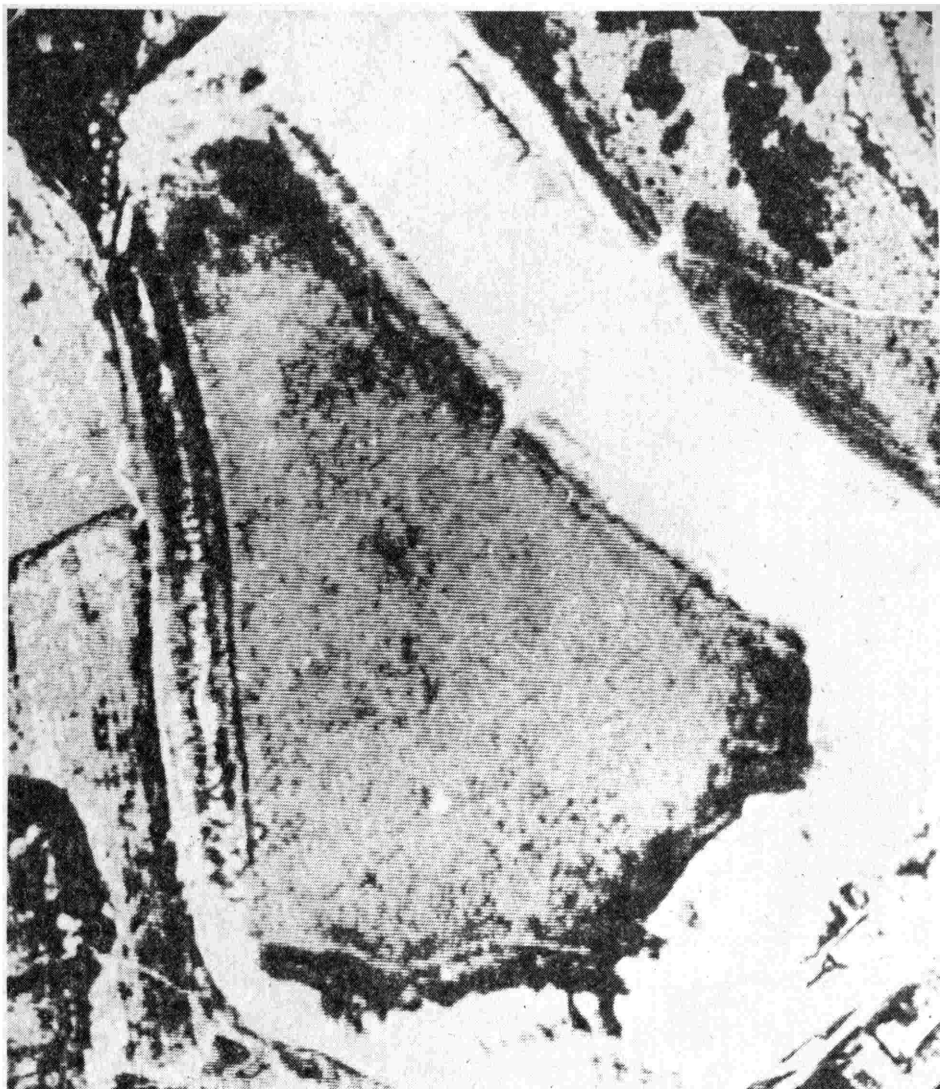

Рис. 6. Результаты компьютерной дешифровки Большого городища (черными точками выделены более гумусированные котлованы построек)

гическую дифференциацию выявленных остатков строений по степени окраски заполняющего их грунта. Оказалось, что постройки, сосредоточенные в северной и северо-восточной частях мыса (рис. 6), имеют более темное (гумусированное), заполнение, а для построек, расположившихся в южной и западной частях городища (рис. 7), характерно более светлое заполнение с меловой крошкой и щебнем. Эта группировка, как видим, полностью соответствует ранее выделенным зонам преобладающего распространения скифской или салтовской керамики и находит вполне понятное объяснение. Между временем возведения скифских и салтовских построек прошло почти 1500 лет и естественно, что котлованы скифских жилищ оказались более запыльными и гумусированными. Тонкие цветовые различия в заполнении древних жилищ, почти неуловимые

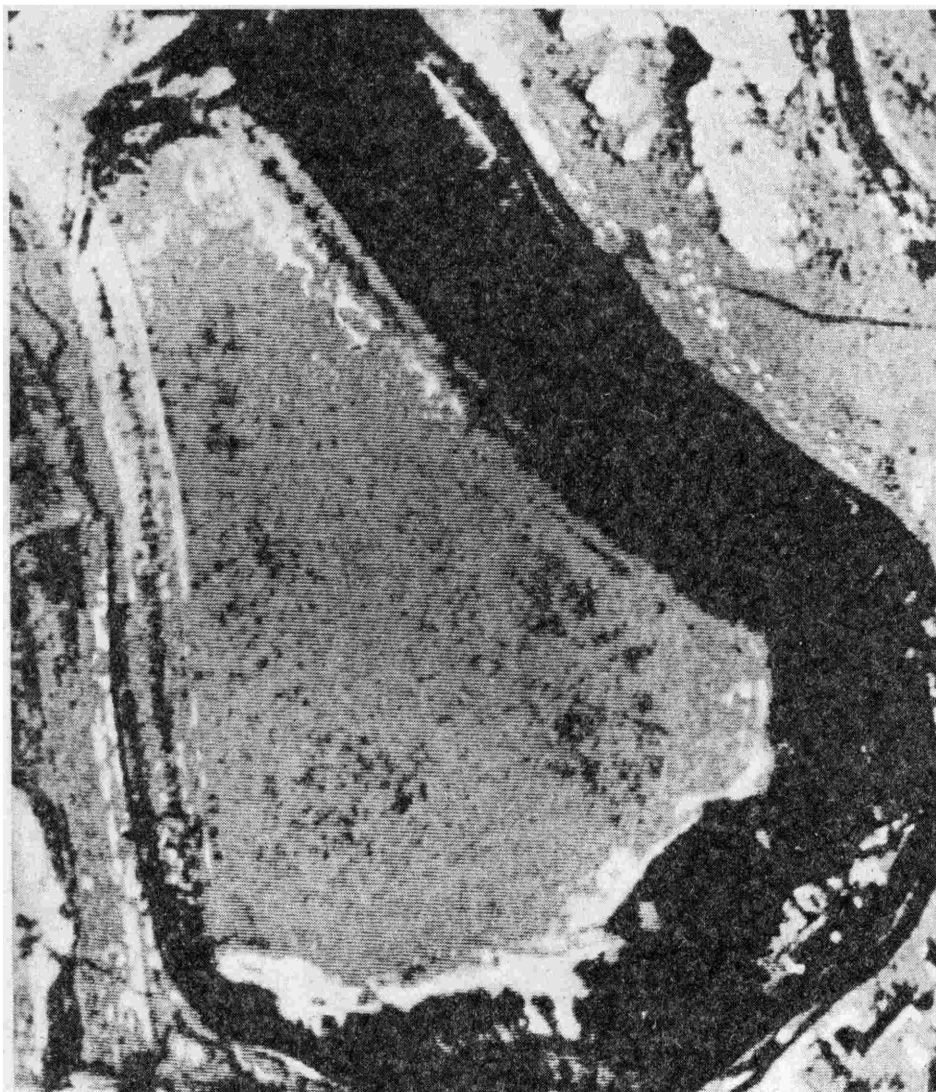

Рис. 7. Результаты компьютерной дешифровки Большого городища (черными точками выделены менее гумусированные котлованы построек)

для человеческого глаза, были все же выделены ЭВМ и локализованы территории памятника. Это подтвердило дифференциацию площади городища на участки, заселенные в различные исторические эпохи.

Изложенные результаты практического применения методов аэрокосмического зондирования салтовских и пеньковского поселений лесостепной зоны бассейна среднего Дона наглядно показывают широкие возможности, которые открывают эти исследовательские процедуры для оценки площадей древних населенных пунктов, определения их реальных границ и даже выделения отдельных элементов внутренней поселенческой структуры. Использование методов аэрокосмического зондирования в археологии может оказать значительную помощь в разработке долговременной стратегии раскопок памятников

определении потенциальных экономических зон различных поселенческих структур и агломераций. Наконец, они могут быть полезны в поиске скрытых морем археологических объектов. Мы находимся в самом начале пути к широкому применению этих исследовательских процедур в нашей науке. Предстоит очень много сделать по отработке приемов выделения большого разнообразия специфических признаков, которыми характеризуются разновременные археологические памятники, расположенные в различных природных условиях, прежде чем методы аэрокосмического зондирования прочно войдут в практику археологического анализа.

- ¹ Плетнева С. А. Хазарские проблемы в археологии//СА. 1990. № 2. С. 77—91; Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990. С. 59—61.
- ² Афанасьев Г. Е. Иерархия долговременных салтовских поселений в долине Оскола//СА. 1990. № 4.
- ³ Richards J. D., Ryan N. S. Data processing in archaeology. Cambridge Univ. press, 1985.
- ⁴ Кренкель Т. Э., Коган А. Г., Тараторин А. М. Персональные ЭВМ в инженерной практике. М., 1989. С. 71—75.
- ⁵ Афанасьев Г. Е. Памятники салтово-маяцкой культуры в долине р. Тихая Сосна//Археологические памятники лесостепного Подонья и Поднепровья I тысячелетия н. э. Воронеж, 1983. С. 96.
- ⁶ Афанасьев Г. Е. Население лесостепной зоны бассейна среднего Дона в VIII—X вв.//АОН. М., 1987. Вып. 2. С. 118—121.
- ⁷ Выписка из строенных книг г. Усерда//Материалы по истории Воронежской и соседних губерний. Воронеж, 1889. Вып. XV. С. 1630.
- ⁸ Паромов Я. М. Обследование археологических памятников Таманского полуострова в 1984—1985 гг.//КСИА. 1989. Вып. 196. С. 72—78, рис. 2.
- ⁹ Турбин И. И. Заявление о городищах в Воронежской губернии//Архив ИИМК. № 202. Д. 163/1926.
- ¹⁰ Олейников Т. М. Отчет о раскопках около Дмитриевского городища в Воронежской губернии в 1927 г.//Там же. № 108. Д. 190/1927.
- ¹¹ Замятнин С. Н. Археологические разведки в Алексеевском и Валуйском уездах//Воронеж. ист.-археол. вестн. Воронеж, 1921. № 2.
- ¹² Плетнева С. А. Отчет о работах Северо-Донецкого отряда Нижне-Донской экспедиции в восточной Приазовье и по рекам Чиру и Дону в 1963 г.//Архив ИА РАН. Р-1. № 2647.
- ¹³ Николаевко А. Г. Лесостепное Приосколье в I тысячелетии н. э.: (Материалы к археологической карте)//Исследование памятников археологии Восточной Европы. Воронеж, 1988. С. 117—140. Архив ИИМК. Ф. 4 (МАО). Д. 168.
- ¹⁴ Ляпушкин И. И. Днепровское лесостепное левобережье в эпоху железа//МИА. 1961. № 104. С. 54—56.
- ¹⁵ Шрамко Б. А. Отчет о полевых исследованиях за 1958 г.//Архив Археол. музея Харьк. гос. ун-та.
- ¹⁷ Шрамко Б. А. Раскопки в бассейнах Северского Донца и Ворсклы//АО 1969 г. М., 1970. С. 244.
- ¹⁸ Афанасьев Г. Е. Отчет о работе Оскольского отряда Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции в 1981 г.//Архив ИА РАН. Р-1. № 9179.
- ¹⁹ Афанасьев Г. Е. Отчет о работе Оскольского отряда Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции в 1982 г.//Там же. № 8947.

Я. М. Паромов

ПРИНЦИПЫ ВЫЯВЛЕНИЯ ЭВОЛЮЦИИ СИСТЕМЫ РАССЕЛЕНИЯ (На примере Таманского полуострова)

На протяжении полутора столетий Таманский п-ов, по образному выражению И. С. Каменецкого, являлся полигоном, на котором развивалась и совершенствовалась отечественная археология. Все это время на повестке дня стояла задача сплошного обследования его территории. В последние годы эта задача

выполнялась Разведочным отрядом Института археологии РАН в связи с подготовкой свода памятников истории и культуры народов России, а также народнохозяйственным строительством¹. Разведки базировались на новой методической основе².

Целью данной статьи является освещение методики этих исследований. Таманский п-ов некогда представлял собой группу островов древней дельты Кубани³. Современные его очертания сложились в результате заполнения дельты аллювиальными отложениями. Активную роль при этом играли вулканические и оползневые явления, а также постоянная деятельность моря по разрушению и переносу материала берегов. Все эти процессы протекали при участии эоловых, эрозионных и других явлений. По современной схеме почвенного районирования Таманский п-ов входит в Приазовско-Предкавказскую степную провинцию развитых черноземов⁴. Он представляет собой район интенсивного земледелия — виноградарства, характеризуется практически полным хозяйственным освоением земель. Последнее обстоятельство обусловило создание специфической методики выявления и обследования археологических памятников, а также определило границы ее применения.

Особенностью методики явилось то, что впервые для археологических разведок в этом регионе были привлечены данные аэрофотосъемки и современный крупномасштабный картографический материал. Это позволило сделать объектом исследований не отдельное поселение или группу памятников, а систему расселения на данной территории в целом, проследить ее изменение во времени. Наряду с историографическим поиском, обработкой аэрофотосъемочного и картографического материала полный комплекс работ включал в себя полевые исследования, обработку коллекций и их анализ.

Среди исследований, посвященных памятникам Таманского п-ова, в интересующем нас аспекте основными являются работы К. К. Герца, М. О. Поночевного, В. В. Соколова, А. С. Башкирова, С. Ф. Войцеховского, А. А. Миллера, В. Д. Блаватского, Н. И. Сокольского и некоторых других ученых⁵. К сожалению, даже краткий анализ этих работ не укладывается в рамки данной статьи. Однако необходимо сказать несколько слов об исследованиях С. Ф. Войцеховского и А. А. Миллера, выделив их по постановке задачи и широте охвата.

В 1920-е годы С. Ф. Войцеховский, будучи директором Темрюкского музея, активно занимался изучением древностей и геологии Таманского п-ова как самостоятельно, так и участвуя в различных экспедициях. Итогом его исследований явилась весьма интересная работа, почти полностью утраченная (опубликована лишь ее первая часть). Утрачены также составленные им карты Таманского п-ова в различные эпохи, иллюстрировавшие исследование. Мы располагаем лишь копией археологической карты, на которой в пределах Таманского п-ова обозначены 58 поселений, носящих «следы античной культуры»⁶. Несомненна научная ценность этого документа как важного источника для современного исследователя и как свидетельства напряженной работы и значительных достижений автора по выявлению поселений античного времени.

В 1930 и 1931 гг. планомерные исследования на Таманском п-ове проводила экспедиция ГАИМК под руководством А. А. Миллера. Важно отметить, что общей установкой в работе экспедиции явилась новая для своего времени задача «изучения в пределах ограниченной территории всего процесса развития материальной культуры в ряде последовательных изменений и преобразований»⁷. Для разрешения этой задачи планировалось проведение широкой разведки к востоку от Керченского пролива, с охватом коренных берегов Ахтанизовского и Кизилташского лиманов. Разведки предусматривали фиксацию памятников на топографической карте 1-верстного масштаба, выявление связи памятников с элементами древнего ландшафта, снятие планов памятников планшетной

съемкой, сбор, обработку и классификацию подъемного материала. Однако работы экспедиции через два года были свернуты, что отразилось на полноте исследований и опубликованных материалов. Тем не менее даже выполненная часть работы имеет огромную ценность для археологии. Итогом ее явились археологическая карта, на которой обозначены 88 поселений с точной топографической привязкой, а также четыре плана полуострова, на которые нанесены памятники, относящиеся к архаическому, классическому, эллинистическому, римскому периодам, раннему средневековью и турецко-татарскому времени, а также местонахождения эпохи камня и бронзы, остатки поселений и раскопанные курганы бронзового века ⁸.

При обследовании Таманского п-ова автором данной статьи были привлечены аэрофотосъемки ГУГК 1958—1974 гг., производившиеся в топографических целях. Следует особо остановиться на этом моменте. Широко известен опыт использования аэрометодов, накопленный Хорезмской экспедицией Института этнографии РАН. Однако он создавался на основе специальных аэрофотосъемок, производившихся в археологических целях. Учитывая высокую их стоимость, приходится признать, что специальные аэрофотосъемки едва ли осуществимы в широкой археологической практике, особенно при обследовании значительных площадей. Вместе с тем, обращение к архивным аэрофотосъемкам ГУГК раскрывает широчайший по охвату новый источник в археологических исследованиях, привлечение которого связано с минимальными финансовыми затратами. Нужно отметить информативную ценность этого источника при изучении организованной сельскохозяйственной территории (хоры) античных государств Северного Причерноморья. Это было убедительно доказано исследованиями А. Н. Щеглова ⁹, успешно применившего архивные аэросъемки при изучении земельного кадастра Херсонеса Таврического. Исследования Таманского п-ова были обеспечены также картами и планами землепользования единого масштаба 1 : 10 000, являющегося наиболее пригодным для территориальных археологических исследований. Этот материал в силу своей точности снимает всякие проблемы, связанные с привязками, поиском и интерпретацией памятников.

Параллельное изучение данных историографии, аэрофотосъемок и карт позволило в процессе полевых работ выявить и накопить признаки отображения древней жилой застройки на аэрофотоснимках и крупномасштабных картах, отсеять признаки, порожденные эоловыми, эрозионными и другими явлениями. Следующим этапом было выявление новых памятников. Выяснилось, что практически все обследованные поселения отображены соответствующими признаками на аэрофотоснимках, а более половины из них — также в рисунке рельефа на современной топографической карте. Представилось возможным установить местонахождение памятников, зафиксированных на снимках, но к настоящему времени частично или полностью уничтоженных в результате застройки, распашки, разрушения берегов и т. д.

Высокая степень информативности плановых аэрофотосъемок объясняется, в частности, тем, что практически все земли полуострова, как уже отмечалось, в настоящее время распашаны. Распашка обнажила следы деятельности человека на протяжении многих веков. Эти следы, зафиксированные на аэрофотоснимках, в совокупности составляют достаточно полное отображение системы расселения с основными ее элементами. Осветленные пятна поселений связаны темными лентами древних дорог, а сельскохозяйственная территория расчерчена светлыми размытыми линиями межевания античного времени. Основным строительным материалом на Таманском п-ове как в античное время, так и в средневековье являлся сырец, что и определяет эти признаки. В первом приближении они всегда светлее окружения. Разница во времени между

античными и средневековыми поселениями обуславливает более яркое (примерно удвоенное по интенсивности) изображение последних (разумеется, при сравнении памятников, зафиксированных в одинаковых условиях). Масштаб аэрофотосъемок в некоторых случаях позволяет проследить внутреннюю структуру поселений. Отдельные осветленные пятна и контуры на снимках можно отождествить с реальной картиной — осветленными возвышениями в микро-рельефе памятника, являющимися следами сырцовых строений или усадеб с комплексами их построек. Подъемный материал при визуальном обследовании, как правило, концентрируется на этих пятнах, достигая здесь наибольшей плотности. В условиях Таманского п-ова практика полевых исследований показала достаточно четкую выраженность границ памятников, а также их совпадение с данными аэрофотосъемок.

В нашем исследовании одной из основных была проблема репрезентативности подъемного материала при определении периода существования поселений. Обратим внимание на две стороны этой проблемы: на характер датирующего материала и на процесс формирования той «пленки» подъемного материала, которая является единственным (в случае отсутствия обнажений) источником информации о времени существования поселения. Датировка поселений была основана на амфорах — самом массовом и наиболее изученном материале. Естественно, что время бытования некоторых типов амфор будет уточняться и в дальнейшем, но это может внести в исследование лишь определенную корректировку, поскольку памятники датировались не столько в абсолютных датах, сколько присутствием определенных типов амфор. При обработке и классификации подъемного материала, собранного на поселениях античного и средневекового времени, было выявлено более ста типов амфор, известных по специальным работам отечественных и зарубежных авторов.

В связи с другой стороной проблемы — процессом формирования «пленки» подъемного материала на поселениях — следует вспомнить о раскопной практике, которая убеждает в том, что любой отдельно взятый слой памятника наряду с присущими только ему материалами в той или иной мере содержит в себе материалы всех более ранних слоев, привнесенные в результате хозяйственной деятельности (рытья фундаментов, подвалов, зерновых ям, колодцев и т. д.).

При этом материалы нижних слоев в количественном отношении иногда преобладают¹⁰. Иными словами, в процессе активной жизнедеятельности поселения происходит постоянный вынос на дневную поверхность материалов более ранних слоев. Это наблюдение позволяет предположить, что подъемный материал сравнительно полно отражает все периоды существования поселения.

Для датировки памятников были использованы и другие категории подъемного материала: фрагменты черно и краснолаковой посуды, строительная керамика, клейма, монеты, другие индивидуальные находки, поддающиеся хронологическому определению.

В связи с проблемой репрезентативности подъемного материала при датировке поселений представилось необходимым сопоставить датировки поселений по данным раскопок и подъемному материалу. Такое сопоставление, проведенное почти на 30 памятниках, убеждает в надежности определения периода существования поселений по подъемному материалу.

Итогом исследований разведочного отряда явилась «Археологическая карта Таманского полуострова», включающая 237 поселений античного и средневекового времени. 120 из них ранее не были зафиксированы. Кроме того, на карту нанесено около 500 курганов. Это первый кадастр такого рода погребальных сооружений полуострова. Впервые выявлено и обследовано более 150 км древних

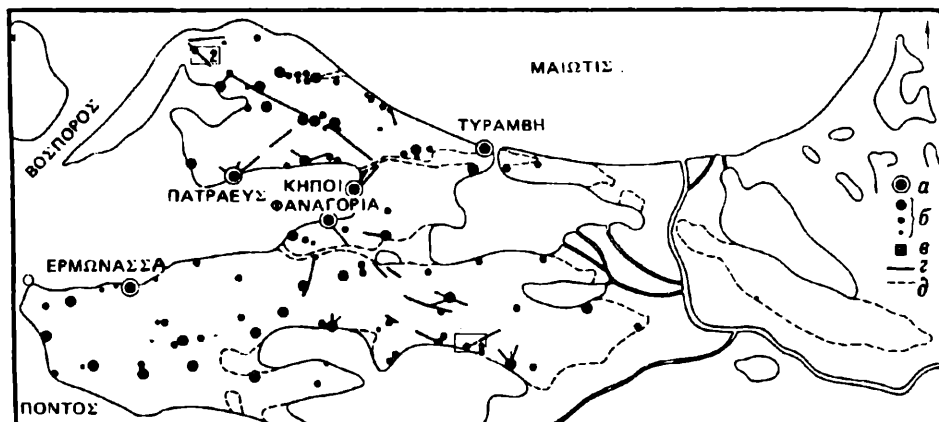

Рис. 1. Схема расположения поселений раннеантичного времени на Таманском п-ове:
 а — города; б — поселения; в — поселения с крепостью; з — древние дороги; д — линии древнего берега (условные обозначения едины для всех приводимых в статье карт)

дорог, а также прослежено деление земельных наделов античного времени на площади около 525 км².

Сплошное обследование полуострова позволило выявить систему расселения на его территории и проследить основные этапы ее эволюции.

Зарождение системы расселения античного времени происходит в VI в. до н. э., когда здесь было основано не менее 17 поселений. Они датируются фрагментами амфор с широкими полосами и хиосских, на высоком поддоне с воронкообразным горлом, которые отечественными авторами относятся к первой половине VI в.¹¹ По мнению некоторых зарубежных авторов, например П. Дюпона¹², амфоры с широкими полосами, являющиеся клазоменским импортом, существуют на протяжении всего VI в. В конце VI — начале V в. до н. э. греками была заселена практически вся территория полуострова. Здесь существовало не менее 62 поселений, характерным материалом для которых являются фрагменты амфор: самосских, ионийских с полыми доньями, коринфских с широкими венцами, хиосских пухлогорлых архаического типа¹³.

В V в. число поселений достигло не менее 102 (рис. 1). Характерными находками на них являются также фрагменты амфор: со стаканообразными доньями, лесбосских сероглиняных, хиосских пухлогорлых, протофасосских, типа лесбосских темной глины, хиосских пухлогорлых позднего типа, фасосских неклеяемых, круга фасосских с резным пояском на горле, мендийских, круга фасосских с широким корпусом, раннего типа с рюмкообразными ножками, подражательных типов — имитация протофасосских амфор, мендийских пифонидного типа, хиосских клейменных с прямым горлом¹⁴.

Освоение греками Таманского полуострова неразрывно связано с широкой колонизацией всего Северного Причерноморья. В процессе заселения новых земель была создана первичная инфраструктура, включающая дорожную сеть и межвание сельскохозяйственной территории (рис. 2, 1—4). Интенсивность роста поселений позволяет предположить, что уже на первых этапах колонизации не только греки-колонисты, но и местное синдское население приняло активное участие в формировании системы расселения, основанной на греческой системе землепользования.

В IV в. до н. э. число зафиксированных поселений увеличивается не менее чем до 186. В условиях практически полного освоения территории

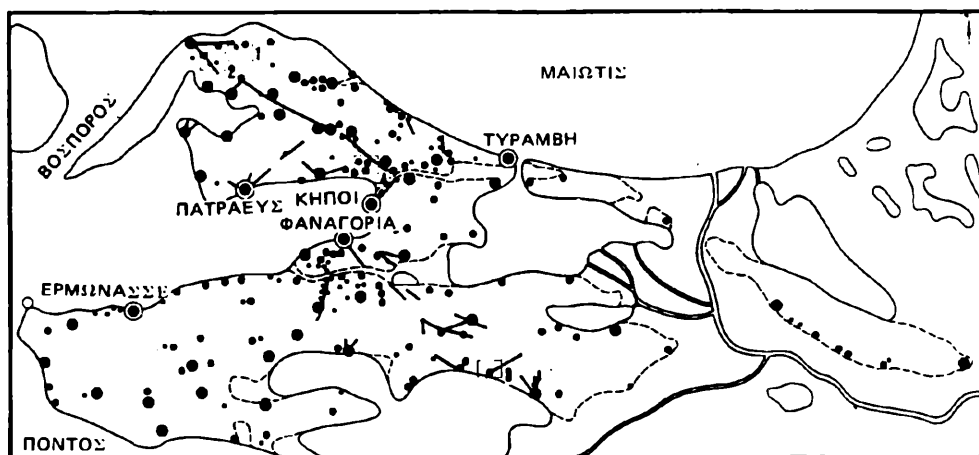

Рис. 2. Схема расположения поселений эллинистического времени на Таманском п-ове. Фрагменты хоры по данным натурного обследования и дешифрирования аэрофотоснимков (1—4)

а — поселения; б — крепость; в — древние дороги; г — линии межевания

Таманского п-ова это было связано с закономерным увеличением плотности заселения. Среднее расстояние между поселениями уменьшилось в основном за счет возникновения малых и средних населенных пунктов между большими. Этот этап связан с отмеченным в науке расцветом сельских поселений в Северном Причерноморье 15. Для данного региона причинами этого были, вероятно, возникновение и усиление Боспорского царства, объединившего Керченский и Таманский полуострова, смещение центра тяжести государственных интересов к востоку, освоение плодородных земель низовьев Кубани, наступившее вслед за длительным завоеванием Феодосии при Левконе I. Следует

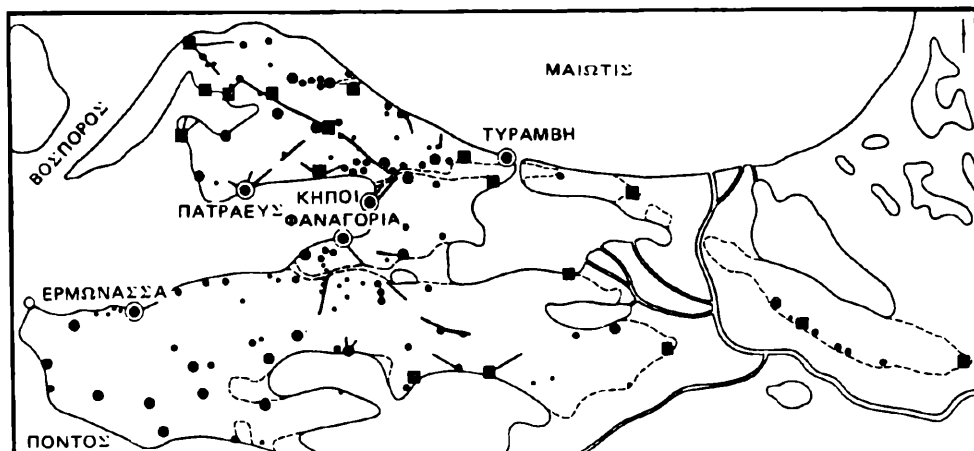

Рис. 3. Схема расположения поселений с крепостями и неукрепленных поселений на Таманском п-ове в конце I в. до н. э.— начале I в. н. э.

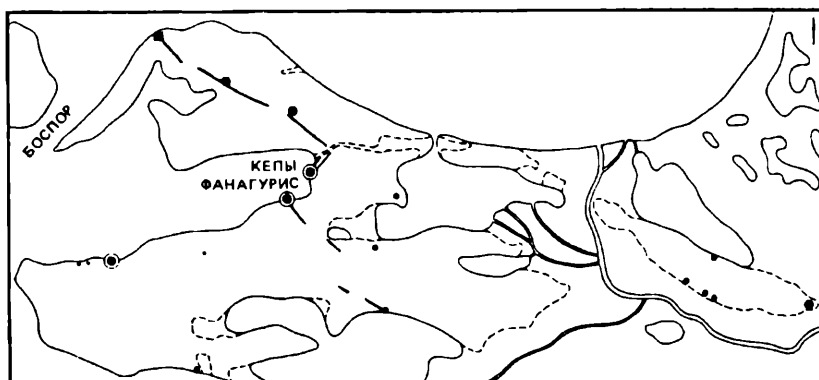

Рис. 4. Схема расположения раннесредневековых поселений на Таманском п-ове

отметить и характерные для того времени расширение и переориентацию внешней торговли.

В эллинистический период число поселений увеличилось не менее чем до 200 (рис. 2). В конце I в. до н. э. произошло качественное изменение в системе расселения, вызванное одновременным строительством ряда крепостей на существовавших ранее поселениях (рис. 3). Вместе с укрепленными городами они составили теперь целостную систему обороны как всего архипелага, так и отдельных его островов. Наиболее ярко это проявилось в северо-западной части Таманского п-ова¹⁶. Одновременно или почти одновременно с этим число поселений на данной территории уменьшилось примерно на четверть, до 142. Карта их размещения не позволяет говорить о каких-либо радикальных изменениях системы в целом, однако уменьшение количества поселений следует считать началом ее упадка, связав предположительно это явление с процессом «сарматизации» Босфора. Отмеченные изменения явились результатом деятельности царей династии Асандра-Аспурга, а также таких событий, как война между Котисом и Митридатом в 44—45 гг. н. э.

В первые века нашей эры происходила постепенная деградация системы

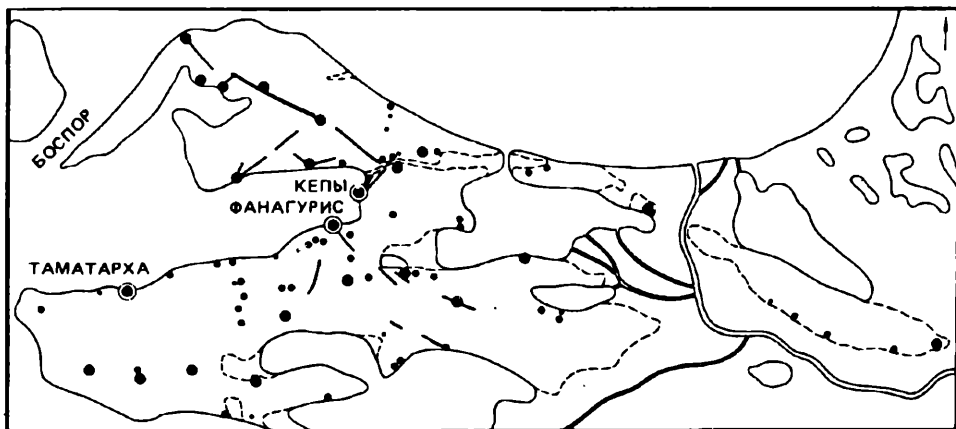

Рис. 5. Схема расположения поселений хазарского времени на Таманском п-ове

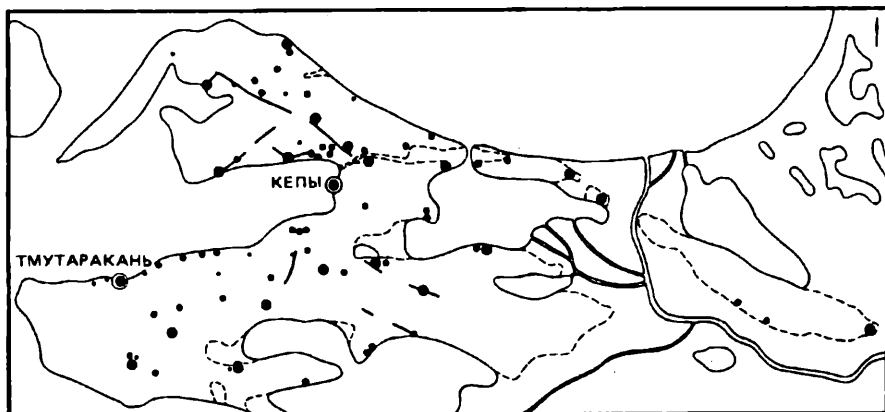

Рис. 6. Схема расположения поселений тмутараканского времени на Таманском п-ове

античного расселения, связанная с усилением варварского влияния и общим упадком Боспорского царства. К концу этого периода количество поселений уменьшилось до 117. В результате нашествия варварских племен в середине III в. н. э. античная система расселения на Таманском п-ове, развивавшаяся в течение почти тысячелетия, практически перестала существовать. Для IV в. жизнь зафиксирована лишь на 30 поселениях. Нашествие гуннов во второй половине IV в. завершило разрушение системы. Материалы V в. на рассматриваемой территории найдены только на 14 поселениях, существовавших уже в новых исторических условиях, на окраине Византийской империи (рис. 4). Карта расселения в тот период наглядно показывает сохранение жизнедеятельности лишь нескольких береговых поселений, расположенных у переправ и в других узловых пунктах, поселений у главных дорог, а также укрытых от внешнего воздействия в глубине полуострова, например на Большом Кандауре.

В средневековье система расселения на Таманском п-ове переживает возрождение. Следует отметить, что датировка средневековых амфор более расплывчата, чем античных. Особенно это относится к раннему средневековью. Однако анализ массового материала позволяет все же сделать некоторые

предварительные заключения. Из 124 обследованных средневековых памятников 64 возникли предположительно в VIII в., 34 — в X в., остальные — раньше или позже указанного времени. Это позволяет выделить два важных этапа в развитии системы расселения на Таманском п-ове в средневековье — VIII и X вв. Первый этап связан, по-видимому, с присоединением этих земель к Хазарскому каганату (рис. 5), второй — с разгромом хазар и образованием русского Тмутараканского княжества (рис. 6). В средневековье, как и в античную эпоху, была освоена вся территория полуострова, хотя экономическая база и характер такого освоения были иными¹⁷.

На примере обследования Таманского полуострова можно предложить следующие основные принципы изучения системы расселения для степных и предгорных районов Причерноморья и Северного Кавказа: а) привлечение современного крупномасштабного картографического материала, в том числе планов землепользования; б) изучение материалов аэрофотосъемки разных лет; в) накопление признаков отображения древней системы расселения путем параллельного изучения картографического и аэрофотосъемочного материала с данными письменных источников и предшествующих исследований; г) анализ и использование подъемного материала для определения датировок, границ памятников и плотности застройки по предложенной методике; д) выявление комплекса элементов системы расселения: поселений и могильников, древних дорог, межевания сельскохозяйственной территории и т. д.; в) составление дифференцированных по времени археологических карт, позволяющих наглядно проследить эволюцию системы расселения.

Устойчивость и полнота изучения системы расселения зависят от комплексного применения перечисленных принципов, их взаимопроверки и дополнения в процессе работы.

Для других районов, где в древности и средневековье возникали и развивались системы расселения в иных условиях, необходима разработка собственных методических подходов, хотя основные принципы изложенные здесь, могут быть общими.

¹ Паромов Я. М. Обследование археологических памятников Таманского полуострова в 1981—1983 гг. // КСИА. 1986. Вып. 188. С. 69—76; Он же. Обследование археологических памятников Таманского полуострова в 1984 и 1985 гг. // КСИА. 1989. Вып. 196. С. 72—78.

² См.: Гуляев В. И. Проблемы изучения древних поселений в археологии: социологический аспект // КСИА. 1990. Вып. 201. С. 101, 102.

³ Войцеховский С. Ф. Опыт восстановления рельефа Таманского полуострова применительно к эпохе Страбона и позднему времени // Зап. Северо-Кавказского краевого общества археологии, истории и этнографии. 1929. Вып. 5/6. С. 5—7; Атавин А. Г. Влияние природных факторов на жизнь поселений Таманского полуострова (На примере Фанагории) // Методы естественных наук в археологии. Сб. МОИП. М., 1987. С. 29—35.

⁴ Афанасьева Т. В., Василенко В. И., Терешина Т. В., Шеремет Б. В. Почвы СССР. М., 1979. С. 46—50.

⁵ Краткая библиография приведена в статье: Паромов Я. М. Обследование археологических памятников...

⁶ Копия карты любезно предоставлена мне А. К. Коровиной; за что приношу ей глубокую благодарность.

⁷ Миллер А. А. Таманская экспедиция ГАИМК // СГАИМК. 1931. № 1. С. 26.

⁸ Археологическая карта Таманского полуострова, составленная сотрудниками Таманской экспедиции ГАИМК 1930—1931 гг. // Архив ЛОИА. Р-1. № 158. Инв. 1210; № 160. Инв. 1303—1306.

⁹ Щеглов А. Н. Комплексные исследования в Северо-Западном Крыму // АО 1979 г. М., 1980. С. 354, 355; Он же. Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л., 1978; Sceglov A. N. Utilisation de la photographie aereenne dans l'etude du cadastre de Chersonesos Taurique en IV—II siecles av. n. e. // ДНА. 1980. № 6.

¹⁰ Блаватский В. Д. Культурный слой античного городища // КСИИМК. 1950. Вып. 35. С. 55—59; Он же. Античная полевая археология. М., 1967. С. 42—50.

¹¹ Зеест И. Б. Керамическая тара Боспора. М., 1960; Онайко Н. А. Архаический Торик. Античный город на северо-востоке Понта. М., 1980.

¹² Dupont P. Amphores commerciales archaïques de la Grece de l'Est. P., 1982. P. 204—207.

¹³ Зеест И. Б. Керамическая тара...; Онайко Н. А. Архаический Торик; Рубан В. В. К хронологии

- раннеантичных поселений Бугского лимана: (По материалам хиосских амфор)//Материалы по хронологии археологических памятников Украины. Киев, 1982. С. 96—113; *Anderson J. K. Excavations of the Kofina Ridge, Chios//ESA. 1954. N 49; Grace V. R. Amphoras and the ancient wine trade: Excavations of the Athenian Agora, Picture Book N 6. Princenton (N. J.), 1961.*
- ¹⁴ *Брашинский И. Б. Греческий керамический импорт на Нижнем Дону в V—III вв. до н. э., Л., 1980; Зеест И. Б. Керамическая тара...; Онайко Н. А. Архаический Торик; Grace V. R. Amphoras....*
- ¹⁵ *Кругликова И. Т. Сельское хозяйство Боспора. М., 1975. С. 53 и след.*
- ¹⁶ *Сокольский Н. И. К истории северо-западной части Таманского полуострова в античную эпоху//Acta antiqua Philippopolitana. Studia archaeologica. Sofia, 1963. С. 11—25.*
- ¹⁷ *Паромов Я. М. Археологическая карта Таманского полуострова. Рукопись//ИНИОН. № 47103. М., 1992.*

В. И. Борисенко, В. Ю. Бубнов, А. С. Смирнов

ПРОГРАММНЫЙ КОМПЛЕКС СОПРОВОЖДЕНИЯ И ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ СТАТОБРАБОТКИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ДАННЫХ

Характерной чертой большинства используемых в настоящее время математических методов и имеющихся в этом направлении работ является ориентация непосредственно на статистическую обработку конкретного материала. В меньшей степени уделялось внимание составлению баз данных и полностью отсутствуют практические разработки пакетов прикладных программ по формализованному описанию и хранению информации об археологическом памятнике в целом.

Для плодотворного применения современных методов обработки материала необходимы соответствующая аппаратная база (она уже существует и распространена) и программное обеспечение, ориентированное на подобную обработку.

Авторы настоящей работы поставили перед собой задачу создания программного комплекса, который должен обеспечивать сопровождение базы данных, ориентированной на памятники поселенческого типа, а также осуществлять анализ закономерностей распределения материала в культурном слое, в полной мере используя информацию, хранящуюся в ЭВМ.

Без идеологической проработки архитектуры базы данных, способов формирования и хранения данных об археологических памятниках (содержащих весь объем конкретных признаков объектов) и структуры обрабатывающего программного комплекса невозможно действенное использование статистико-комбинаторных методов.

Авторы стремились дать возможность хранить в базе данных максимально полную информацию о памятнике как комплексе объектов, обладающих набором конкретных признаков и координат, характеризующих размещение каждого объекта в реальном трехмерном физическом пространстве (раскопе).

Принципиальным отличием настоящей разработки от прочих используемых в археологии СУБД является возможность хранения графической информации: плана раскопа, включающего систему обозначения квадратов (буквенная, буквенно-цифровая, цифровая с использованием арабских и римских цифр) и нивелировки поверхности. Предусмотрено введение имеющихся в распоряжении пользователя профилей раскопа.

Авторы старались применять не только наиболее апробированные в археологии методики, но и использовать традиционные способы представления результатов, во-первых, в виде матриц, во-вторых, в виде графов различной конфигурации. Помимо традиционности, второй способ позволяет зрительно представить структуру взаимосвязи признаков.

В качестве основы статистической обработки был принят математический аппарат, использованный в работе Г. А. Федорова-Давыдова¹.

Результаты статистического анализа могут использоваться при последующей обработке — выявлении закономерностей распределения материала в пространстве (планиграфия, стратиграфия) раскопа, выделении комплексов. В описываемой версии программного комплекса авторы остановились на проведении элементарных статистических расчетов: вычислении типобразующих признаков и коэффициентов сопряженности вариантов признаков.

При подготовке к работе с памятником пользователь должен иметь четкое представление о категориях (керамика, кремль и т. д.) и характерных признаках объектов (элементы базы данных), с которыми он предполагает работать. В его распоряжении имеется подготовленный заранее специалистом-археологом набор так называемых тип-листов, описывающих все признаки, их варианты и подварианты. При отсутствии в СУБД необходимого тип-листа пользователь обязан сформировать его сам, для чего разработан встроенный редактор, позволяющий работать не только с текстовой информацией, но и создавать иерархическую структуру списка.

Необходимая информация о геометрической конфигурации комплекса также должна быть введена пользователем при первичном занесении данных в базу и является неотъемлемой частью описания памятника, используемой при обработке данных и их отображении.

База данных по желанию пользователя может содержать текстовый файл, в котором хранится информация о памятнике: автор и год раскопок, топография памятника, его особенности, библиография и др.

Для каждой категории находок формируются отдельные файлы, соответствующие своему типу-листу и геометрической конфигурации комплекса. Это позволяет ввести в базу данных практически весь массовый материал, встреченный в культурном слое памятника, и использовать его для дальнейшего анализа. Информация о конкретных объектах группируется в СУБД по двум основным параметрам: признаки объекта (в данном варианте программы использованы только качественные признаки, принятые как безальтернативные) и координаты объекта.

Известно, что при раскопках поселений получают группы находок (объектов), обладающих одинаковыми наборами вариантов признаков. Описываемая СУБД при вводе данных представляет пользователю возможность отмечать конкретные варианты признаков из сформированного заранее списка (тип-листа). Эта комбинация временно (до ввода следующей группы) запоминается, и внесение информации в базу об очередном объекте данной группы требует лишь введения координат каждой находки. Для этого СУБД формирует окно на экране, внутри которого по мере заполнения возникают следующие позиции: «раскоп», «квадрат», «сектор» (имеется в виду сектор квадрата А—Г), «глубина» (принимается как со знаком «—», так и со знаком «+»). Последней строкой в окне возникает позиция «комплекс». Пользователем может быть введена любая буквенно-цифровая последовательность, например «скопление 4», «яма 8», «кострище 5», «жилище 1» и т. п. Переход к новой группе находок требует формирования новой комбинации признаков и т. д. Программой ведется контроль за соответствием координат находок конкретной конфигурации раскопа.

Статистическая обработка включает два последовательных этапа. На первом происходит определение типобразующих признаков. Для каждой пары признаков вычисляется коэффициент Чупрова. Результат выводится на экран в виде обобщающей матрицы, а также в виде графа, где значения связей между признаками показаны различным цветом. Меняя интерактивно пороговое значение связи, можно наглядно представить на экране и, следовательно, проанализировать корреляцию между признаками. На втором этапе высчитывается ко-

эefficient сопряженности всех вариантов признаков. Полученные результаты выводятся на экран в виде группы матриц по каждой паре признаков. После анализа числовых матриц связей пользователь выводит их на экран в виде графа. Помимо этого, на экране создается граф, включающий все варианты типобразующих признаков.

По желанию пользователя возможно определение сопряженности между всеми вариантами двух конкретных признаков. Вывод результатов также происходит в виде матрицы и графа с допустимым изменением порога.

Созданная СУБД позволяет производить над данными ряд логических операций, прежде всего извлечение информации по определенному критерию. Это могут быть признак или группа признаков, определенный набор координат (квадрат, глубина), конкретный комплекс, иные критерии. Вывод может быть упорядочен по какому-либо принципу (глубина, квадраты и т. п.). Для каждой выборки формируется новый файл базы данных, что представляет возможность его самостоятельной статобработки, сравнения с другими выборками, анализ распределения объектов и т. д.

Данная СУБД функционирует на компьютерах, совместимых с IBM PC под управлением операционной системы MS DOS. Для вывода информации используются графические адаптеры типа EGA или VGA. Поддерживается интерфейс с пользователем в стандарте SAA/SIA. Выпадающие меню и всплывающие окна обеспечивают пользователю простоту и наглядность при работе с СУБД.

Для вывода графов применены оригинальные круговые диаграммы с изображением связей признаков по принципу «каждый с каждым»; с их помощью пользователь может легко обнаружить и выделить интересующую его информацию. Аналогов данному способу представления информации авторам найти не удалось.

Поскольку описание каждого объекта занимает много места, авторы постарались максимально уплотнить хранящуюся на диске информацию, для чего применили двоичную упаковку данных в файлах. А для повышения скорости работы программа пытается использовать всю память, которая имеется в наличии, чтобы как можно меньше работать с диском.

Достоинствами предлагаемого программного комплекса являются археологическая направленность, простота использования, возможность хранения практически всех данных по массовому материалу памятника в сочетании с характеристикой конкретного раскопа. Статпакет позволяет выявить характерные типы и их варианты и представить их в наглядном, удобном для интерпретации и дальнейшего использования виде.

СУБД не требует специальной подготовки, диалог в данной версии ведется на русском языке. Программа ввода данных максимально упрощена, позволяет использовать для этой операции неквалифицированного пользователя. Мы имеем именно банк данных, путем анализа которого при помощи различных пакетов прикладных программ можно обрабатывать информацию с конкретной целью.

Предлагаемая СУБД является одним из реально возможных способов создания банка данных археологических памятников.

¹ Федоров-Давыдов Г. А. Статистические методы в археологии. М., 1987.

СЕВЕРНАЯ САМБИЯ: АПРЕЛЬ 997 ГОДА

Археологические исследования последних десятилетий показали, что древняя Самбия (ныне Калининградский полуостров) является центром ареала средневековых пруссов, а северное ее побережье в IX—XI вв. было местопребыванием дружинной прослойки прусского общества¹. Изученность памятников этой социальной группы довольно высока, что позволяет предпринять попытку при помощи археологических и письменных источников восстановить некоторые важные исторические события на этой территории конца X в.

Импульсом для такого опыта послужили материалы грунтового могильника Ирзекапинис в юго-западных окрестностях г. Зеленоградска Калининградской обл. Первые исследования памятника проведены в 1938 г. О. Клеemannом². Балтийской экспедицией Института археологии АН СССР, работавшей по тематике Свода памятников истории и культуры, за период в 1977—1986 гг. здесь обнаружено 167 могил начала VIII — конца XI в.³

По чертам обряда и расположению в пределах могильника погребения Ирзекапиниса могут быть разделены на три группы (рис. 1). В погребениях группы А (конец VIII — первая половина IX в.) в нижних ярусах помещены шкуры коней. Размеры могильных ям в среднем 0,9 × 0,45 м, глубина около 0,45 м, ориентировка по линии северо-восток—юго-запад. Могилы группы Б (середина IX — начало XI в.) имеют ямы размерами от 1,0 × 0,5 до 2,0 × 1,5 м, глубиной до 1,2 м, ориентированы по линии север—юг. В нижних ярусах этих могил вместе с остатками шкур коней найдены стремена позднеаварских и раннемадьярских типов, в верхних, как и в группе А, кости людей сопровождаются лишь фрагментами временных урн. В западной части территории расположения могил группы Б встречены черты обряда выходцев из кочевого мира (ступени, подбои, ямки от кольев), в восточной — элементы скандинавского погребального ритуала (сожжение в ладье). Это свидетельствует об участии в формировании местной дружины представителей различных этнокультурных общностей. Полиэтничность является нормой для дружинных формирований Восточной Европы эпохи раннего средневековья.

В южной части территории, занятой могилами группы Б, было обнаружено открытое, связанное с заупокойными ритуалами⁴ святилище размерами 7 × 5 м. По краям оно было ограничено столбовыми ямами, в северо-западной его части обнаружен почти полностью врытый в материк валун, верхняя часть которого была обработана в виде двускатной крыши. На грани валуна, обращенной на восток, к расположенному рядом жертвенному кострищу, был нанесен знак в виде трехлопастного креста — символ бога-громовника пруссов Перкуно. Знак нарочито поврежден — забит тяжелым оружием типа молота. Связь этого сакрального камня и всего святилища с могильником, погребения которого четко ограничивают территорию культовой площадки, не вызывает сомнения. Важно, что жертвенное кострище рядом с камнем было перекрыто сосудом со следами органических остатков на внутренней поверхности: исследования святилищ пруссов показывают, что на них оставалась только последняя жертва, а в периоды между жертвоприношениями они содержались в ритуальной чистоте. Сосуд аналогичен керамике из позднейших могил группы Б, датирующихся концом X — началом XI в. Именно к тому времени следует отнести функционирование святилища на Ирзекапинисе. Вслед за последним жертвоприношением на кострище у камня были изъяты кольца из ям вокруг площадки (древесный тлен в них отсутствует), уничтожен знак Перкуно на сакральном камне, а последний зарыт в землю.

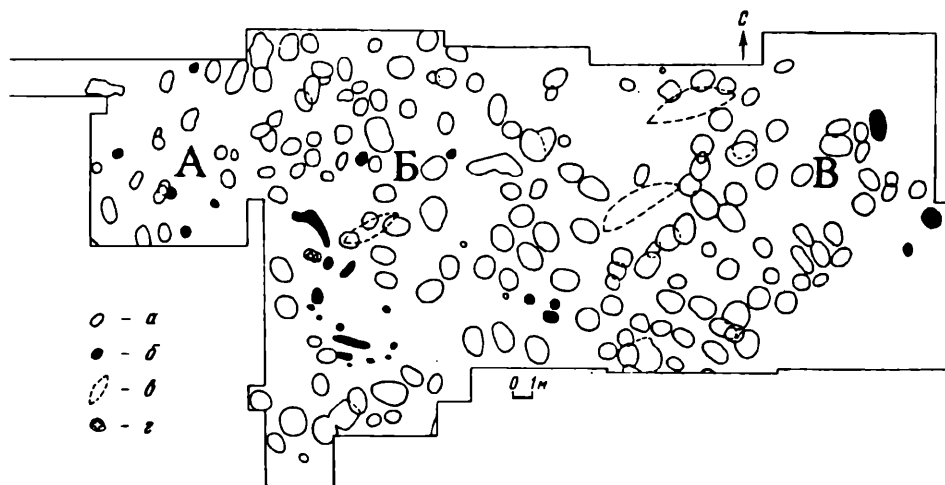

Рис. 1. План вскрытой части могильника Ирзекапинис

a — могильная яма; *b* — культовая яма; *c* — ладьевидная каменная кладка; *z* — культовый камень со знаком Перкунса

Группа погребений В, относящаяся к XI в., резко выделяется в пределах старой планиграфии могильника, выходит за его прежние границы. Среди могил этой группы обнаружены две ладьевидные каменные кладки, перекрывающие наиболее поздние могилы группы Б. Возможно, их сооружение знаменовало прекращение захоронений на данном участке могильника. Такой же характер имеет, видимо, еще одна аналогичная каменная кладка, обнаруженная на северной границе святилища. «Закрытие» святилища и резкое изменение планиграфии, размеров и ориентировки могил Ирзекапиниса, вероятно, связаны с важным для местного населения событием, произошедшим в конце X в.

Таким событием могла быть миссия пражского епископа Войцеха-Адальберта. Данные о деятельности этого миссионера, представителя знатной чешской фамилии Славников, сохранились во взаимно дополняющих друг друга сообщениях Канапария, Бруно и Козьмы Пражского⁵. Из них следует, что весной 997 г. из Гданьска в сопровождении 30 воинов Войцех и его спутники Бенедикт и Гауденций отплыли «в отдаленнейшую Пруссию». В. Т. Пашуто и С. Мельчарский считали, что миссия направилась в соседствующую с землями поморских славян Помезанию⁶. И. Фойгт⁷ и Я. Поверский⁸ убедительно обосновали тезис о том, что действительной целью проповедников была Самбия. Правда, наметилась тенденция считать конечным пунктом поездки Войцеха южную часть полуострова, т. е. устье р. Преголи⁹. Основным доводом первой концепции маршрута миссионеров было предположение об их направленности к упомянутому Вульфстаном (конец IX в.) центру прусских земель Трусо (Помезания). Однако анализ археологического материала показывает, что функции такого центра в X в. перенимает Кауп в северной Самбии¹⁰. Аналогичное предположение высказал О. Клеemann, считавший, что события, описанные в «Страстях св. Адальберта», происходили на берегу Кранц-бухт, у основания Куршской косы¹¹. Не вдаваясь в структуру текстов, можно провести опыт сравнения фактов, указанных в житийных текстах, с археологическими реалиями. Наиболее логичной моделью маршрута Войцеха и его спутников-монахов, скорее всего, является следующая.

Выйдя из Гданьска, миссионер направляется в ладье в открытое море и с попутным ветром прибывает через несколько дней в «отдаленную Пруссию»,

которая не могла соответствовать хорошо знакомой христианам Помезани, граничившей со славянским Поморьем по р. Ногате. Под покровом ночи Войцех и двое его спутников, покинутые охраной, высаживаются на островке, расположенном в устье реки. Из всех рек в рассматриваемом районе только р. Беек (ныне Зеленоградска) имела в X в. островок, удобный для высадки в своем устье: это нынешний о-в Рыбачий в 1,8 км к востоку от г. Зеленоградска. В середине X в. здесь существовал сторожевой пункт, к концу столетия редко посещаемый. В устье реки миссионеры попали через пролив Брокист, до XII в. прорезавший Куршскую косу у ее основания. Прожившие скрытно несколько дней на этом острове христиане изгоняются оттуда прибывшим на лодке пруссом, причем Войцех получает удар веслом. Тщательная охрана пруссами границ своей земли отмечалась в 965 г. Ибрагимом ибн-Якубом¹². 17 апреля Войцех направляется на правый южный берег реки. Старейшина поселка, куда он попадает, отводит миссионера на торжище, где в большом доме собираются жители окрестностей. В ответ на вопросы о цели своих действий Войцех сообщает: «По рождению я славянин, мой народ — чехи... Теперь я ваш апостол...» Затем звучат гордые слова пруссов: «Будь доволен, что ты добрался безнаказанным до этого места, и как быстрое возвращение даст тебе надежду остаться в живых, так малейшее продвижение вперед принесет вред и смерть. Нами и всей этой страной, вход в которую мы составляем, повелевает общий закон и одинаковый образ жизни... Убирайтесь из наших пределов» (перевод В. Т. Пашуто). В ночь на 18 апреля все трое на небольшом суденышке отправились обратно, скрывшись на пять дней в некоем селении. Поселок, который после неудачной проповеди был покинут Войцехом, соответствует небольшому торговому пункту Гарбик (Cholinum?). Такой характер этого поселения подтверждается находкой в 1852 г. клада начала XI в., который включал серебряную круглую фибулу с зернью, застежки иных форм, бусины, фрагмент диргема, браслет с поперечными насечками и девять палочковидных «литовских» гривен¹³. Все эти предметы являются чуждыми прусской культуре и представляют собой результат внешней торговли сембов. Частые контакты жителей Гарбика с иноплеменниками способствовали тому, что Войцеху удалось безболезненно покинуть этот поселок. Коль скоро диалог с местным населением у христиан осуществился, можно предположить, что среди жителей Гарбика могли быть и купцы-славяне.

Плавание трех слабо знакомых с мореходством священников, оставивших Гарбик, проходило, скорее всего, не по бурному весеннему морю, против господствующих в это время года сильных северо-западных ветров, а по реке. И. Фойгт считает, что путь этот в ночь на 18 апреля пролегал по Сконе-вик (бухта у современного г. Приморска), из устья р. Преголи на запад, к основанию Балтийской косы¹⁴. Однако и плавание по заливу в это время года представляется для миссионеров маловероятным.

Если же принять гипотезу о северной Самбии как о месте описанных в «Страстях» событий, то все аспекты путешествия миссионеров сразу обретают логику. Из Гарбика Войцех со спутниками мог за ночь подняться вверх по течению р. Браста (ныне Тростянка), которая сливается с р. Беек недалеко от Гарбика. В 4,4 км вверх по течению р. Брасты, на ее правом берегу, известны остатки значительного торгового поселения Варгенава¹⁵. При работах 1979 г. здесь была выявлена полуземлянка с глинобитной сводчатой печью, найдена круговая керамика, близкая к гданьской рубежа X—XI вв.¹⁶ По-видимому, среди жителей поселка были и славяне, чем, возможно, объясняется пребывание Войцеха здесь до 23 апреля.

Утром того рокового дня они покидают свой последний приют и удаляются в глубь берега. Путь их мог лежать только через могильник Ирзеккапинис

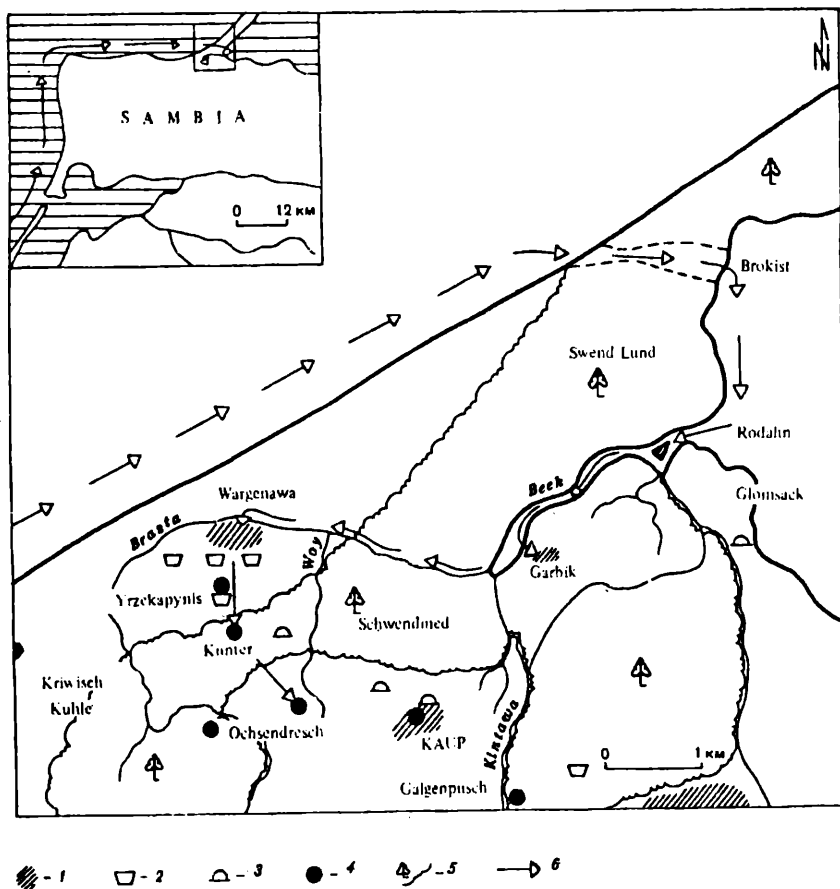

Рис. 2. Окрестности Каупа в конце X в. и маршрут Войцеа

1 — поселение дружинников и торговцев; 2 — грунтовой могильник; 3 — курганный могильник; 4 — святилище; 5 — граница леса к 1400 г. (по О. Шлютеру); 6 — направление движения миссионеров

(рис. 2). Пройдя его, миссионеры оказались в лесу. В этом урочище с традиционным названием Кунтер также находились могильник и святилище. Поев в этом лесу, оба спутника-миссионера засыпают. Войцех удаляется от них на расстояние броска камня (реминисценция из евангельского сюжета «Моление о чаше») и встречается с толпой разъяренных пруссов. Их возглавлял жрец по имени Сикко, который первым поразил Войцеа дротиком. Затем тело миссионера пронзили семь копий. Его повергают наземь, голову отсекают и водружают на столб. Затем пруссы, не тронув спутников Войцеа, с криками удаляются. Судя по текстам «Страстей», пруссы покарали Войцеа за осквернение священного поля могильника (Ирзекапинис) и леса (Кунтер). Раннесредневековые хронисты указывают, что пруссы неукоснительно препятствовали проникновению христианских пришельцев на священные участки своей территории¹⁷.

К югу от урочища Кунтер, в местности Охсендреш в 1981 г. исследована открытая кульговая площадка диаметром до 16 м¹⁸. В ее юго-западном и восточном секторах обнаружены две каменные вымостки (рис. 3), причем на внешней границе восточной выявлено подобие жертвенника из небольших

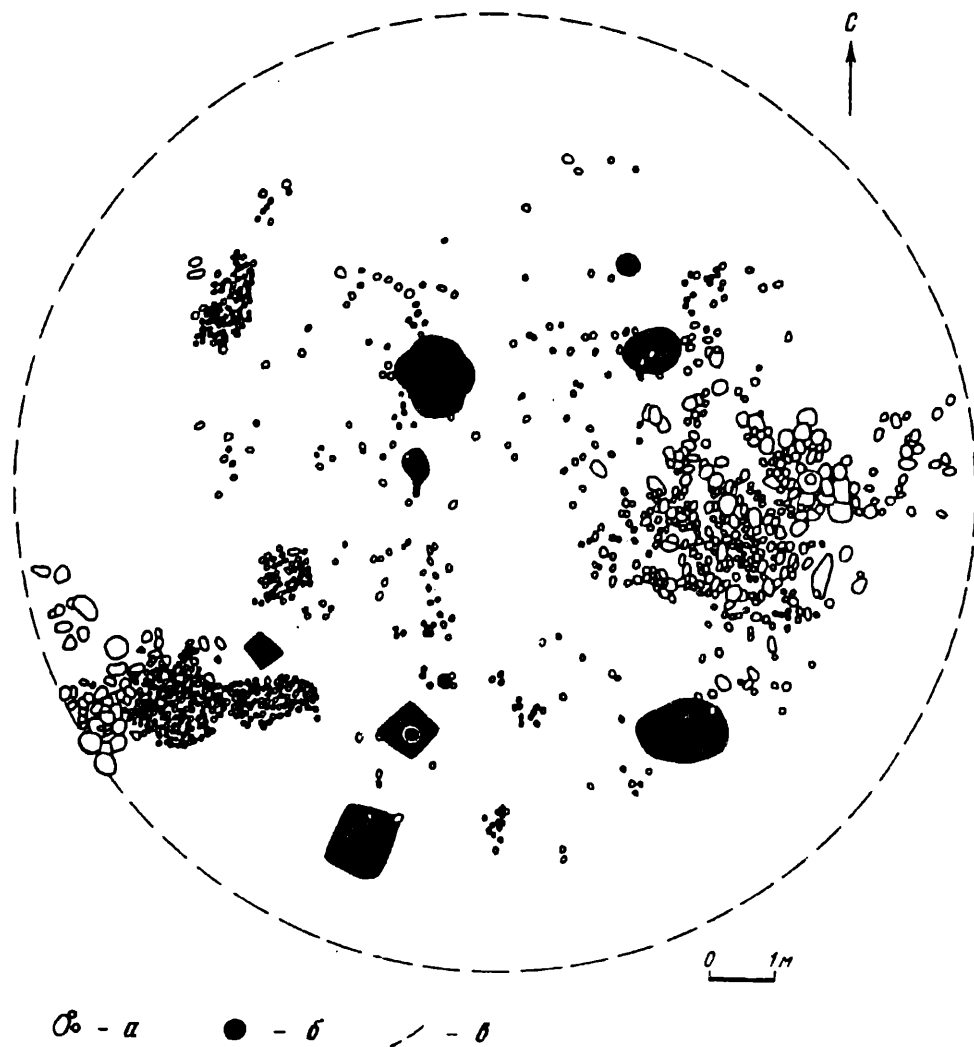

Рис. 3. План святилища Охсендреш

a — камни; *б* — яма; *в* — условная граница святилища

валунов, на одном из которых — следы ударов топором. Центр площадки был обозначен ямой от шеста диаметром 0,4 м, в 1 м к северу от которой прослежено углубление диаметром 1,2 м, оставленное мощным деревом. В удалении от центрального шеста, судя по небольшим ямкам, располагались еще семь вертикально поставленных шестов. Судя по кольцам из камней, здесь присутствовали и не вкопанные в грунт легкие шесты. Как и на других раннесредневековых культовых памятниках пруссов, вещевые находки отсутствовали.

Поразительно соответствие археологических реалий святилища Охсендреш сцене XV Гнезненских врат, отражающей выставление останков мученика¹⁹. Дерево и столб (тело Войцеха находилось на помосте между ними, его голова

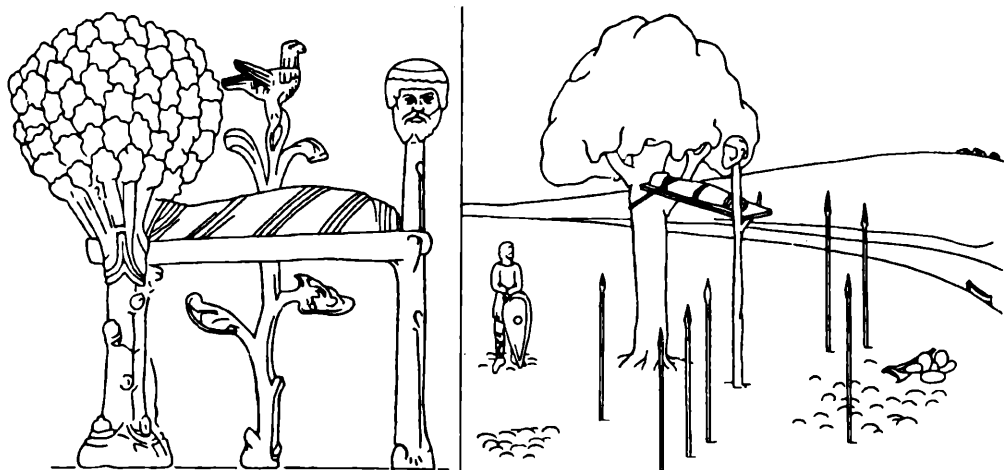

Рис. 4. Жертвоприношение Войцеха

Слева — часть сцены XV Гнезненских врат; справа — реконструкция заключительного этапа жертвоприношения на святилище Охсендреш

воздета на столб), воспроизведенные на вратах конца XII в., имеются и на святилище Охсендреш. Учитывая глубокое проникновение культа деревьев в сознание индоевропейцев (в том числе и пруссов), И. Карвасиньска справедливо отмечала присутствие в этой сцене дерева и принесение ему в жертву Войцеха. Следует отметить традицию выставления тела покойного на помосте под открытым небом, отраженную в прусском погребальном обряде XI—XII вв.

Семь ям на святилище Охсендреш, возможно, оставлены помещавшимися сюда на время культового действия семью копьями, которыми был поражен Войцех. Важная роль копий в культах западных славян и балтов X—XI вв. общепризнана. Шесты и, видимо, копьа воздвигались на варяжских святилищах IX—X вв.²⁰ Следы на каменном жертвеннике оставлены топором, который изображен на Гнезненских вратах в руках Сикко, отсекающего Войцеху голову. Отсутствие на святилище Охсендреш костных остатков может быть объяснено выкупом тела Войцеха у пруссов польским королем Болеславом I²¹.

Если наша интерпретация святилища Охсендреш верна, то последние моменты жизни первого миссионера Пруссии можно воссоздать следующим образом. Нарушивший границы свято чтимых пруссами сакральных участков, Войцех стал за это искупительной жертвой. Его спутников, видимо, спасло пребывание в пределах священного леса, границы которого сами пруссы переступить не могли. Человеческие жертвоприношения были нормой в прусской культовой практике еще в XIII в.²² Схваченный пруссами Войцех был отведен на берег р. Вой (проточная вода почиталась пруссами), где росло мощное священное дерево (дуб?). Вокруг него были устроены каменные вымостки с жертвенником. Отсутствие культурного слоя и определенная небрежность в расположении камней (рис. 2) показывают на одноразовость функционирования святилища. Тело Войцеха было положено на восточную вымостку ногами к дереву, оно было обезглавлено на специально сооруженном жертвеннике, а затем помещено на помосте между деревом и шестом, на вершину которого была воздета отрубленная голова миссионера. Святилище на время жертвоприношения окружали поставленные вертикально семь копий, повергшие ранее Войцеха (рис. 4).

Какова же была цель, к которой пражский епископ стремился с таким

упорством? Где могла быть произнесена и услышана его главная, так и не прозвучавшая проповедь? Этим местом в 997 г. в земле пруссов мог быть только Кауп — открытое торгово-ремесленное поселение на севере Самбии, средоточие местных и иноземных воинов, торговцев и мастеров. Подобные протогородские центры в землях языческих народов раннесредневековой Европы влекли к себе христианских миссионеров как наличием в них наряду с языческим и христианского населения²³, реальной опоры проповедников, так и определенной экстерриториальностью этих пунктов, которые де-факто вычленились из родовой структуры окружающих племенных территорий²⁴. Так, Ангарий приходит с христианскими миссиями в Хэдебю (826 г.) и Бирку (830 г.), в 948—968 гг. образуются епископаты в Риббе, Орхусе, Шлезвиге и Ольденбурге. Монах Адальберт руководит миссией в Киев (961—962 гг.). В 1009 г. в землях ятвягов погибает миссионер Бруно Кверфуртский. Нет сомнения в том, что, кроме достижения сугубо духовных идей, миссионеры объективно способствовали включению этих ранее политически независимых торгово-ремесленных центров в сферу административных интересов стабилизирующихся государств раннефеодальной Европы. Перспектива христианизации язычников Балтийского субрегиона, в том числе и пруссов, была важна не в последнюю очередь и для утверждения авторитета папского престола в Риме.

Полиэтничный Кауп, в прямой видимости которого пражский епископ и принял мученическую смерть, — единственное место на земле пруссов, где проповедь Войцеха была бы выслушана и, возможно, понята, — был плотно окружен «сакральным» поясом святилищ. Это показывают как археологические материалы, так и данные топонимики (рис. 4). Следует отметить, что аналогичная «сакральная зона» существовала и у торгово-ремесленного центра Северо-Западной Руси — раннесредневековой Ладоги²⁵. Обе попытки проникновения Войцеха к Каупу речными путями (через Гарбик и Варгенаву) успехом не увенчались. Поначалу он пытался проникнуть к цели традиционными путями. «Гостебное право» иноземных торговцев в Восточной Европе осуществлялось только по рекам. Это и объясняет водные пути Войцеха. Сухопутная дорога, пролежавшая через священные для пруссов участки суши, привела миссионера к гибели. Осквернение ногами христианина сакрального для пруссов могильника Ирзекапинис привело к серьезной перепланировке последнего и закрытию существовавшего здесь святилища. Возможно, ритуальному очищению подверглась вся территория прусской святыни.

Кауп и впоследствии привлекал христианскую Европу. Желая включить Самбию и Кауп в первую очередь в сферу административных и экономических интересов своей державы, датский конунг Канут Великий в 1016 г. захватывает этот торговый и дружинный центр земли пруссов. Возможно, датский поход на пруссов в начале XI в. проводился под лозунгом возмездия язычникам, пролившим кровь пражского епископа. Так или иначе, датский меч послужил причиной заката Каупа. Гибель Войцеха в земле пруссов 27 апреля 997 г. открыла эпоху конфронтации между христианскими государствами Европы и населением западных рубежей балтского мира, результатом которой стало исчезновение самобытной культуры пруссов, ставшее невозможным потерей для культуры всей Европы.

¹ Кулаков В. И. Земля пруссов и «пруссские земли»//Балто-славянские исследования 1985 г. М., 1987. С. 100, 101; Он же. Памятники археологии древней Самбии//Археологические памятники европейской части РСФСР. М., 1985. С. 90, 91.

² Kleemann O. Die vorgeschichtlichen Funde bei Cranz und die Siedlung bei Wiskiauten//Prussia. 1939. Bd. 33. H. 1/2. Karte.

³ Кулаков В. И. Результаты раскопок грунтового могильника у поселка Клиновки в 1977 г.//Acta Baluico-Slavica. 1980. XIII. С. 213—244.

- ⁴ Кулаков В. И. Ритуальный комплекс в могильнике у Клинцовки//КСИА. 1980. Вып. 160. С. 88.
- ⁵ De passione sancti Adalberti narrationes III//Scriptores rerum prussicarum. Leipzig, 1861. T. I. S. 227—237.
- ⁶ Паушто В. Т. Образование Литовского государства. М., 1959. С. 87; *Mielczarski S. Misja pruska Świątego Wojciecha. Gdańsk, 1967. S. 89, 113.*
- ⁷ Voigt J. Geschichte Preussens. Königsberg, 1827. Bd. 1. S. 266.
- ⁸ Powierski J. Stosunki polsko-pruskie do 1230 r. Toruń, 1968. S. 83.
- ⁹ Voight J. Der Missionversuch Adalberts von Prag in Preussen//Altpreussische Monatschrift. 1901. Bd. 38. S. 352—356.
- ¹⁰ Кулаков В. И. Кауп//Становление европейского средневекового города. М., 1989. С. 81.
- ¹¹ Kleemann O. Ueber die wikingische Siedlung von Wiskiauten und über die Tiefs in der Kurischen Nehrung//Altpreussen. 1939. Bd. 4, H. 2. S. 10.
- ¹² Вестенберг Ф. Комментарий на записку Ибрагима ибн-Якуба о славянах. СПб., 1903. С. 147.
- ¹³ Kleemann O. Ueber die wikingische Siedlung... S. 10.
- ¹⁴ Voigt J. Geschichte Preussens... S. 269.
- ¹⁵ Кулаков В. И. Памятники археологии... С. 85.
- ¹⁶ Кулаков В. И. Работы на побережье Юго-Восточной Прибалтики//АО 1979 г. М., 1980. С. 15.
- ¹⁷ Aus der Kirchengeschichte des Adam von Bremen//Scriptores rerum prussicarum. Leipzig, 1861. Bd. 1. S. 239.
- ¹⁸ Кулаков В. И. Исследования в Юго-Восточной Прибалтике//АО 1981 г. М., 1983. С. 22.
- ¹⁹ Karwasińska J. Drzwi Gnieźnieńskie a rozwój legendy ó Świątym Wojciechu//Drzwi Gnieźnieńskie. Wrocław, 1956. T. 1. S. 26.
- ²⁰ Херрман Й. Славяне и норманны в ранней истории Балтийского региона//Славяне и скандинавы. М., 1986. С. 68. Рис. 25.
- ²¹ Галл Аноним. Хроника и деяния князей или правителей польских. М., 1961. С. 33.
- ²² P. Dusburgietis Prūsijos žemes kronika. Vilnius, 1985. P. 147.
- ²³ Лебедев Г. С. Социальная топография могильника «эпохи викингов» в Бирке//Скандинавский сборник. Таллин, 1977. XXII. С. 151.
- ²⁴ Булкин В. А., Лебедев Г. С. Гнездово и Бирка: (К проблеме становления города)//Культура средневековой Руси. Л., 1974. С. 15.
- ²⁵ Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе. Л., 1985. С. 209.

ПУБЛИКАЦИИ

А. Н. Сорокин

ИССЛЕДОВАНИЕ МЕЗОЛИТИЧЕСКИХ СТОЯНОК ПООЧЬЯ
В 1986—1989 гг.

Первые мезолитические памятники на Оке были открыты еще в конце XIX в., наибольшую известность среди них приобрели Елин Бор, Шумашь I и Борки¹. Позднее число выявленных памятников медленно возрастало². Существенный количественный рост намечился с середины 70-х годов, что было связано с работами новостроечных и других постоянно действующих экспедиций. Тогда же ряд памятников был исследован стационарными раскопками³. К настоящему времени в бассейне Оки известно свыше 200 стоянок эпохи мезолита, не менее 40 из них раскопаны. Задача данной статьи — подвести краткие итоги работ Деснинской и Окской экспедиций Института археологии на мезолитических памятниках в 1986—1989 гг. За эти годы автором было обследовано 15 стоянок. Остановимся лишь на пяти из них, давших наиболее интересный материал. Все они располагаются в Рязанской обл.

Стоянка Исток 1 расположена в 0,25 км к западу от западной оконечности одноименной деревни, на мысу второй террасы левого берега р. Пра высотой 10—12 м, ограниченном с севера балкой и с юга склоном террасы. На памятнике раскопано 234 м², выявлено два уровня залегания находок, разделенных стерильной прослойкой мощностью 0,1—0,45 м. Верхний культурный слой мощностью до 0,28 м залегает под дерном и связан с коричневым песком, нижний лежит на контакте светло-желтого песка и погребенной почвы на глубине 0,8—1,0 м. Верхний культурный слой прослежен на всей вскрытой площади, нижний — лишь в центральной ее части.

Коллекция нижнего слоя включает 445 предметов⁴. Единственный нуклеус, сохранившийся частично, имел, по-видимому, призматическую форму. Орудия составляют 28,8% комплекса. Из пластин изготовлено 24,1% орудий. Наиболее многочисленны резцы (25% орудий). Преобладают изделия на сломе заготовки, сравнительно многочисленны экземпляры с ретушью, очень мало двугранных и комбинированных. Для всех типов характерны широкие кромки. Скрепки составляют 12,5% общего числа орудий. Среди них преобладают концевые на пластинах, встречаются двойные, боковые и раклеты. Комбинированные орудия (3,1%) представлены модификациями скребков с резцами и резцов с ножами. Скобели (3,1%) имеют мелкие или глубокие дугообразные выемки. Найдены сверло с невыделенным жальцем, долотовидное изделие, две пластинки с поперечно срезанными ретушью концом, пластинка с выемкой в основании, симметричное и два косых острия, три наконечника стрел. Среди последних два (из неправильной пластины с выемкой в основании и скошенным пером, обработанным крутой ретушью по спинке, и с выемкой в основании и ретушированным краем, от которого сохранился лишь черешок) напоминают аренбургские наконечники. Косолезвийный наконечник с обломанным насадом

имеет микрорезцовый скол на острие технологического происхождения. В коллекции присутствуют также фрагменты пластин с регулярной ретушью, пластины и отщепы со следами сработанности, обломки орудий, резцовые сколы, отщепы и пластины. Комплекс орудий нижнего слоя обладает рядом особенностей, выделяющих его из круга мезолитических стоянок Окского бассейна. Это своеобразный набор охотничьего вооружения, неразвитость вкладышевой и наличие псевдомикрорезцовой техники. По ряду признаков комплекс сходен с изделиями аренбургской финально-палеолитической культуры. Не исключено, что он является основой, на которой складывались более поздние деснинские и иеневские комплексы.

В верхнем слое выявлены зольно-углистые пятна и ямы, собрано около 3,5 тыс. каменных предметов, среди которых нуклеидные составляют 5,5%, сколы — 63,1%, первичные орудия — 0,2%, предметы со вторичной обработкой — 23,8%, отходы вторичного производства — 7,4%. Такой состав материала не отличается от средних значений, характерных для бутовской культуры. Орудия из верхнего слоя изготовлялись главным образом из пластин. Среди нуклеусов преобладают ядрища конической или подконической формы (62,1%), реже использовались двуплощадочные подпризматические (6,9%), торцевые одно- и двуплощадочные. Во вторичной обработке широко использовались резцовая техника, двусторонняя оббивка, круглая затупливающая, уплощающая, при-остряющая и контрударная ретушь, спорадически — псевдомикрорезцовая техника и шлифовка. Резцовая техника применялась для удаления лезвий скребущих орудий.

Среди орудий верхнего слоя преобладают резцы (28,3%). Ведущим их типом являются орудия с неподработанной площадкой скола (73,7%), доля двугранных и ретушных равна и составляет 6,7%, комбинированных резцов — 1,8%. Второе место среди орудий принадлежит вкладышам из фрагментированных пластин (9,8%). Доля скребков в комплексе 5,3%, ведущим типом является концевой, другие типы скребков единичны и представлены двойным концевым, округлым, нерегулярным и двумя боковыми. Комбинированных орудий и изделий с поперечно срезанным ретушью концом поровну (2,8%). Рубящие орудия (0,9%) имеют двустороннюю обработку, форма их подовальная, подтреугольная или подтрапецевидная, иногда выделен желобок, на поверхности имеются следы заполированности от работы. На скобелях (1,9%) преобладают узкие дугообразные выемки, но встречены и широкие. Ножей найдено столько же, они обработаны пологой мелкой или реже средней ретушью. Для сверл (1,1%) наиболее характерны орудия с невыделенным концом. Косые острия составляют 1,8% общего числа орудий, симметричные — 0,2%. Среди наконечников стрел (0,7%), помимо традиционных постсвидерских, имеется фрагмент косолезвийного наконечника, весьма редкого для бутовских памятников. Микролиты представлены пластинкой с выемкой на конце, двумя изделиями с затупленным ретушью краем, четырехугольником и пятью высокими трапециями. Довольно многочисленны пластины и отщепы с нерегулярной ретушью. Сумма признаков позволяет относить верхний слой стоянки Исток 1 к началу позднего этапа бутовской культуры.

Следует напомнить, что бутовская культура была выделена Л. В. Кольцовым и отнесена им к кругу памятников свидерской традиции⁵. В ее развитии он выделяет четыре этапа, хронологические рамки которых от середины VIII до начала V тысячелетия до н. э.⁶ Предложенная Л. В. Кольцовым характеристика бутовской культуры представляется весьма неопределенной, периодизация — чрезмерно дробной, а хронология — слишком удлинённой⁷. Объединение памятников в бутовскую культуру было проведено им лишь по степени пластичности комплексов, которая, кстати, чрезвычайно варьирует, а не по

типологической близости инвентаря памятников, к тому же на основе преимущественно мелких или сортированных коллекций. Все это определило то обстоятельство, что в бутовской культуре не оказалось ни одного общего типа изделий, даже массовых. Нам представляется, что стандартный типологический набор бутовской культуры включает скребки концевые, двойные, подокруглые, боковые, резцы на сломе заготовки, ножи с приостряющей красовой ретушью, вкладыши из фрагментированных пластин, косые острия, сверла с невыделенным рабочим концом, скобели с мелкими дугообразными выемками, постсвидерские наконечники стрел иволистной и черешковой формы, микролиты с затупленным краем, изделия с поперечно срезанным ретушью концом и комбинированные орудия (резцы-скребки, резцы-ножи, скребки-ножи). Эти типы являются массовыми. Ретушные и двугранные резцы, симметричные острия, плечиковые сверла, трапеции, рубящие орудия, скробачи и предметы со шлифовкой встречаются на большинстве стоянок, но число их ограничено. Прочие типы орудий единичны и в целом не влияют на облик культуры.

Названный набор является поселенческим. В отличие от него функционально-специализированные памятники типа охотничьих лагерей обладают измененным типологическим составом, специфика которого заключается в малочисленности и своеобразии орудий для обработки продуктов охоты при наличии традиционных для культуры предметов охотничьего вооружения. Именно поэтому памятники типа Красново 1, имеющие своеобразный состав охотничьего вооружения, не похожий на бутовский, не могут быть ее специализированными памятниками. В своем развитии бутовская культура, по нашему мнению, прошла всего два этапа: ранний и поздний. Главное отличие между ними, не считая второстепенных признаков, заключается в наличии трапеций в поздних памятниках. Хронология памятников бутовской культуры, судя по датам, полученным методами естественных наук, не превышает 1000 лет и укладывается в промежуток от 8500 до 9500 лет назад, т. е. в пребореальное и бореальное время⁸. Памятники с трапециями образуют узкий хронологический пласт, ограниченный, по-видимому, началом VII тысячелетия до н. э. Формирование культуры происходило на основе аборигенной рассетинской культуры под воздействием пришлого свидерского населения⁹. Финал бутовских древностей, традиционно связываемый с зарождением раннеолитической верхневолжской культуры¹⁰, нам представляется по меньшей мере проблематичным. Во-первых, судя по имеющимся датировкам, между этими культурами имеется определенный хронологический разрыв. Во-вторых, выяснилось, что характеристика кремневого инвентаря верхневолжской культуры основана на идее о пластичности и типологическом анализе сортированного материала, а не на достоверных источниках. В-третьих, состав немногочисленных «чистых» коллекций резко отличен друг от друга и между собой не коррелируется. Наконец, в-четвертых, в последнее время появились основания утверждать, что бутовскую культуру, по крайней мере в Мещере, сменяют памятники типа Пургасово 3. Все это не позволяет считать доказанной гипотезу о генетической связи бутовской и верхневолжской культур.

Стоянка Шильцева Заводь 5 расположена в окрестностях деревень Натальино и Взвоз Спас-Клепиковского р-на на мысу высотой 5—6 м боровой террасы левого берега р. Пра. На стоянке вскрыто 63 м², собрано около 4000 каменных предметов, девять фрагментов одного сосуда верхневолжской культуры и найдено глиняное орнаментированное пряслице. Наличие поздней примеси связано с перекопами. Среди общего числа находок нуклеидных изделий 6,7%, сколов — 70,4%, первичных орудий — 0,2%, орудий — 18,5%, отходов вторичного производства — 4,2%. Объединение первых трех групп изделий, связанных с процессом первичного производства, а также 4-й и 5-й групп, относящихся

ко вторичному производству, показывает, что на этом памятнике процент орудий и их отходов значительно ниже, чем в верхнем слое стоянки Исток 1 (22,7 против 31,2), хотя сам по себе остается достаточно высоким.

Все найденные нуклеусы одноплощадочные, конической или чаще карандашевидной формы, предназначались для снятия микропластин. Характерно и резкое преобладание микропластин и пластинок в качестве заготовок для орудий. Весьма впечатляющим является соотношение морфологически четких орудий друг с другом: орудия из пластин здесь составляют 74,7%, а орудия из отщепов — лишь 17,2%. Прочие заготовки использовались в 8,1% случаев. Подобные соотношения для Волго-Окского бассейна являются уникальными, особенно если учесть, что в культурном отношении мы имеем дело с памятником иеневской культуры.

Самую многочисленную группу орудий составляют резцы (27,6% общего числа орудий). Доминируют изделия на сломе пластины с узкими кромками, среди которых многочисленны двойные и тройные экземпляры. Выразительными сериями представлены ретушные, двугранные и комбинированные резцы. Для них более характерны широкие кромки. Скребков в комплексе 4,4%. Преобладают концевые скребки на пластинах, многочисленны и концевые на отщепах, другие типы (двойные, концевой-двойной боковой, подокруглые, концевые-боковые) единичны. Все скобели (1,0%) одинарные, выемки на них дугообразные, как правило, широкие. Сверла (0,4%) с невыделенными рабочими концами. Комбинированные орудия сравнительно многочисленны (2,3%), представлены главным образом модификациями резцов со скребками, ножами и другими изделиями. Ножи составляют 1,1% в комплексе, рубящие крайне немногочисленны и маловыразительны. Следует лишь отметить шлифованное тесло из опоки. Весьма многочисленны микролиты с поперечно срезанным ретушью концом (5,6%) и косые острия (5,1%); симметричные острия встречаются в незначительном количестве (0,3%). Наконечники стрел (2,1%) представлены иволистным и черешковыми постсвидерскими формами, постаренбургскими с боковой выемкой, а также двумя косолезвийными наконечниками и фрагментом песочноровского острия. Интересны находки высокой асимметричной трапеции, высокого треугольника и микролитов с притупленным ретушью краем. Есть вкладыши из фрагментированных пластин (5,1%), отщепы (20,0%) и пластинки (24,2%) со следами утилизации, обломок ножа типа федермессер и несколько отщепов со следами шлифовки.

Если исключить небольшую позднюю примесь и считать имеющийся материал единым комплексом, можно утверждать, что рассматриваемая стоянка принадлежит к иеневской культуре, но со следами бутовского влияния, т. е. относится к памятникам «смешанной традиции». Аналогом ей в Мещере можно назвать стоянку Беливо 4А, радиоуглеродным методом датированную не позднее рубежа пребореального и бореального периодов¹¹. Вероятно, стоянка Шильцева Заводь 5 может быть отнесена к тому же времени. Предложенная дата, подтверждаемая пыльцевой диаграммой, расходится с типологической датировкой иеневской культуры, предложенной Л. В. Кольцовым. Это заставляет остановиться подробнее на вопросах периодизации и хронологии иеневской культуры.

Иеневская культура была выделена Л. В. Кольцовым по материалам стоянок Верхнего Поволжья. Позднее к ней были отнесены и окские памятники. К настоящему времени стоянок этой культуры насчитывается не менее сотни. Но вопросы ее периодизации и хронологии, типологических особенностей материалов, специфики хозяйственной деятельности ее носителей до сих пор остаются во многом дискуссионными, главным образом потому, что большая часть иеневских коллекций невелика по числу орудий или является смешанными комплексами.

Представительных же коллекций (с числом орудий не менее 100) едва ли более полутора десятков. Периодизация иеневской культуры была предложена Л. В. Кольцовым в 1989 г., включает два этапа: ранний и поздний, каждый из которых, в свою очередь, подразделяется еще на два периода¹². Такая четырехчленная схема восходит к периодизации всего мезолита Волго-Окского бассейна, созданной ученым в 1965 г. Аналогичное подразделение получила бутовская культура. Попытаемся определить, оправдан ли подобный «традиционализм».

Общепризнано, что наиболее показательны для выделения мезолитических культур предметы охотничьего вооружения, поэтому обратимся именно к ним. К первому этапу иеневской культуры Л. В. Кольцовым отнесены стоянки Ладыжино III, Дальний Остров и Высокино 6. Отличительной чертой этих комплексов, по его мнению, служит отсутствие трапеций. Однако в Ладыжино III трапеция имеется¹³. Найдены трапеции А. Е. Кравцовым в 1989 г. и на стоянке Дальний Остров. Таким образом, лишь Высокино 6 может быть отнесено по данному признаку к ранней группе. Помимо этого памятника, трапеции отсутствуют только в одной представительной иеневской стоянке — Старокопанинской 4¹⁴. Значит, только два этих памятника и могут быть отнесены к раннему этапу рассматриваемой культуры.

Второй этап представляют, по мнению Л. В. Кольцова, стоянки Иенево 2, Дмитровская 1, Старокопанинская 4 и 6, Черная Грязь, Журавец и, возможно, Тростенская 3 (северная). О Старокопанинской 4 говорилось выше. Если рассматривать эту группу в целом, четко видно отсутствие стандартизации охотничьего вооружения. В Старокопанинской 6, например, присутствуют асимметричные и черешковые постаренбургские наконечники стрел, косолезвийные наконечники и единственная трапеция, но нет постсвидерских наконечников¹⁵. На стоянке Журавец, напротив, нет асимметричных и косолезвийных наконечников, представлены лишь черешковый постаренбургский и постсвидерский, а также трапеции. В Дмитровской 1 имеются постсвидерские наконечники, асимметричный наконечник с боковой выемкой и трапеций, но нет аренбургских черешковых¹⁶. Таким образом, охотничий набор этой группы не коррелируется между собой. Если подобные неувязки не объясняются случайностями выборки или причинами функционального порядка, то все эти различия в наборе могут быть вызваны лишь хронологическими причинами и, следовательно, отнесение указанных памятников к одному этапу представляется бесосновательным.

Третий этап (по Л. В. Кольцову) представлен стоянками Алтыново, Богоявление, Коприно и Пеньково, объединяемыми в одну хронологическую группу по уменьшению числа равнобедренных треугольников и отсутствию постсвидерских наконечников. Если с последним можно согласиться, то классификационную роль единственного треугольника в Пеньково вряд ли стоит абсолютизировать. Нужно признать также и тот факт, что в Коприно в отличие от других стоянок этой группы представлены лишь трапеции и один косолезвийный наконечник, тогда как на остальных есть все разновидности аренбургских наконечников.

К четвертому этапу, согласно Л. В. Кольцову, относятся стоянки Сельцо 3, Титово, Тихоново 1 и Авсергово 2, где сохраняются лишь высокие трапеции. Однако это не совсем так. На стоянке Сельцо 3, кроме трапеций, имеются «алтыновские вкладыши»¹⁷, а в Тихоново 1 присутствует асимметричный наконечник с боковой выемкой¹⁸. Таким образом, охотничий набор памятников, относимых Л. В. Кольцовым к четвертому этапу, столь же разнороден, как и в других хронологических группах. Сходные наблюдения можно сделать и

для всех других типов орудий иеневских памятников, что не позволяет признать предложенную Л. В. Кольцовым схему териодизации достаточно обоснованной.

Среди всего массива иеневских памятников, как говорилось выше, лишь на двух нет трапеций — это в Высокино 6 и Староконстантиновской 4. По-видимому, только они и могут быть отнесены, если признать их гомогенность, к раннему этапу иеневской культуры. Памятники с трапециями, в свою очередь, могут либо иметь постаренбургские наконечники с боковой выемкой и черешковые, либо не иметь их. Учитывая, что прототипами этих изделий, как убедительно показано Л. Л. Зализняком¹⁹, являются аренбургские формы, логично расценивать утрату названных предметов в охотничьем наборе поздним признаком и объяснять их исчезновение хронологическими причинами. Поэтому именно изменение форм постаренбургских наконечников и трапеций и должно быть положено в основу периодизации рассматриваемой культуры. Отсюда памятники с трапециями и постаренбургскими наконечниками должны относиться ко второму ее этапу, а без таких наконечников — к заключительному, третьему этапу. Представительных памятников без асимметричных и черешковых постаренбургских наконечников также всего два — Иенево 2 и Коприно. Именно их и следует отнести к финалу иеневской культуры.

Таким образом, в развитии иеневской культуры, по нашему мнению, могут быть выделены три этапа. Для первого характерны постаренбургские асимметричные с боковой выемкой и черешковые наконечники. Вероятно, уже в это время появляются косолезвийные наконечники как прототип или промежуточная форма от асимметричных наконечников с боковой выемкой к трапециям. Второй этап знаменуется появлением трапеций при сохранении всех постаренбургских форм. Асимметричные наконечники с боковой выемкой утрачивают свои вытянутые пропорции, превращаясь в так называемые алтыновские вкладыши; постепенно исчезают черешковые формы, но сохраняются косолезвийные наконечники и увеличивается количество трапеций. Указанные закономерности хорошо прослеживаются на стоянках Староконстантиновская 2 и 6, Ладыжино 3, Журавец, Дмитровское, Богоявление, Пеньково и Сельцо 3. На третьем этапе исчезают алтыновские вкладыши, неизвестны черешковые и асимметричные постаренбургские наконечники, косолезвийные наконечники немногочисленны. Основную роль в охотничьем вооружении играют трапеции. Треугольники из-за их немногочисленности вряд ли могут служить серьезным хронологическим репером, однако несомненно их тяготение к финалу культуры (Пеньково, Сельцо 3, Иенево 2). Таким образом, ни о какой «деградации» иеневской культуры на позднем этапе речи быть не может, напротив, орудийный набор стоянок Пеньково и Иенево 2 наиболее совершенен, хотя охотничье вооружение и претерпело существенные изменения.

Роль постсвидерских наконечников в качестве культурно-хронологического показателя в иеневских коллекциях пока неясна. Они малочисленны и, как правило, происходят из подъемного материала или смешанных комплексов. Если анализировать коллекции по этому признаку, то в иеневской культуре могут быть выделены две группы памятников: а) типа Ладыжино 3 (Староконстантиновская 6, Богоявление, Пеньково, Коприно, Сельцо 3 и т. д.) и б) типа Дмитровской 1 (Высокино 6, Староконстантиновская 4, Иенево 2 и др.). Первые дают исключительно аренбургские формы, вторые — сочетание аренбургских и свидерских черт. Подобная картина наблюдается и в Верхнем Поднепровье. С чем связано устойчивое сохранение на протяжении всей истории культуры этих двух традиций, однозначно сказать пока нельзя. По-видимому, присутствие постсвидерских наконечников в иеневских материалах может свидетельствовать и о смешанности комплексов, и об их генезисе из стоянок типа Коромка Верхнего Поднепровья. Не исключена возможность

возникновения этих орудий в качестве стадийного явления. Можно рассматривать их и как результат влияния какой-либо из постсвидерских культур. Последнее предположение кажется наиболее вероятным. В Волго-Окском междуречье источником таких влияний могла быть только бутовская культура, причем такое заимствование было осуществлено, судя по датировкам стоянки Беливо 4А, не позднее рубежа пребореального (РВ) и бореального (ВО) периодов, т. е. уже в самом начале существования иеневской культуры. Сказанное исключает тезис о якобы агрессивности иеневской культуры и вытеснении ею бутовской культуры на восток региона. Спорадическое заимствование постсвидерских наконечников из бутовской культуры хорошо объясняет их эпизодичность в иеневских памятниках.

Несколько слов о хронологии иеневской культуры. Все имеющиеся палинологические определения относят ее к бореальному времени (Ладыжино 3, Митино 5, Коприно, Дальний Остров)²⁰. Не позднее рубежа РВ—ВО 1, как отмечалось, датирована радиоуглеродным методом стоянка Беливо 4А. Таким образом, у нас нет пока серьезных оснований говорить о существовании иеневской культуры за пределами бореального времени.

Стоянка Шагара 4 расположена на южном берегу оз. Шагара, в 0,5 км к север—северо-востоку от д. Барское Спас-Клепиковского р-на на мысу боровой террасы высотой до 3 м над уровнем воды в озере. Е. Д. Каверзневой и автором исследована на памятнике площадь 151 м², вскрыто мезолитическое жилище и 18 ям и пятен хозяйственно-бытового назначения. Кроме того, имеются единичные находки эпох неолита, бронзы и раннего средневековья. Жилище имело подквадратную форму, размеры около 8 × 8 м, было заглублено на 0,3—0,5 м. Место выхода установить не удалось.

Из заполнения котлована жилища происходят свыше 4,5 тыс. находок, среди которых нуклеидных изделий 5,2%, сколов — 59,1%, орудий — 24,5%, отходов вторичного производства — 10,4%. При сравнении с уже описанными мешерскими стоянками видно, что в Шагаре 4 процент изделий, связанных с циклом вторичного производства, максимальный (39,4 против 31,2 в Истоке 1 и 22,7 в Шильцевой Заводи 5). Не исключено, что отмеченный факт объясняется наличием на рассматриваемом памятнике жилища.

Нуклеусы одноплощадочные конической, карандашевидной или призматической формы предназначены для снятия пластин и микропластин. Общий индекс пластинчатости невысок, но орудия на пластинах составляют свыше 60% их общего числа. Резцы — самая многочисленная категория орудий (23,6%). Преобладают изделия с неподработанной площадкой скола на отщепе. Двойные и тройные экземпляры редки. Свыше трети имеют широкие кромки. Двугранных и ретушных резцов поровну, есть несколько комбинированных, однако все вместе они составляют менее 15% от числа резцов. Вкладышей из фрагментированных пластин 10,8%, скребков 5,9%. Среди последних доминируют концевые на пластинах, их дополняют концевые на отщепах, двойные концевые, боковые, концевые-боковые, подокруглые, скробачи и стрелчатый. Скобели составляют 2,0%. Все они одинарные, выемки, как правило, дугообразные, узкие, мелкие, но имеются и широкие глубокие. Сверла (1,0%) представлены изделиями с невыделенным концом и единственным плечиковым.

Среди комбинированных орудий (2,1%) наиболее часты сочетания резцов с ножами или скребками, помимо них, присутствуют скребки-скобели, резцы-скобели и т. д. Пластин и их фрагментов с регулярной приотстригающей или реже притупляющей ретушью 1,8%, рубящие орудия составляют всего 0,7%, представлены теслами подтреугольной или подтрапециевидной формы, выполненными из отщепов или желваков в технике оббивки, двустороннего рету-

ширования или шлифовки. Сравнительно многочисленны микролиты с поперечно срезанным ретушью концом (1,4%), микролиты с выемкой на конце (0,8%), а также косые острия (1,3%). Два микролита с выемкой имеют подтеску плоской ретушью на брюшке, что характерно для памятников пургасовского типа. Симметричные острия (0,3%) устойчивых серий не образуют. Наконечники стрел представлены изделиями с выемкой на конце пургасовского типа, косолезвийным наконечником песочноровского типа, обломком рессетинского наконечника типа А и фрагментами насадов иволистных и черешкового наконечников с постсвидерским характером обработки. Однако принадлежность этих обломков к бутовским наконечникам спорна, ибо черешки наконечников пургасовского типа также все выполнены в постсвидерской манере. Из жилища происходят очень низкая и средневысокая симметричная трапеции, фрагмент пластинки с крутой крупной ретушью по обоим краям, а также целая серия микролитов (1,9%) с затупленным ретушью краем, с затупленным концом и краем и прямоугольник. Набор микролитов находит аналогии в памятниках бутовской культуры Мещеры²¹. Коллекцию дополняют серия пластин и отщепов с нерегулярной ретушью (18,4%), резцовые сколы, обломки орудий, сколы подправки лезвий, псевдомикрорезцы и отщепы со следами шлифовки. Найдены также сланцевая подвеска с пропилами для подвешивания и три сланцевые гальки.

Описанный комплекс имеет признаки бутовской культуры и памятников типа Пургасово 3, расположенных на правом берегу р. Мокши в Кадомском р-не Рязанской обл.²² Помимо выразительной серии пургасовских наконечников, среди орудий рассматриваемой стоянки доминируют резцы, в которых много изделий с широкими кромками и нуклеидных экземпляров, а также присутствуют изделия с плоскими сколами, характерные для Пургасово 3. Выше, чем в бутовской культуре, и доля резцов двугранных, ретушных и комбинированных. Ближе к пургасовскому и состав скребков. В Шагаре 5 многочисленны вкладыши из фрагментированных пластин, микролиты с затупленным ретушью краем, а также краем и основанием, являющиеся культуроопределяющими типами для бутовских памятников. В Пургасово 3, напротив, микролитическая и вкладышевая техника почти не развита. Имеются низкая и средняя трапеции, которые в Пургасово 3 пока не найдены. В Шагаре 4 присутствуют псевдомикрорезцы, встреченные в бутовских стоянках лишь в единичных экземплярах. Очень выразительны в Шагаре 4 пластинки с выемкой на конце, характерные для Пургасово 3 и почти неизвестные в бутовской культуре. Эти и другие признаки могут говорить о слиянии в Шагаре 4 пургасовских признаков с бутовскими при возможной доминанте первых. Если отмеченное обстоятельство не вызвано механическим смешением разнокультурных материалов, его можно объяснять, во-первых, взаимодействием или взаимоассимиляцией носителей двух разных культур. При этом скорее следует говорить об ассимиляции бутовского населения, для которого не характерны крупные квадратные постройки. В таком случае финал бутовских древностей в Мещере определяется временем проникновения сюда индустрии типа Пургасово 3.

Во-вторых, наличие бикультурных признаков в рассматриваемой коллекции может быть объяснено генезисом комплексов типа Пургасово 3 на бутовской основе с последующей миграцией этой группы в бассейн р. Мокши. В этом случае речь может идти либо о трансформации всей бутовской культуры в новый тип, который фактически становится заключительным этапом бутовской культуры, либо о том, что пургасовский тип является вариантом развития бутовской культуры. В обоих случаях данная гипотеза позволяет заполнить хронологический разрыв между бутовской культурой и ранним неолитом. При

этом однозначно пока нельзя сказать, вся ли бутовская культура или только ее мешцерская группа была сменена типом Пургасово 3. В любом случае, и при исчезновении бутовской культуры в Мещере под воздействием пургасовского населения, и при трансформации бутовской индустрии в пургасовскую, открытие Шагары 4 заставляет по-новому взглянуть на судьбу бутовского населения и, бесспорно, заслуживает последующей детальной разработки.

Исследования 1986—1989 гг. подтверждают вывод о том, что Мещерская низменность была заселена в мезолите разнокультурным населением. Динамика их взаимоотношений — задача будущих поисков.

Стоянка Барашево располагается в 1 км к северу-северо-западу от одноименной деревни в Сасовском р-не, на дюне высотой до 2 м левого берега р. Мокши. Дюна почти полностью развеевна и разрушена карьером. Каменные изделия образовывали компактное скопление площадью около 50 м² в южной ее части. Памятник был открыт в 1986 г. В. П. Челябиным, дополнительно обследован автором в 1987 и 1989 гг. Собранный нами коллекция включает около 7 тыс. предметов, среди которых нуклеидных изделий 5,1%, сколов 81%, орудий 7,4%, отходов вторичного производства 6,5%. Первичных орудий нет. Сопоставление с мешцерскими стоянками показывает, что в Барашево самое низкое содержание орудий и отходов их производства. Если же рассматривать лишь морфологически четкие формы, то разница будет еще выше. Нуклеусы малочисленны и невыразительны, сильно сработаны, форма их подконическая или подпризматическая. Они служили для скалывания отщепов и реже пластин. Морфологически выраженных орудий из пластин лишь 33%. Орудийный набор довольно беден. Наиболее многочисленны резцы (27%), среди которых доминируют экземпляры на сломе отщепа, их дополняют ретушные, двугранные (по 12,5%) и комбинированные (5,8%). Для них характерны широкие кромки, но доля нуклеидных невелика. Скребок 4,7%, изготовлены они из отщепов, многие фрагментированы. Превалируют концевые экземпляры, их дополняют подокруглые, скобачи, двойной концевой, боковой скрепки и раклет. Особенностью коллекции служит отсутствие концевых скребков на пластинах. Скобели (1,4%) одинарные, выемки у них мелкие, узкие, дугообразные, изредка глубокие. Сверла, комбинированные орудия и ножи малочисленны. Рубящие орудия (0,6%) представлены лишь обломками двусторонне обработанных тесел, в том числе с намечающимся желобком. Выразительны микролиты с поперечно срезанным ретушью концом (1,2%) и косые острия (2,2%). Последние использовались в качестве основных или боковых вкладышей в составных наконечниках стрел. Коллекцию дополняют вкладыши из фрагментированных пластин (9,9%), пластины и отщепы со следами сработанности (4,5 и 48% соответственно), многочисленные резцовые сколы, обломки орудий и отщепы со следами шлифовки.

Таким образом, своеобразными чертами рассматриваемого комплекса следует считать отсутствие традиционных для Окского бассейна постсвидерских наконечников; состав охотничьего вооружения; малочисленность резцов на пластинах, высокий удельный вес у них широких кромок, наличие выразительной серии ретушных и двугранных резцов; низкую пластинчатость; бедный типологический набор орудий; неразвитость вкладышевой техники; присутствие предметов со следами шлифовки. Обращает на себя внимание и полное несходство рассматриваемого памятника с находящейся поблизости стоянкой Пургасово 3. Все это позволяет говорить об известном своеобразии стоянки Барашево в ряду других волго-окских памятников и выделить эти материалы в особый культурный тип. Следует отметить, что наибольшее сходство коллекция Барашево имеет с памятниками типа Красново 1 и стоянками Волго-Камского междуречья²³.

Последняя из рассматриваемых стоянок — Кирицы 1 занимает восточную оконечность длинной пойменной гривы высотой до 5 м на правом берегу р. Прони, в 1,5 км к северо-востоку от сооружений молочно-товарной фермы с. Кирицы Спасского р-на. Собранные здесь коллекции включают свыше 4 тыс. каменных предметов, среди которых нуклеидных изделий 5,8%, сколов 85,1%, первичных орудий 0,02%, орудий 6,1%, отходов вторичного производства 2,9%. Сравнение с мешерскими стоянками и Барашево показывает крайнюю бедность коллекции орудиями. Техника расщепления довольно примитивна, преобладают подпризматические и уплощенные экземпляры ядрищ от отщепов, изредка дополняемые торцевыми от пластин. Морфологически выраженные орудия из пластин составляют всего треть комплекса, чем Кирицы 1 напоминают стоянку Барашево. Среди орудий численно преобладают резцы (16,8%), среди которых доминируют экземпляры на сломе отщепа, в небольшом количестве встречены ретушные и двугранные (14,2%). Кромки их, как правило, широкие. Скребок и скобелей по 3,2%. Скрепки устойчивых серий не образуют, имеются концевые, боковые, двойной боковой, раклет. Для скобелей показательны крупные дугообразные выемки, мелкие очень редки. Найдены сверло с невыделенным рабочим концом, ножи на пластинах и отщепах с полой краевой ретушью (1,6%), косые острия (1,6%), в том числе одно песочно-ровского типа с краем, затупленным контрударной ретушью, высокие асимметричная и симметричные трапеции (2%) и микролит с выемкой в основании, возможно сломанная трапеция. Выразительна серия рубящих орудий (3,6%), представленных топорами и теслами подтреугольных очертаний их сработанных нуклеусов или двусторонне оббитых. Найдены также пластинки со следами сработанности (6%), отщепы с ретушью (61,2%), резцовые сколы, обломки орудий, единичные псевдомикрорезцы и сколы подправки лезвий орудий.

Рассматриваемый комплекс отличается бедностью и невыразительностью, он обладает очень низкой пластинчатостью и неразвитостью вкладышевой техники, обращает на себя внимание многочисленность рубящих орудий, свидетельствующая, по-видимому, о функциональной специализации стоянки, а также наличие трапеций при полном отсутствии колющих наконечников. Указанные черты сближают Кирицы с памятниками типа Студенок в Деснинском бассейне и комплексами усть-камской культуры²⁴. Однако эти параллели предварительны.

Работы 1986—1989 гг. на рассмотренных выше и других мезолитических памятниках бассейна Оки позволяют во многом по-новому взглянуть на всю проблематику волго-окского мезолита. Во-первых, они подтверждают вывод о его культурном многообразии, во-вторых, позволяют отказаться от идеи контактных зон, так как разнокультурные памятники имеются не только в Волго-Окском бассейне, но и в других сравнительно полно изученных регионах. В-третьих, эти работы дают возможность увидеть в ином свете как уже относительно хорошо изученные бутовскую или иеневскую культуры, так и малоисследованные группы памятников, как, например, типа Пургасово 3. В-четвертых, эти исследования еще раз подтверждают, что Поочье, как и весь Волго-Окский бассейн, не относится к зоне мезолита без геометрических форм. Следовательно, деление мезолита по этому признаку на северную и южную зоны вряд ли оправданно. Наконец, в-пятых, полученные материалы заставляют отказаться от таких ставших привычными представлений, как идея о сложении верхневолжской раннеолитической культуры на основе бутовской или о "нордическом" характере иеневской культуры.

- ¹ *Городцов В. А.* Материалы к археологической карте долины и берегов р. Оки//Тр. XII АС. М., 1905. Т. 1.
- ² Археологические исследования на новостройках РСФСР в 1932—1934 гг. М., 1936; *Кольцов Л. В.* Новые раскопки стоянки Елин Бор//МИА. 1966. Вып. 126. С. 178—184; *Грехова Л. В.* Палеолит и мезолит бассейна р. Оки//Тр. ГИМ. 1970. Вып. 44. С. 10—34.
- ³ *Фролов А. С., Жилин М. Г.* Новый памятник мезолита на верхней Оке//СА. 1978. № 1; *Фролов А. С., Сорокин А. Н., Жилин М. Г.* Первые памятники мезолита в Мещере//СА. 1977. № 2. С. 142—151; *Сорокин А. Н.* Мезолит Великих Мещерских озер//СА. 1984. № 1. С. 46—65; *Кравцов А. Е.* Стоянка Беливо 4Г//Памятники каменного века бассейна р. Оки. М., 1988. С. 15—21.
- ⁴ *Сорокин А. Н.* Коллекция нижнего слоя стоянки Исток 1. (К вопросу о памятниках с асимметричными наконечниками в Мещере)//Там же. С. 9—14.
- ⁵ *Кольцов Л. В.* Культурные различия в раннем мезолите Волго-Окского бассейна//Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М., 1976. С. 21—26; *Он же.* Мезолитические поселения Верхнего Поволжья//Археология и палеогеография мезолита и неолита Русской равнины: Путеводитель совмест. сов.-фр. симпозиума. М., 1984; *Крайнов Д. А., Кольцов Л. В.* 25 лет (1959—1983 гг.) Верхневолжской экспедиции Института археологии Академии наук СССР//СА. 1983. № 4.
- ⁶ *Кольцов Л. В.* Мезолит Волго-Окского междуречья//Археология СССР: Мезолит СССР. М., 1989. С. 68—86.
- ⁷ *Сорокин А. Н.* Бутовская мезолитическая культура в Мещерском и Жиздринском полесьях: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1989.
- ⁸ *Кравцов А. Е., Сорокин А. Н.* О хронологии бутовской и иеневской культур//Тез. докл. межвуз. ист.-краевед. конф. Брянск, 1988. С. 83, 84.
- ⁹ *Сорокин А. Н.* К проблеме происхождения бутовской культуры//СА. 1989. № 2. С. 24—34.
- ¹⁰ *Крайнов Д. А., Кольцов Л. В.* 25 лет (1959—1983 гг.) Верхневолжской экспедиции...
- ¹¹ *Кравцов А. Е.* О хронологии мезолитических и раннеолитических памятников Мещерской низменности//Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья. Калуга, 1987. С. 14—17.
- ¹² *Кольцов Л. В.* Мезолит Волго-Окского междуречья. С. 81, 82.
- ¹³ Там же. Табл. 47, 1.
- ¹⁴ *Крайнов Д. А., Кольцов Л. В.* Стоянка Староконстантиновская IV//Археологические исследования в Верхневолжье. Калинин, 1983.
- ¹⁵ *Бодунов Е. В., Воробьев В. М.* Мезолитическая стоянка Староконстантиновская VI//СА. 1974. № 4. С. 162—169.
- ¹⁶ *Кольцов Л. В.* Мезолит Волго-Окского междуречья.
- ¹⁷ Там же. Табл. 51, 5, 6.
- ¹⁸ *Кольцов Л. В.* Исследование памятников каменного века в Калининской и Костромской областях//АО 1982 г. М., 1984. С. 60.
- ¹⁹ *Зализняк Л. Л.* Деснянская мезолитична культура//Археология. Київ, 1984. Вып. 46. С. 1—17.
- ²⁰ *Кравцов А. Е.* Спорные вопросы иеневской мезолитической культуры//Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья. С. 8—10.
- ²¹ *Сорокин А. Н.* Бутовская мезолитическая культура. М., 1990.
- ²² *Смирнов А. С., Сорокин А. Н.* Деснинская экспедиция в 1984—1985 гг.//КСИА. 1989. Вып. 196. С. 12—19.
- ²³ *Жилин М. Г.* Памятники типа Красново 1 в Волго-Окском бассейне//Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья. С. 17; *Гусеницова Т. М.* Новые мезолитические поселения в междуречье Камы и Вятки//СА. 1981. 3. С. 130—147.
- ²⁴ *Неприна В. И., Зализняк Л. Л., Кротова А. А.* Памятники каменного века Левобережной Украины; *Косменко М. Г.* Мезолит Среднего Поволжья//КСИА. 1977. Вып. 149. С. 94—100.

В. В. Сидоров, А. В. Энговатова, К. В. Воронин,
В. М. Лозовский, А. В. Трусов

РАБОТЫ ПОДМОСКОВНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ В 1986—1990 гг.

Интенсивное хозяйственное освоение Подмосковья потребовало значительно расширить охранные разведочные работы в Московской и соседних областях, а также приступить к раскопкам некоторых разрушаемых памятников. Работы проводились коллективом Подмосковной экспедиции Института археологии. Краткой характеристике наиболее интересных памятников и посвящена настоящая статья.

В 1986—1989 гг. В. В. Сидоровым исследовалось многослойное поселение Ловцы 1, расположенное при выходе р. Сара из оз. Ловецкого в Ростовском р-не Ярославской обл. Здесь вскрыто 600 м². Раскопами исследованы восточная и западная части памятника. Мощность культурного слоя составляет 0,30—0,55 м, верхняя часть его, содержащая отложения древнерусского и мерянского селищ, а также эпохи бронзы, распахана. В распаханной части слоя найдены бронзовый втульчатый наколочник стрелы, асимметричное лезвие бронзового тесла, фатьяноидная, поздняяковская и сетчатая керамика. Интересен миниатюрный сосуд с изображением гусей. С комплексом сетчатой керамики связан могильник, открытый в западной части поселения. Здесь исследованы две узкие неглубокие могилы с вытянутыми погребениями, ориентированными на запад и восток, и остатки третьего погребения — скопление костей, среди которых найдено пять треугольно-черешковых наконечников стрел.

Отложения волосовского времени не затронуты распахкой, представлены единичными фрагментами керамики в западном раскопе и наложившимися друг на друга слабоуглубленными жилищами в восточном. Длина жилищ 6—8 м, ширина около 6—8 м, в материк врезаны лишь верхние по склону их концы. В жилищах, в центральных их частях выявлены очаги, сооруженные на гравийной подсыпке, немногочисленные хозяйственные и глубокие столбовые ямы. Керамика, найденная в постройках, относится к среднему и позднему этапам развития волосовской культуры, имеет пористое тесто. Встречены специфические волосовские кремневые орудия, антропоморфная фигурка. В южной части раскопа, более обводненной, сохранились костяные орудия: гарпуны, подвески, проколки. Характерно, что волосовский слой не достигает берегового склона, а находки того времени совершенно не встречаются в шлейфе культурного слоя, уходящего под пойменные отложения. Это, а также обилие рубящих орудий со следами использования их в качестве пешней могут свидетельствовать, что волосовское поселение было зимним.

Наиболее многочисленны находки, относящиеся к льяловской культуре. Местами керамика среднего и позднего этапов развития этой культуры залегала в ямах и отвалах, образовавшихся при строительстве волосовских жилищ. Редкоямочная керамика статистически приурочена к верхней части льяловского слоя, ранняя льяловская рассеяна в слое и малочисленна. Керамический и орудийный комплекс тождествен материалу памятников, исследованных Д. А. Крайновым на Ивановском и Берендеевском торфяниках, а также по берегам озер Плещеево, Сомино и Неро. Малое количество находок в шлейфе культурного слоя может свидетельствовать, что и льяловский поселок был здесь сезонным, использовался в зимнее время. Постройки не выявлены, хотя ямы многочисленны. С льяловским слоем связаны два безынвентарных погребения в южной части правого склона. В одном из погребений костяк лежал скорченно на правом боку, имел юго-восточную ориентировку. Заполнение могилы — льяловский культурный слой, четко отделяющийся от волосовского. Во втором погребении костяк лежал в узкой яме с широтной ориентировкой, с пятнами охры на дне. Могила нарушена волосовским жилищем. Стратиграфически она может быть связана с ранняя льяловским слоем. В культурном слое найдены также отдельные фрагменты керамики верхневолжской культуры.

Таким образом, на поселении Ловцы 1 исследовано около 20% площади памятника, имевшего отложения разных стадий неолита и бронзового века, получена обширная коллекция (около 35 000 фрагментов керамики и около 2000 каменных орудий), прослежены детали волосовских жилищ, впервые получен антропологический материал из погребений культуры сетчатой керамики позднего бронзового века.

В 1989—1990 гг. К. В. Ворониним были продолжены раскопки поселения эпохи бронзы Липовка 1, расположенного на юго-восточном берегу оз. Неро в Ростовском р-не Ярославской обл. Общая площадь раскопов составила 410 м², исследовано около трети памятника. Культурный слой в виде светло-коричневой супеси мощностью 0,08—0,25 м содержал жилищные, хозяйственный и, видимо, ритуальный комплексы, связанные с культурой сетчатой керамики. Особый интерес представляет наземное жилище подпрямоугольной формы размерами 7×12 м. Связанный с ним керамический комплекс состоит из круглодонных котловидных сосудов с сетчатыми отпечатками на внешней поверхности сосудов и сосудов поздняяковского типа, отнесен к раннему этапу культуры сетчатой керамики. Среди довольно многочисленных каменных орудий следует отметить диоритовые и сланцевые шлифованные рабочие топоры, кремневые серпы, наконечники стрел турбинского типа. На сетчатой керамике часто встречаются отпечатки зерен ячменя. Глиняные изделия представлены небольшими пряслицами разнообразных форм. Из металлических изделий нужно отметить уникальный по форме бронзовый клиновидный топор. О существовании на поселении металлургического производства говорят находки фрагмента глиняной формы для отливки ножа или серпа, обломков тиглей, капель бронзы, встреченных у некоторых кострищ. Найдены также остеологические остатки.

Поселение существовало и в более раннюю пору, о чем свидетельствуют находки протоволосовской посуды, а на южных участках раскопов скопления пористой фатьяноидной керамики. Стоянка Липовка 1 — прекрасный источник для реконструкции экономической структуры культур эпохи бронзы в Верхнем Поволжье и изучения процессов взаимодействия местной культуры сетчатой керамики с фатьяновской и поздняяковской.

В 1990 г. К. В. Ворониним проводились также небольшие разведочные раскопки на стоянке Липовка 3. Это поселение занимает небольшой мыс площадью около 150 м². Раскопом вскрыта 1/3 часть памятника. В культурном слое выявлены остатки жилой постройки с пористой фатьяноидной керамикой, найдены кремневые треугольно-черешковые наконечники стрел, листовидные наконечники дротиков, скребки, режущие инструменты, аморфные нуклеусы и перфораторы. Дальнейшие раскопки этого памятника позволят получить эталонный жилой комплекс, относящийся к финалу фатьяновской культуры.

Разведочные работы в зоне проектируемого строительства водозабора у с. Лужки в Серпуховском р-не Московской обл. выявили ряд стоянок и кремнеобрабатывающих мастерских эпохи мезолита и неолита, а также позднедьяковских селищ (работы В. В. Сидорова, К. В. Воронина, А. В. Трусова). Проведены небольшие раскопки на поселениях Лужки А и Е, остальные семь памятников шурфовались.

Лужки А — позднедьяковское селище, занимает высокий мыс первой надпойменной террасы р. Оки при впадении в нее ручья, исследовано раскопом и шурфами на площади 82 м². Здесь выявлены частично остатки наземного жилища с каменной очажной вымосткой и хозяйственными ямами. Среди находок грубая лепная и лощенная керамика, обломки железных топора и ножа, бронзовых обоймы и подвески. Непосредственно под слоем селища находились остатки мезолитической и более поздних кремнеобрабатывающих мастерских. У подножия мыса правого берега ручья обнаружены остатки стоянки с мощным (свыше 1 м) мезолитическим слоем, разделяющимся на два горизонта, в материалах которых заметны существенные различия (Лужки В). Лужки В, Г и Д — это тоже позднедьяковские селища с интенсивно окрашенным

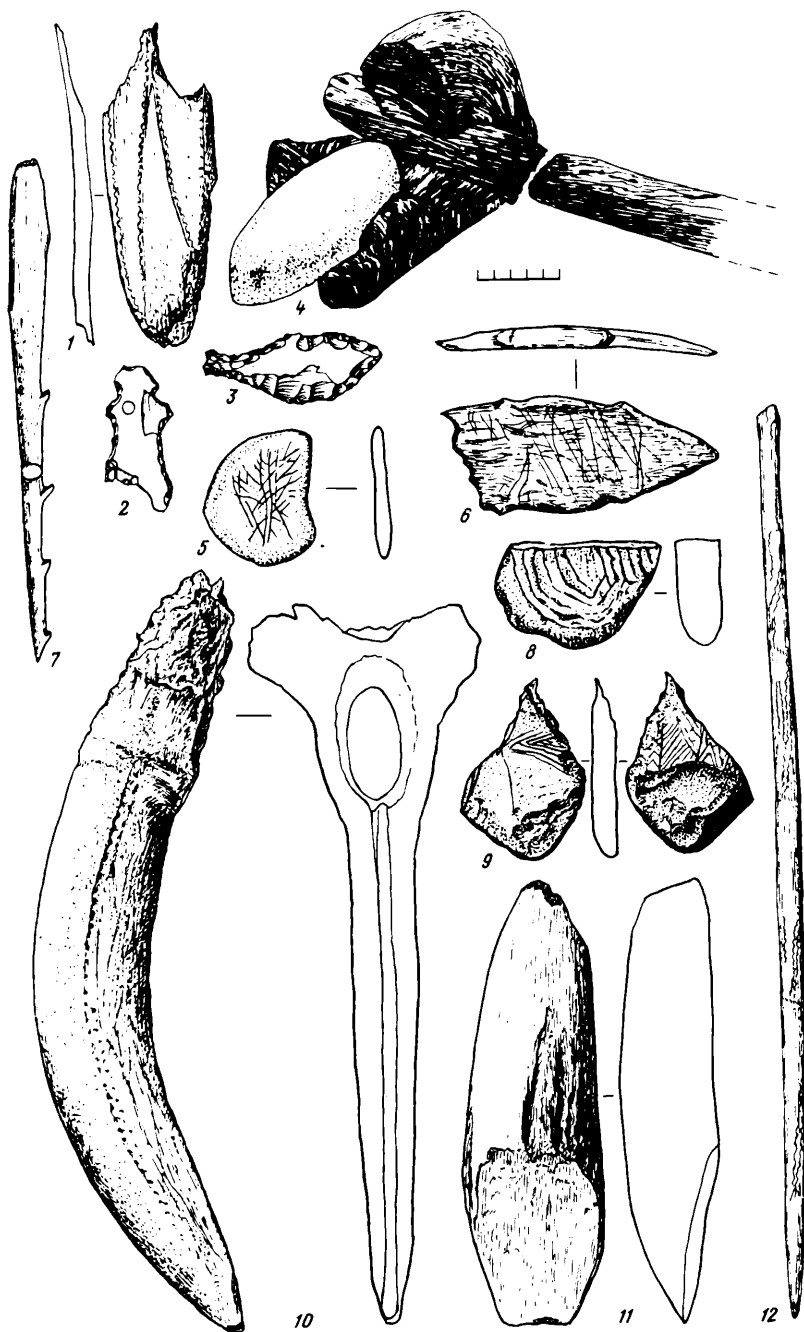
гумусированным культурным слоем, перекрывающим остатки мезолитических мастерских.

Особенно интересен памятник Лужки Е, отделенный от соседнего селища неглубоким ложком. Здесь раскопом площадью 72 м² и шурфами выявлены остатки мезолитической стоянки, найдено около 150 орудий, до 3000 отщепов и чешуек. Среди орудий численно преобладают очень крупные скребки на отщепах. Орудия из пластин представлены единичными и невыразительными резцами. Имеются кремневые тесла, также немногочисленные, наконечники стрел симметричные, с плоской ретушью, изготовленные из пластин. Орудия относятся, по-видимому, к финальному мезолиту, который не удастся отделить от ранненеолитического комплекса с накольчатой керамикой, встреченной в некоторых ямах. Имеются здесь и более поздние находки: развал раннеьяловского сосуда, найденный в яме, и фрагменты сосуда эпохи бронзы.

Наибольший интерес среди памятников у с. Лужки представляет грунтовый могильник, в котором исследованы два погребения. Первое представляло собой скопление пережженных костей, среди которых встречены оплавленные шаровидные стеклянные бусы, обломки тонких бронзовых и железного предметов, возможно фибулы. Второе погребение представляло собой остатки сожжения, совершенного на месте, на двуслойном деревянном настиле, возвышающемся над землей. Под углами настила прослежены крупные ямы. Среди кальцинированных костей найдены зуб человека, две стеклянные зонные бусины, бронзовое колечко, миниатюрное пластинчатое кресало, а рядом два сосуда: миниатюрный сосуд баночной формы с утоньшенным венчиком, очень грубый, и горшок роменского типа со шнуровым орнаментом. Оба сосуда сильно обожжены огнем погребального костра. Третий горшок, также пережженный, найден вне настила. По форме его можно сближать с сосудами пражского типа. Погребальные комплексы могут быть датированы последней четвертью I тысячелетия н. э.

В 1,5 км выше по течению Оки выявлены еще два поселения эпохи бронзы и, видимо, неолита, а также дьяковское селище при устье р. Сушка, а ниже у с. Лужки — многослойное селище с культурным слоем мощностью в среднем около 1 м. Здесь найдена керамика разных эпох: XII—XIII вв., позднедьяковская, неолитическая, яловской культуры, а также обработанный кремнь. Селище разрушается паводковыми водами и хозяйственной деятельностью. Вся группа памятников протянулась в длину вдоль берега реки на 4 км.

Берега р. Оки богаты археологическими памятниками. На отмелях у поселков Поленово и Озера и сел Дракино, Подмоколово, Лукьяново, Тарасково, Колтово встречаются окатанные фрагменты разновременной керамики — от неолита до средневековья, обработанные кремни, ожелезненная кость. Эти скопления удалось связать с литологическими слоями в пойме р. Ока. Ниже устья р. Беспута были зафиксированы слои пойменной фации, включающие в непереотложенном виде неолитические материалы, залегающие в самом основании современной поймы, лишь немного выше меженного уровня р. Ока, перекрытые наносами толщиной 4—5 м. При устье р. Лопасня у с. Турово зафиксированы остатки древнерусского селища с гончарной керамикой, а у д. Лужники — ряд дьяковских и одно древнерусское поселение с лепной керамикой. Все эти памятники интенсивно разрушаются хозяйственной деятельностью. Быстро разрушаются памятники у г. Каширы. Полностью уничтожено поселение Лиды при правом мысу р. Мутенки, содержавшее мезолитический и позднедьяковский комплексы. Левый мыс р. Мутенки был связан с древнерусским городом Колтеск, от которого сохранились прилегающие к нему селища, на которых проведены шурфовка и разведочные раскопки. Хорошо сохранилось поселение на мысу у с. Колтово, имеющее древнерусский, дьяковский и мезолитический слои.

Изделия эпохи неолита: 1, 6, 7, 10, 12 — стоянки Замостье; 2—5, 8, 9, 11 — стоянка Воймежная 1
 1 — нож; 2, 3 — фигурки; 4 — топор с деревянной муфтой; 5, 8, 9 — чуринги; 6 — фрагмент
 фигурки животного (?); 7 — гарпун; 10 — мотыга или кирка, 11 — топор; 12 — стрелка; 1, 6,
 7, 12 — кость; 2, 3 — кремь; 4, 5, 8, 9 — камень; 10, 11 — рог

Но и его территория занята дачами. Любительским раскопкам и добыче чернозема подвергается известное Мутенковское городище. Интересные находки обнаружены на разрушенных участках его площадки. Это разнообразные костяные орудия, бусы, грузики «дьякова типа».

Район Каширы регулярно дает находки кремня палеолитического облика на верхних террасах Оки. Все они происходят из гумусного слоя почвы. А. В. Трусовым собрана коллекция с выделением отдельных скоплений на стоянке Умыршленка III, содержащая крупные наконечники с боковой выемкой и отвесной ретушью, резцы, скребки на крупных пластинах, нуклеусы. Комплекс имеет палеолитические черты, хотя целиком залегает в гумусной толще. Памятник приурочен к краю плато в 3 км от долины р. Оки, прорезанному древней долиной ручья.

В. М. Лозовским, В. В. Сидоровым и А. В. Энговатовой проводились исследования в древних озерных котловинах, ныне занятых торфяниками. Здесь наиболее полно сохраняются как археологические материалы, так и разнообразные органические остатки. В 1987 г. начато исследование группы памятников системы оз. Заболоцкое в северной части Сергиево-Посадского р-на Московской обл. Здесь искусственное русло р. Дубны, проложенное около 20 лет назад, пересекает центральную часть древней озерной системы, нарушая шлейфы разновременных стоянок. Шурфовка, зачистка берегов и раскопки позволили предположительно реконструировать палеогеографическую ситуацию, привязать к определенным моментам естественной истории котловины конкретные археологические комплексы и получить первоклассный материал.

Стоянка Замостье 1 тяготеет к современному устью р. Сулочь. Раскопы на обоих берегах р. Дубна показали, что здесь имеются отложения, сформировавшиеся на прибрежном участке и в протоке у подножия поселения, частично переотложившие материал размытого рекой шлейфа культурного слоя. Переотложение происходило во время существования ранневолосовского поселения. Детрито-ракушечные слои, зафиксированные в одном из раскопов, содержали скопления волосовской керамики с примесью раковины в тесте. Сосуды плоскодонные, с утолщенными прямыми венчиками, орнаментированы крупным зубчатым штампом. Характерно применение этого штампа в технике «отступающая лопаточка», часто использовалась накольчатая орнаментация. Некоторые сосуды реконструируются. Такая керамика малохарактерна для волосовской культуры. Аналогии ей уходят к энеолиту лесостепи, в бассейн Дона и Днепра, в меньшей мере Суры. Присутствует здесь и обычный волосовский материал — круглодонные котлообразные сосуды с округленными венчиками, орнаментированные рамчатым штампом. Материал других культур здесь переотложен: встречены единичные фрагменты верхневолжской, раннельяловской, большое количество позднеल्याловской и редкочашечной керамики. Хорошо сохранились костяные орудия — игловидные и веретенообразные наконечники стрел с граненым сечением и плоским насадом, гарпуны, обломки кинжалов и др. (см. рис.). Есть деревянные изделия — многочисленные кольца, остроконечное весло, обломок чаши. Зачистка правого берега Дубны выше стоянки Замостье 1 позволила выявить еще один памятник с совершенно другим составом культурных слоев — Замостье 5. Здесь переотложения материала не происходило. Слои с материалами волосовской, льяловской и верхневолжской культур формировались, видимо, на жилой площадке в горизонтах сильно опесчаненного торфа, под которым залегает значительная толща торфа и сапропеля с обильными фаунистическими остатками, единичными костяными орудиями и отщепами мезолитического облика.

Еще выше по течению на протяжении 70 м искусственное русло Дубны прорезает слои стоянки Замостье 2. У подножия берега и на дне русла собран

подъемный материал из размываемых берегов, а также слоев, уходящих под дно реки. Периодические сбросы воды Загорской ГАЭС ведут к переработке в первую очередь донных отложений. Из размываемого торфа проступают десятки кольев и столбов прибрежных конструкций, связанных с разными слоями стоянки.

Двумя раскопами здесь вскрыта площадь 92 м² при мощности культурных слоев до 3,5—4 м. Верхний слой связан, видимо, с разрушением суходольной части стоянки поздним водоемом, так как в переотложенном виде содержал материалы различного времени. Ниже залегают глинистые озерные отложения мощностью до 1 м. Под ними в слое оторфованного суглинка (по мнению Л. А. Гугалинской и Ю. А. Лаврушина, это слой сформировавшейся гидроморфной почвы, впоследствии частично переработанной озером) выявлены находки редкочемной и позднельяловской керамики, а в самой верхней части — единичные фрагменты протоволосовской керамики с обильной примесью дресвы. Этот слой четко отделен от лежащего ниже дитритово-ракушечного торфа с комплексом материалов верхневолжской культуры горизонтом размыва, который фиксируется литологически и отмечен на спорово-пыльцевой диаграмме. Нижние слои дитритово-ракушечного торфа содержат находки верхневолжской керамики. Здесь найдены также чуринги, роговой клевец в виде стилизованной головы лося, громадное количество костяных и роговых орудий, в том числе орнаментированных. В изготовлении каменных орудий господствовала отщеповая техника. Среди находок имеются шлифованные рубящие орудия, скребки различных форм из отщепов, реже — из пластин, немногочисленны и невыразительны резцы. Наконечники стрел изготовлены из пластин путем краевого двустороннего ретуширования. Керамика остро- и плоскодонная, из теста с примесями дресвы и главным образом шамота, с подлощенной поверхностью, орнаментирована наколами. Около трети всей керамики украшено зубчатым штампом в отступающей манере, в единичных случаях встречается орнаментация из прочерченных линий. Ближайшие аналоги этот керамический комплекс находит в материалах верхневолжских стоянок Николо-Перевоз, Сахтыш II и VIII. В русле Дубны было найдено дноце верхневолжской культуры сосуда с выполненным наколами схематическим изображением мужчины с поднятыми вверх руками и солнца.

Мезолитические слои памятника мощностью до 0,7 м залегают в торфяных и торфяно-дитритовых отложениях с ракушкой, разделяются на отдельные горизонты с прерывистыми стерильными прослойками торфа. Кремневые орудия этих слоев почти не отличаются от верхневолжского комплекса. Здесь также встречены чуринги. Интересен костяной кинжал с обмотанной берестой рукояткой и кремневыми вкладышами, вставленными в боковые пазы орудия. Он найден в размытом торфе на дне реки. Из раскопа происходит роговой клевец в виде головы лося, близкий к найденному в неолитическом слое, но характеризующийся большей натуралистичностью, украшенный зигзагообразным орнаментом. Роговые и костяные орудия представлены сериями — это кинжалы и ножи из ребер животных, проколки, наконечники, топорики, острия. Встречены костяные фигурки лебедей. Имеются деревянные изделия — весла, колья, наконечники стрел, заготовки ковшей, скульптурное изображение птицы. На контакте верхневолжского и мезолитических слоев были расчищены остатки двух верш прекрасной сохранности. Таким образом, на этом памятнике наблюдается непосредственная связь позднемезолитического и раннеолитического комплексов.

Стоянка Замостье 3 примыкает с юга к предыдущей. Не исключено, что их следовало бы рассматривать как один памятник. Однако на ближней к Замостью 2 части ее комплекс находок заметно отличается. Здесь в подъемном

материале найдена только позднеल्याловская и протоволосовская керамика, крайне редкая в культурном слое стоянки Замостье 2. Небольшой раскоп в южной части памятника дал только переотложенный материал: немногочисленные фрагменты верхневолжской керамики позднего этапа, обломки сосудов льяловской культуры всех трех этапов ее развития, а также костяные изделия: серию игловидных наконечников стрел, подвески из резцов лося и др.

Представляет интерес стоянка Замостье 7, находящаяся в 450—500 м выше по течению от стоянки Замостье 3. Здесь береговой обрыв обнажает слои, круто падающие в заполненную торфом древнюю протоку. В торфе выявлены стерильные прослойки, разделяющие слои с керамикой раннего, среднего и позднего этапов льяловской культуры.

Стоянка Сулоть расположена в 100 м от устья одноименной реки. Здесь на дне русла на протяжении 20 м залегает большое количество археологического материала. Основную массу находок составляет керамика эпохи бронзы: фатьяноидная, сетчатая, поздняяковская. Интересна орнаментированная роговая рукоятка металлического ножа. Для выявления сухоходольной части памятника была проведена шурфовка. Один из шурфов показал присутствие в слое озерной глины предметов эпохи бронзы, что говорит о размыве озерной сухоходольной части стоянки. В этом же шурфе в опесчаненном торфянистом алевролите под озерной глиной зафиксированы горизонты залегания сетчатой и фатьяноидной керамики. В других шурфах эти же слои содержали находки льяловской керамики. Таким образом, выявляется различная конфигурация в этом месте шлейфов стоянок эпохи бронзы и неолита.

А. В. Энгватовой были продолжены раскопки поселения Воймежное 1 в Шатурском р-не (Туголесский торфяник), которое оказалось сильно поврежденным при рекультивации торфяника. Раскоп площадью 86 м² вскрыл западный склон прибрежного участка стоянки, что определило четкость стратиграфии и хорошую сохранность материала. Памятник приурочен к мысу, вдававшемуся в оз. Карасово и покрытому мощным слоем торфа.

В верхней части древесного торфа, который подстилается древесным торфом без находок, осоковым торфом, сапропелем и далее песком, представляющим собой дно ледникового озера, найдены скопления гребенчато-накольчатой керамики, из которой реставрированы два сосуда шлемовидной формы. Среди сопровождающих ее кремневых изделий орудия на отщепах, пластин не встречено. Выше, в верхней части слоя древесного торфа, отделенной от верхневолжского [торфяной] стерильной прослойкой, залегали обломки архаичной льяловской посуды, лежавшие развалами. Сосуды с обильной примесью дресвы орнаментированы разреженными поясками ямок и неглубоко вдавленных зубчатых и плюсовых штампов. Еще выше в слое опесчаненного торфа с горизонтами размыва встречена позднеल्याловская керамика. Выше горизонта находок льяловской культуры располагался слой промытого песка с угольками и прослойками коричневого торфа. Здесь найдены обломки керамики среднего этапа волосовской культуры, а также с лапчатой орнаментацией, каменные орудия, среди которых много шлифованных тесел, янтарные изделия. Именно с этим слоем связаны прибрежные сооружения из кольев и столбов, охватывавшие поселение с трех сторон, фрагмент настила из плах. С волосовским слоем можно связывать также находки деревянных (ясень) яйцеобразных муфт, одна из которых сохранила в гнезде диоритовый топорик и тонкую сосновую рукоять. Верхний слой — промытый белый песок с тонкими прослойками мелкого угля — дал находки керамики фатьяновской и поздняяковской культур. На некоторых фрагментах поздняяковской посуды сохранились едва заметные отпечатки сетки. Для этого горизонта находок характерны кремневые

треугольно-черешковые наконечники стрел, ножи из крупных пластин, клиновидный и обломки сверленных топоров.

Рассматриваемая стоянка, несмотря на разрушения, остается одним из наиболее богатых и хорошо стратифицированных памятников Подмосковья. На этом же торфянике обследованы еще две стоянки плохой сохранности.

Раскопки стоянки Пирютино 1 в Орехово-Зуевском р-не, проведенные в 1982 г. А. В. Энгватовой, также были связаны с разрушением ее дорогой, мелиорацией, огородами. Стоянка приурочена к песчаному берегу древнего озера системы пра-Клязьмы. Берег в древности был прорезан множеством промоин, которые частично сохранили стратифицированное заполнение. Тремя раскопами вскрыто 64 м², выделены горизонты залегания находок ряда культур эпох неолита и бронзы; верхневолжской, льяловской всех трех этапов развития, волосовской, фатьяновской и сетчатой керамики. Из интересных находок можно отметить фигурку птицы из кремня. Кроме этой стоянки, здесь выявлено еще пять, располагающихся по северному берегу древнего озера.

М. Р. Зотько, Р. А. Нигматуллин, А. С. Смирнов,
М. Е. Смирнова

РАБОТЫ ДЕСНИНСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

В 1986—1989 гг.

Деснинская экспедиция Института археологии в 1986—1989 гг. продолжала работы в Верхнем Подесенье и Поочье, в зонах новостроек Брянской и Калужской областей. Начаты раскопки в Тульской обл. Мезолитический отряд, сосредоточивший свои исследования на памятниках Рязанской обл., с 1989 г. преобразован в самостоятельную Окскую экспедицию.

Экспедиция ежегодно проводила большие стационарные раскопки. Однако главная цель ее виделась в другом — в расширении проектных археологических работ, отработке связанных с этим аспектов полевой и камеральной методики, в этапности проводимых мероприятий по обеспечению сохранности памятников, в эффективности таких мероприятий.

Накопленный опыт обобщен в подготовленных сотрудниками экспедиции «Методических указаниях по проведению проектных археологических работ в зонах народнохозяйственного строительства», вышедших в свет в начале 1990 г.

Традиционными заказчиками документации по обеспечению сохранности археологических памятников были центральные и областные проектные организации мелиоративного профиля. Значительное внимание в последние годы уделялось сельскому дорожному строительству. Помимо проектных институтов Москвы, Брянска и Калуги, установлены контакты с проектантами Смоленска, Орла, Тулы, Киева, Воронежа.

За четыре года работы экспедиции обследовано более 100 тыс. га проектируемых объектов, на которых обнаружено около 150 археологических памятников. Среди них встречаются уникальные поселения. Такова, например, неолитическая стоянка Хормное, расположенная в среднем течении р. Снов, первый памятник в верхнедеснинском регионе, где сохраняются органические материалы: рог, кость, рыба чешуя и т. п. Кроме того, расположение памятника на границе лесных и степных культур каменного века придает стоянке особое значение и делает ее перспективной для раскопок. В окрестностях памятника обнаружен ряд местонахождений и других стоянок мезолитического и неולי-

тического времени. По-видимому, здесь найден очень интересный куст памятников каменного века.

В силу специфики новостроечных работ экспедиция исследует памятники практически всех эпох, привлекая для этого и специалистов местных научных учреждений. Постоянные научные связи поддерживаются с Брянским и Калужским педагогическими институтами, преподаватели и студенты которых многие годы участвуют в работе экспедиции. Тесное взаимодействие налажено с областными музеями Брянска и Калуги. Все это позволяет эффективно использовать имеющийся в регионе научный потенциал. Научные сотрудники институтов и музеев не просто привлекаются на период раскопок, а руководят самостоятельными отрядами, осуществляют по согласованию с Институтом археологии разработку конкретных научных тем на базе полученных материалов. Например, Брянский отряд, состоящий из сотрудников и студентов БГПИ (начальник — доцент Е. А. Шинаков), работает в составе экспедиции с середины 1980-х годов, занимаясь изучением древнерусских памятников. Такая кооперация позволяет квалифицированно исследовать памятники широкого хронологического диапазона, оперативно обрабатывать материал и своевременно вводить его в научный оборот. За четыре года было раскопано полностью или частично 27 археологических памятников на площади около 6,5 тыс. м², а также три курганных могильника, в которых вскрыты 32 насыпи.

Наиболее ранние из исследованных памятников относятся к эпохе мезолита. Это стоянки Митино 5 в Заокском р-не Тульской обл., Никитенки в Жуковском р-не Брянской обл. и Трашкевичи в Куйбышевском р-не Калужской обл. Стоянка Митино, раскопки которой вела Т. М. Кузнецова, представляет собой участок культурного слоя, сохранившегося под напластованиями городища железного века. Найденные здесь кремневые орудия позволяют отнести стоянку к памятникам иеневского или песочноровского типа. Для нее характерны наконечники с боковой выемкой, трапедии, имеется топор с перехватом. Получена спорово-пыльцевая дата — суббореал II. Это одна из наиболее ранних дат для иеневской культуры, что является еще одним аргументом в пользу ее общего удревнения. До настоящего времени в Верхнем Поочье раскопаны всего два иеневских памятника: стоянки Брагино и Ладыжино в окрестностях Калуги. Раскопки стоянки Митино 5 существенно увеличили источниковедческую базу для изучения мезолита этого региона. Близкий материал получен при исследовании А. С. Фроловым стоянки Трашкевичи в верховьях р. Снежети (левый приток р. Десны). Большая коллекция кремневых изделий получена на стоянке Никитенки в Подесенье. В культурном отношении материалы памятника смешаны. Помимо традиционных для Десны острий песочноровского типа, здесь имеются постсвидерские наконечники и даже треугольники комарницкого типа. Наличие разнокультурных мезолитических материалов на этой и ряде других стоянок свидетельствует, что мезолит Десны не был единообразным. Однако культурная реконструкция мезолита рассматриваемого региона из-за чрезвычайной сложности и пестроты материала требует дальнейшего специального изучения.

За четыре года удалось исследовать на значительных площадях ряд неолитических поселений как в Подесенье (стоянка Юдиново, где вскрыта площадь 1000 м²), так и в Поочье (стоянки Красное 6 и 10, на которых вскрыты соответственно 240 и 750 м²).

Стоянка Юдиново расположена на возвышенности в пойме левого берега р. Судость (правый приток р. Десны), у одноименной деревни Погарского р-на Брянской обл. Памятник исследован практически полностью. Обширный неолитический материал подразделяется на три разнокультурных комплекса.

Первый представлен фрагментами сосудов, украшенных различными вариантами накольчато-отступающего орнамента. Узор выполнен треугольным наколом, отступающей лопаточкой и другими элементами, характерными для памятников лесостепных и степных регионов Поднепровья и Подонья. Наиболее массовым материалом является керамика с ромбо-ямочным, характерным для деснинской культуры, и ямочно-гребенчатым орнаментом. Примечательной особенностью стоянки является наличие керамики культуры шаровидных амфор. Залегая несколькими компактными скоплениями, она наводит на мысль о возможности существования здесь небольшого могильника. Возможно, с погребениями связаны и несколько «кладов» кремневых орудий, главным образом наконечников копий и дротиков, типологически близких волосовским. Это один из наиболее восточных пунктов проникновения культуры шаровидных амфор, основной ареал которой находится в Центральной Европе.

Раскопки стоянок Красное 10 и Красное 6 позволили получить факты, принципиально важные для неолита Верхнего Поочья. В прибрежной части стоянки Красное 10 в 1985 г. был обнаружен насыщенный шлейф культурного слоя, уходящий под мощные напластования современной поймы. В последующие годы основной целью было исследование именно торфяниковой части поселения. Анализ материала и условий его залегания подтвердил высказанные ранее и основанные на изучении суходольной части памятника предположения о культурной истории региона в неолите. Взяв ряд спорово-пыльцевых колонок и образцов для радиоуглеродного анализа, что позволяет на конкретном материале говорить об абсолютной хронологии верхнеокского неолита. Получены и обработаны Е. А. Спиридоновой палинологические данные об изменении растительности региона начиная с позднеледникового периода до современности. На стоянке Красное 6, помимо фрагментов сосудов с накольчато-гребенчатым орнаментом и кремневых изделий, характерных для деснинской культуры, встречена своеобразная керамика, украшенная горизонтальными рядами оттисков гребенчатого штампа «на боку», разделенными редкими цилиндрическими ямками. Осторожные сосуды с таким орнаментом изготавливались из хорошо промешанного теста с ангобированием внешней поверхности. Технологические и орнаментальные признаки посуды позволяют отнести ее к финальному неолиту или энеолиту. Говорить о культурной принадлежности этих материалов можно пока лишь гипотетически. В них, особенно в орнаментации, прослеживаются традиции культур с ямочно-гребенчатой керамикой.

Интересные материалы для освещения проблемы финального неолита получены при раскопках поселения Суворово на р. Судость (в Погарском р-не Брянской обл. вскрыто 144 м²). Это один из интересных памятников позднего неолита, энеолита и ранней бронзы в бассейне правобережных притоков р. Десны. Примечательная черта полученного керамического материала — присутствие сосудов, сочетающих элементы, характерные как для позднего лесного и лесостепного неолита, так и для пришлых культур боевых топоров раннего бронзового века. Помимо этого, на памятнике обнаружено погребение эпохи бронзы. До последнего времени памятники такого типа в Верхнем Подесенье отсутствовали.

Результаты исследования указанных памятников подтверждают уже высказанную ранее точку зрения о поликультурности неолита Подесенья, которая выражается в сосуществовании памятников с накольчатой орнаментацией керамики, связанных своим происхождением с лесостепными и степными территориями, и поселений деснинской культуры, сформировавшейся в лесной зоне, для которой характерны сосуды с ромбо-ямочным узором. Интересные данные получены о периоде перехода от эпохи неолита к бронзовому веку.

Судя по керамическому материалу, для этого периода отмечаются как сосуществование аборигенного населения с пришлыми племенами раннебронзового века, так и формирование своеобразных энеолитических групп, синтезировавших разнокультурные традиции.

Среди памятников эпохи ранней бронзы в первую очередь следует упомянуть поселение и могильник Святое 4 в Навлинском р-не Брянской обл., где исследована площадь в 1400 м². Еще в 1974 г. здесь было обнаружено восемь грунтовых погребений эпохи ранней бронзы, позднее выявлено еще шесть. Можно считать, что грунтовый могильник исследован полностью. Особенностью этого погребального памятника является сочетание черт, характерных для среднеднепровской и абашевской культур. Помимо могильника, на памятнике присутствуют и более поздние поселенческие материалы. К раннебронзовому веку относится и поселение Уль на р. Сев в Севском р-не Брянской обл. На площади в 350 м² здесь обнаружено одно грунтовое погребение с двумя шлифованными топорами (диоритовым сверленным и кремневым клиновидным), бомбовидным сосудом с сетчатым орнаментом, а также полуземлянка и несколько хозяйственных ям. Погребения с сетчатой керамикой на Десне до того были встречены лишь однажды — на стоянке Мыс Очкинский в раскопках М. Е. Воеводского. Поселение Уль является самым восточным памятником среднеднепровской культуры.

Памятники развитого бронзового века в Подесенье изучены пока недостаточно, что придает особую ценность новым материалам, полученным экспедицией. Керамика развитой бронзы найдена на ряде исследованных памятников. Наиболее чистый комплекс того времени встречен на поселении Семеновка в Рогнединском р-не Брянской обл. На вскрытой площади (540 м²) обнаружены наземное сооружение (возможно, жилище), несколько хозяйственных ям, найдено много обломков плоскодонных горшков вытянутых пропорций, обычно неорнаментированных, резе украшенных нарезным или прочерченным орнаментом, керамические пряслица и плоское трапециевидное бронзовое тесло. В ближайших окрестностях этого памятника ранее уже были раскопаны поселения Ново-Хотмирово 1 и 2, курганный могильник Смолино 2. В результате получен достаточно репрезентативный комплекс материалов развитого и позднего бронзового века верховьев Десны.

Памятники раннего железного века целенаправленно изучались стационарными раскопками в трех пунктах. Это селища Никитенки, Святое 4 и Салтановка в бассейне средней Десны. Во всех трех случаях исследователи имели дело с материалами так называемого постзарубинецкого типа, выделяемыми в почепскую культуру. На селище Никитенки обнаружены два жилища с углубленным в материк полом, неоднократно перестраивавшиеся. Жилые сооружения изучались также на селище Святое 4. На обоих памятниках в полуземлянках обнаружены многочисленные сосуды, в том числе чернолощеные, и большое количество других находок. Обилие на этих селищах ям и других искусственных сооружений с «закрытыми» и «полузакрытыми» вещевыми комплексами представляют широкое поле деятельности для типолого-хронологической классификации материала. Близкие к почепским находки получены при раскопках селища Салтановка на левобережье Десны, где вскрыто 150 м². Небольшие раскопки были проведены также на селище Зеленин, расположенном на р. Сев, где найден позднезарубинецкий материал, а также керамика середины I тысячелетия н. э.

Значительное внимание в работах экспедиции уделяется древнерусским и позднесредневековым городищам и селищам. Количественно преобладая, такие памятники часто оказываются под угрозой уничтожения в результате хозяйственной деятельности. Исследовались также курганные могильники.

Планомерные работы ведутся в Стародубском ополье — одном из древнейших центров пашенного земледелия. Практически ежегодно здесь под руководством Е. А. Шинакова проводятся раскопки летописного Стародуба (современный районный центр Брянской обл.). В результате вскрыто около 260 м² городского слоя при мощности отложений свыше 3 м. В качестве побочного результата получен весьма обильный и своеобразный позднесредневековый материал. Собственно древнерусский слой достигает мощности 1 м. Главным достижением этих раскопок явилось доказательство существования поселения городского типа еще в X в., что почти на сто лет удревяняет дату основания города, впервые упомянутого в летописи под 1070 г. Не исключено, что Стародуб является одним из древнейших, если не самым древним городом нынешней Брянской обл.

Обнаружены валы древнерусского времени, остатки городских ворот, участки деревянной мостовой рубежа XI—XII вв., найдены боевые топоры, янтарные украшения, древнерусские и византийские стеклянные браслеты, многочисленные бытовые вещи, керамика.

В окрестностях Стародуба исследовались два курганных могильника. Это курганная группа Нижнее, где раскопаны пять насыпей с одиночными захоронениями, в том числе одна с труположением на углстом слое лицом вверх. Среди наиболее интересных находок, сопровождавших погребения, боевой топор XI в. и загнуто-конечное серебряное височное кольцо. Во второй группе — Белоусово — также исследованы древнерусские одиночные захоронения.

Погарский отряд экспедиции закончил продолжавшиеся три года раскопки комплекса селищ раннего железного века и средневековья на р. Судость в южной части Брянщины. В 1986 г. изучалось поселение Борки 3, на котором вскрыто 800 м². Основная масса находок представлена сосудами I тысячелетия н. э., имеются материалы XII—XIII и XV вв. Находки определенной эпохи концентрируются в различных частях поселения, вероятно вокруг жилых или хозяйственных сооружений. В центральной части памятника выявлен хорошо локализованный комплекс гончарной керамики XI в. Здесь же раскопано наземное жилище XIII в., рядом с ним найдены ключ от цилиндрического замка и пружинные ножницы. Особенностью селища является присутствие значительной серии городских вещей, предметов воинского снаряжения, большого числа костей диких животных (около 80%) от общего количества остеологического материала. Все это может свидетельствовать о неземледельческом характере памятника. Возможно, исследователи столкнулись здесь с поселением типа княжеских «ловищ». В непосредственной близости от этого памятника, на другой стороне р. Судость, в пределах современного г. Погара исследовалось городище Покровщина.

Продолжены раскопки на посаде известного древнерусского города Вщиж, расположенном на окраине одноименного села. Несмотря на значительную удаленность от цитадели, мощность культурных отложений здесь достигала 2 м. Обнаружено большое количество находок, в том числе характерных для городских центров: стеклянных браслетов, металлических украшений и орудий труда. Не исключено, что посад княжеского Вщижа жил более интенсивной жизнью, нежели предполагалось до сих пор.

На верхней Десне в Рогнединском р-не Брянской обл. Г. П. Поляковым исследовалось селище у с. Селовичи, где обнаружены керамика XII в., фрагменты крич и другие находки, обычные для древнерусских сельских поселений. В том же районе О. Л. Прошкиным полностью исследован курганный могильник из 12 насыпей у бывшей д. Чичеринка на левом берегу Десны. Вокруг насыпей прослежены кольцевые ровики, в ряде случаев — слабые следы оградок, о чем

говорят полосы глена и столбовые ямы в углах сооружений. Обряд погребения представлен как трупосожжением, так и труположением на горизонте. При захоронениях обнаружены горшки, бусы, многочисленные железные и бронзовые изделия: браслеты, кольца, подвески, в том числе шумящие и в виде «коньков», височные кольца и т. п. Полученный материал позволил автору раскопок датировать памятник первой половиной X в. Это первый полностью раскопанный древнерусский могильник в Верхнем Подесенье. В непосредственной близости расположен другой курганный могильник — Смолино 1, где тем же исследователем раскопано 12 насыпей. Могильник принадлежит кривичскому населению, датирован XI в. Особенность курганной группы — в обилии глиняных сосудов при погребениях.

В целом комплекс раскопанных на верхней Десне древнерусских памятников дает достаточно объективную картину функционирования вятичского, кривичского и радимичского племенных союзов в регионе их непосредственного взаимодействия.

В верхнем Поочье исследовано три памятника, имевшие напластования древнерусского времени.

На посаде древнего Лихвина (современный г. Чекалин Тульской обл.) раскопано 60 м². Памятник расположен на высоком левом берегу Оки и непосредственно примыкает к валам городища, к настоящему моменту практически полностью уничтоженного. В Боровском р-не Калужской обл. О. Л. Прошкиным исследуется городище Маломахово в бассейне р. Протвы (левый приток р. Оки).

Наиболее полно раскопано селище Уткино на р. Упе (правый приток р. Оки) в Киреевском р-не Тульской обл., где вскрыто около 700 м² культурного слоя, мощность которого составляла около полуметра. Большое количество керамического материала и индивидуальных находок позволяет говорить о трех основных этапах функционирования поселения. В первой половине и середине I тысячелетия н. э. здесь существовало поселение так называемой культуры лесостепной зоны. К тому периоду относятся фрагменты чернолощеной и грубой лепной керамики, фрагмент бронзовой привески, ножи. В конце I тысячелетия н. э. здесь находились носители роменско-боршевской культуры. К тому времени относятся котлованы трех полуземляночных построек: двух подпрямоугольной формы размерами 3,5×3,5 м и округлой в плане, углубленной на 2 м, с остатками печи и столбовой ямой в центре. Обнаружено много хозяйственных ям того времени, в том числе колоколовидных, и остатки небольшого металлургического горна. В культурном слое в ямах найдено большое количество обломков глиняной посуды, перстней, бус, фибул, подвесок, топоров, наконечников стрел, удила, пряслиц. Фибула и два бронзовых перстня находят аналогии среди вещей, найденных при раскопках Новотроицкого городища, а наконечники стрел, топорик, фрагменты удила — среди погребального инвентаря Дмитровского могильника. В керамическом материале можно выделить как типично роменские формы, так и фрагменты сосудов из плотного теста с орнаментом, близким салтовскому. На селище имеется также слой XIII—XIV вв., в котором выявлены три котлована полуземляночных построек и хозяйственные ямы, найдены гончарные сосуды развитых форм, пряслица, ножи, оловянная подвеска в виде креста.

10 ЛЕТ РАБОТЫ ЦЕНТРАЛЬНО-ЧЕРНОЗЕМНОГО ОТРЯДА

Центрально-Черноземный отряд Института археологии (далее ЦЧО) был образован в 1979 г. для проведения разведочных работ, связанных с подготовкой Свода памятников истории и культуры народов России. За 10 лет в Курской обл. было обследовано около 800 памятников археологии и более 200 в Белгородской и Брянской — примерно по 100¹.

Основной территорией исследований отряда был регион Курского Посеймья и верхнего течения р. Псёл. Работы велись в основном в восточной части Курской обл. Здесь подобные нашим ширококомасштабные работы проводились впервые, все предыдущие разведки были связаны главным образом с исследованиями либо отдельных локальных участков, либо памятников определенных хронологических периодов.

Еще в 1874 г. Курский губернский статистический комитет выпустил «Указатель городов, курганов и древних валов», где впервые были собраны воедино краткие сведения о памятниках археологии, что послужило достаточно надежной основой для всех последующих исследований края. Из работ до-революционного периода следует в первую очередь отметить исследования Д. Я. Самоквасова в Верхнем Посеймье, который впервые наметил границу распространения древнерусских памятников по р. Рать².

Материалы к археологической карте для отдельных локальных участков были опубликованы В. Е. Данилевичем (окрестности Курска), К. Сосновским (верховья р. Псёл), А. Дмитриюковым (Суджанский и Рыльский уезды)³.

В 1920-е годы Л. Н. Соловьевым в окрестностях Курска были проведены детальные разведки, которые, к сожалению, явились последними на достаточно длительный период⁴.

После Великой Отечественной войны исследования в Курской обл. возобновились.

Наряду с раскопками археологи провели серию разведок, связанных с основными направлениями их научных исследований. Практически все городища раннего железного века по рекам Сейм и Псёл были обследованы и опубликованы А. Е. Алиховой, И. И. Ляпушкиным и Ю. А. Липкингом⁵. Многочисленные курганы на востоке области обнаружила А. Е. Алихова⁶. В зоне строительства Курского водохранилища значительное количество памятников было выявлено О. Н. Мельниковской⁷. Разведочные работы, направленные на поиски новых палеолитических местонахождений, были предприняты В. Н. Беляевой, В. Е. Щелинским и С. Н. Алексеевым⁸. Разведке памятников I тысячелетия н. э. много времени посвятили Э. А. Сымонович (по рекам Снагость, Рать, Тускарь), Е. А. Горюнов (по р. Псел), в последние годы эту работу продолжают В. М. Горюнова, О. А. Щеглова, Н. А. Тихомиров⁹.

Наиболее полная археологическая карта Курской обл. была создана Ю. А. Липкингом, на которой отмечено более 200 археологических объектов¹⁰, еще больше сведений о памятниках содержится в личном архиве Ю. А. Липкинга.

Все эти работы создали хорошую источниковедческую базу для дальнейшего исследования памятников Посеймья от палеолита до средневековья. Следует все же отметить, что рассматриваемая территория была обследована неравномерно — центр области лучше ее периферии. Частично были систематизированы лишь древности раннего железного века и роменской культуры¹¹.

ЦЧО под руководством автора и при неизменном участии в работах начиная с 1979 г. А. А. Узянова впервые осуществил в регионе сплошную разведку в бассейнах основных рек области Сейма и Псла и их притоков с детальным обследованием и геодезической съемкой выявленных объектов¹². На юге и востоке области обследовались также и значительные пространства водоразделов. Параллельно с работами ЦЧО в западных районах области в 1978—1982 гг. проводил разведку Курский отряд ИА под руководством П.Г. Гайдуква¹³.

Наиболее продолжительным маршрутом ЦЧО был маршрут по Сейму, начиная от его верховьев до устья р. Рать (выборочное обследование) и от устья Рати до устья р. Реут (сплошное обследование). На протяжении около 200 км здесь выявлено 193 памятника. В долине р. Псел обследовано около 100 км от г. Обоянь до границы Украины, где обнаружено 98 археологических объектов.

Данные о количестве памятников по основным притокам Сейма и Псла следующие: Тускарь — 117, Реут — 59, Рать — 40, Суджа — 24, Рогозна — 9, Клюква — 9, Ломня — 6.

Остальные обследованные памятники расположены на еще более мелких реках, ручьях и водоразделах. По результатам разведок представляется возможным наметить основные этапы заселения Посеймья от палеолита до средневековья.

Впервые население на Сейме появляется в позднем палеолите. Этот период представлен такими уникальными памятниками, как Авдеевская и Октябрьская стоянки.

Особенностью исследуемой территории является полное отсутствие до настоящего времени мезолитических и крайне малое количество неолитических памятников. Лишь в эпоху бронзы появляется значительное количество поселений, достигающих наибольшей концентрации во II тысячелетии до н. э. К тому же периоду относится, вероятно, и значительное количество курганов. Юг Курской и север Белгородской областей представляют собой как бы огромный курганный могильник. Здесь выявлено около 200 одиночных курганов и небольших курганных могильников, протянувшихся в направлении запад-восток от р. Снагость до р. Оскол. Наибольшей концентрации курганы достигают в верховьях Псла, Сейма и Северского Донца. Вероятно, часть из них относится и к скифскому времени.

Во второй половине I тысячелетия до н. э. в регионе в значительном количестве появляются городища. На территории Курской обл. известно несколько десятков таких объектов, относящихся к юхновской и скифоидной культурам. Многочисленны также неукрепленные поселения этих культур. Более всего городищ в среднем течении Сейма от г. Курчатова до г. Рыльска, где расстояние между объектами, как правило, не превышает 5—7 км, а также на реках Свапа и Псёл.

К I тысячелетию н. э. относятся памятники черняховской, киевской и колочинской культур. Для того периода характерна группировка поселений по трем — пяти объектам на близком расстоянии один от другого. Создается впечатление, что население в ту эпоху отдает предпочтение малым рекам, таким, как Тускарь, Суджа, Реут, Снагость.

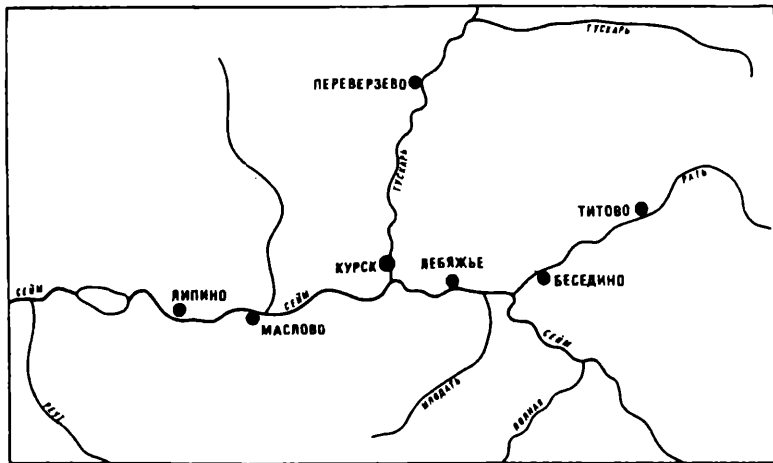

Рис. 1. Археологические комплексы памятников X—XIII вв. на среднем Сейме

В конце I — начале II тысячелетия н. э. количество поселений резко возрастает. Памятники того времени оставлены носителями роменской культуры. Уже четко прослеживается объединительная тенденция в рамках отдельных микрорегиональных структур, о чем будет сказано ниже. Нами выявлено несколько центров роменской культуры, которые включают в себя городища и целую свиту от восьми до 15 синхронных селищ. Это Горналь на Псле, Переверзево на Тускари, Маслово, Липино и Лебяжье на Сейме, Беседино и Титово на Рати (рис. 1).

В XI—XIII вв. в большинстве случаев сохраняются уже названные центры, но меняется поселенческая структура в микрорегионах. Резко уменьшается количество поселений, а жизнь концентрируется на значительных по площади селищах, примыкающих к городищам. В эти комплексы, как правило, входят и огромные курганные могильники, в древности насчитывавшие многие сотни курганов, из которых в настоящее время сохранилось лишь небольшое количество. Отдельные центры превращаются в феодальные города, такие, как летописные Курск и Рылск.

Детальное изучение динамики заселения отдельных участков Посеймья были предприняты автором и А. А. Узяновым по материалам археологической разведки в долинах рек Рать и Тускарь¹⁴.

Остановимся подробнее на характеристиках отдельных микрорегионов, где в IX—XIII вв. на определенной территории функционируют связанные друг с другом памятники.

Титовский комплекс (рис. 2) состоит из Титовского городища, 11 селищ (селища 1 и 2 у д. Старая Слободка, селища 1—9 у д. Титово) и кургана у д. Старая Слободка. Протяженность территории с запада на восток 1,8 км, расстояние от центра (городища) до поселений, входящих в комплекс, от 0,07 до 1,2 км. Микрорегион имеет естественные границы — на западе и востоке он ограничен лесными массивами и балками. Городище расположено в 1,5 км к северо-западу от д. Титово, на мысу правобережной террасы р. Рать. Площадка его округлой формы размерами 50 × 33 м, высотой от уровня воды в реке 22 м, по периметру окружена валом высотой 1—1,5 м. Культурные напластования толщиной до 0,3 м относятся к роменской культуре. Городище обследовалось Ю. А. Липкингом, Э. А. Сымоновичем, П. Г. Гайдуковым, А. В. Кашкиным и А. А. Узяновым¹⁵. Расцвет комплекса относится к

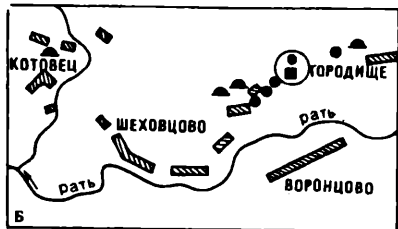
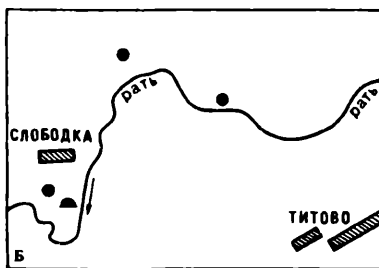
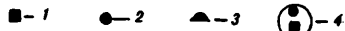
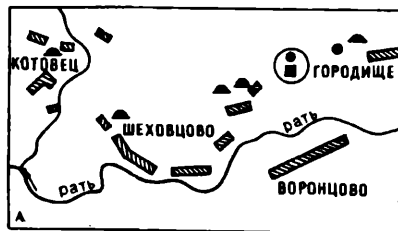
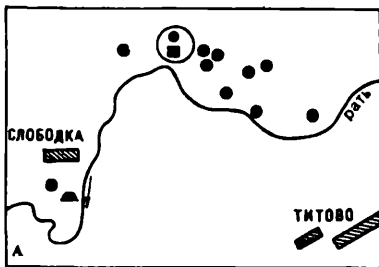

Рис. 2. Титовский археологический комплекс

1 — городище; 2 — селище; 3 — курганы; 4 — центр; А — IX—X вв.; Б — XI—XIII вв.

Рис. 3. Бесединский археологический комплекс (условные обозначения те же, что и на рис. 2)

IX—X вв., в XI—XIII вв. он практически прекращает свое существование. Жизнь продолжается лишь на трех селищах (Старая Слободка, селища 1, 2, Титово, селища 5).

Бесединский комплекс (рис. 3) состоит из Бесединского городища, пяти селищ (селища 1 и 2 у д. Городище и селища 1—3 у д. Шеховцово), а также из курганов у деревень Котовец, Шеховцово и Городище. Протяженность территории с запада на восток 1,3 км, расстояние от городища до других поселений комплекса 0,01—0,5 км. Микрорегион на востоке ограничен заболоченными участками поймы, на западе видимых границ не имеет и, возможно, продолжается до устья Рати. Городище расположено в 0,5 км к юго-западу от д. Городище, на мысу правобережной террасы р. Рать. Площадка овальной формы размерами 80 × 40—54 м возвышается над уровнем воды на 15—22 м, с напольной стороны укреплено рвом и валом высотой 6—7 м. Культурные напластования толщиной до 1,5 м относятся к скифоидной и роменской культурам и эпохе Киевской Руси. Городище обследовалось Д. Я. Самоквасовым, И. И. Ляпушкиным, Ю. А. Липкингом, Э. А. Сымоновичем, П. Г. Гайдуковым, А. В. Кашкиным и А. А. Узяновым¹⁶. В 1990 г. раскопки городища начал В. В. Енуков. В археологической литературе оно известно также под названием Ратское, Ратмановское, у д. Городище. Бесединский комплекс уже в IX—X вв. представлял собой значительный центр. Городище вместе с селищем 1 размером 420 × 175 м, вероятно, представляют собой единую агломерацию, которая еще более расширяется в XI—XIII вв. и достигает площади 18 га. В округе в тот период возникают еще три селища (у д. Шеховцово). Вероятно, здесь существовал древнерусский город с детинцем и посадом, название которого летописи до нас не донесли.

Лебяжьинский комплекс (рис. 4). Ядром комплекса в отличие от других

микрорегионов Посеймья является неукрепленное поселение — огромное роменско-древнерусское селище 1 у с. Лебяжье. Расположено оно в 0,8 км к северу от села, на второй надпойменной террасе правого берега р. Сейм, протянулось вдоль террасы, имеет размеры 600 × 100—120 м, возвышается над поймой на 4—9 м. Культурный слой толщиной 0,3—0,7 м содержит материалы роменской культуры и древнерусского времени. Селище обследовалось Л. Н. Соловьевым, Ю. А. Липкингом, А. В. Кашкиным и А. А. Узяновым¹⁷. В 1989 г. раскопки на селище произвели В. В. Енуков и Н. А. Тихомиров. В Лебяжьи́нский комплекс входят также 13 селищ (поселения 2, 3, 10, 12 у д. Сахаровка, поселения 1 и 3 у д. Дворики, поселения 2, 4, 5 у с. Лебяжье, поселения 6—8, 10 у д. Толмачево), а также курганный могильник. Протяженность территории микрорегиона с запада на восток 6,5 км, расстояние от центрального поселения до других объектов комплекса 0,1—4 км. Расцвет его приходится на IX—X вв. В XI—XIII вв. большая часть селищ прекращает свое существование: из 13 поселений жизнь продолжается лишь на двух, в основном на селище у с. Лебяжье, возникает также еще одно селище (Толмачево 1).

Масловский комплекс (рис. 5) состоит из Масловского городища и 21 селища. Протяженность территории микрорегиона с запада на восток 6 км, с севера на юг 3 км, расстояние от центра комплекса — городища — до других памятников 0,02—3,4 км. Естественных границ микрорегион не имеет. Возможно, на востоке он маркируется резким поворотом русла Сейма. Городище расположено на восточной окраине д. Маслово, на мысу левобережной террасы р. Сейм. Площадка его грушевидной формы размерами 140 × 65 м возвышается над уровнем поймы на 13—18 м, склоны эскарпированы. С напольной стороны площадку полукольцом окружали ров и вал. В настоящее время ров хорошо сохранился к югу и частично к западу от площадки. Его ширина 30 м, глубина до 5 м. Вал сохранился на трех участках в северо-восточном, северо-западном и юго-западном секторах площадки. Его высота 0,6—0,8 м, ширина основания 6—10 м. Вероятно, вал полукольцом охватывал площадку. Культурные напластования относятся к юхновской и роменской культурам. В настоящее время площадка застроена, занята садами и огородами. Городище обследовалось В. П. Левенком, Ю. А. Липкингом, Э. А. Сымоновичем, А. В. Кашкиным и А. А. Узяновым¹⁸, в 1960-е годы небольшие раскопки здесь произвел Ю. А. Липкинг. Помимо городища, в Масловский комплекс входят поселения 2 и 3 у д. Рассыльная, поселение 2 у д. Анахино, поселения 1, 2, 6 у с. Черницыно, поселения 1 и 2 у д. Маслово, поселения 2, 4, 6 у пос. Прямыцыно (все на левобережной террасе), а также поселения 7, 9, 10, 11, 17, 18 у с.

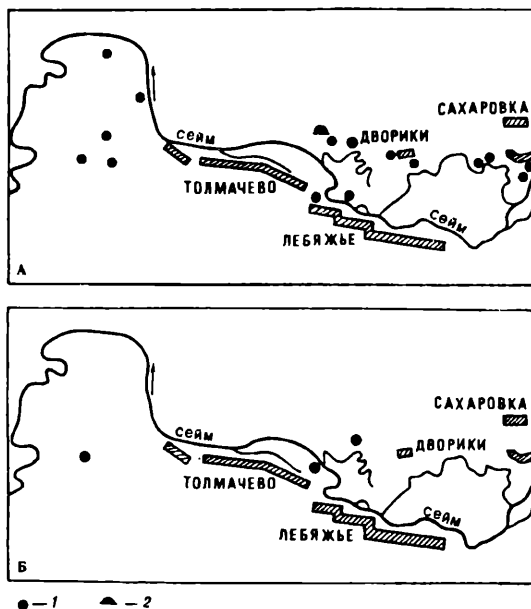

Рис. 4. Лебяжьи́нский археологический комплекс

1 — селище; 2 — курганы

А — IX—X вв.; Б — XI—XIII вв.

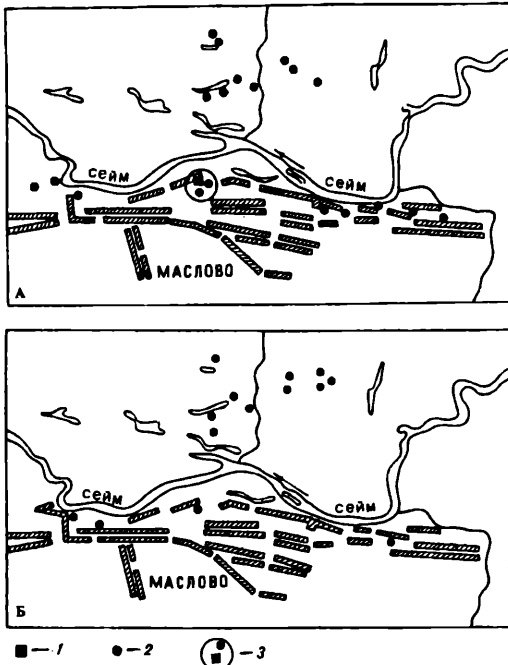

Рис. 5. Масловский археологический комплекс
 1 — городище; 2 — селище; 3 — центр
 А — IX—X вв.; Б — XI—XIII вв.

расположено в 1,1 км к востоку-юго-востоку от села, на мысу правобережной террасы р. Сейм. Площадка подпрямоугольной формы, размеры 90×40 —55 м, высота ее от подошвы 16 м, склоны эскарпированы. По периметру она укреплена валом высотой 2—4 м и рвом с напольной стороны. Городище обследовалось В. Е. Данилевичем, И. И. Ляпушкиным, раскапывалось в 1907 г. В. Е. Данилевичем, в 1947 г. Р. Л. Розенфельдом, в 1951 г. П. И. Засурцевым¹⁹. Вскрыта площадь около 500 м². Культурные напластования толщиной до 1,6 м относятся к юхновской, скифоидной и роменской культурам, а также к эпохе Киевской Руси. С севера к городищу примыкает обширное селище размерами 950×200 —220 м, раскопки на котором произвел в 1948 г. Р. Л. Розенфельдт (50 м²). Культурные напластования толщиной 0,6—0,8 м относятся к роменскому и древнерусскому периодам. Помимо городища и селища 1, в комплекс входят поселение 1 у с. Ванино, поселение у пос. Сеймский, поселения 2 и 5 у пос. Студеновский, поселение 2 у с. Липино. Протяженность микрорегиона с запада на восток 5 км, естественных границ он не имеет. Расстояние от городища до других поселений комплекса 0,01—2,5 км. Комплекс возник в роменское время, в XI—XIII вв. происходит переформирование его поселенческой структуры; большая часть селищ прекращает существование, жизнь концентрируется на городище и селище 1, образующим единую агломерацию. Этот принцип организации поселения (детинец и посад) характерен для древнерусского города.

На примерах описанных комплексов представляется возможным проследить некоторые общие закономерности процесса формирования и внутренних изменений микрорегионов. Комплексы возникают примерно в одно время — в IX в. и существуют до конца X — первой четверти XI в. Структурная организация микрорегионов в целом сходна. Это центральный памятник, как правило,

Ванино, поселения 5—7, 9 у д. Жеребцово (все в пойме правого берега). Их площадь колеблется от 0,08 до 0,25 га. Расцвет комплекса приходится на IX—X вв., большая часть перечисленных поселений существует именно в то время. В XI—XIII вв. внутри микрорегиона происходят определенные изменения: перестает функционировать Масловское городище, жизнь перемещается на примыкающее к нему селище 2, большая часть поселений на левобережной террасе прекращает свое существование (из 11 селищ остаются два), возникают два новых селища; на правом берегу Сейма только четыре поселения продолжают существовать в то время, но возникают шесть новых населенных пунктов.

Липинский комплекс (рис. 6) состоит из Липинского городища, шести селищ, курганного и грунтового могильников, ныне не существующих. Городище

городище и целая свита небольших поселений — хуторов, расположенных в непосредственной близости друг от друга и связанных, вероятно, в единый хозяйственный комплекс. В XI в. происходит значительное переформирование структуры каждого из микрорегионов. Жизнь прекращается на большей части малых селищ, но активизируется в центрах комплексов, которые достигают значительных размеров. Скорее всего, по такой же схеме развивался и летописный Курск, хотя проследить его структуру на территории современного города сейчас не представляется возможным. Вероятно, единые агломерации типа городище-селище, подобные Беседину и Липину, стали в тот период определенными административными центрами округа. Эта двухчастная структура, по всей видимости, указывает на наличие детинца и посада, что характерно и для древнерусского города. Процесс в целом связан с укреплением древнерусского государства и отмиранием хозяйственных родо-племенных взаимосвязей северянского союза племен.

Другим важным направлением работы ЦЧО явилась совместная с Институтом географии разработка темы «Влияние антропогенных факторов на развитие природных ландшафтов Центрального Черноземья». Эти исследования включали в себя палеогеографическое изучение территории (Т. Д. Гайворон, С. А. Сычева), археологическую разведку (А. В. Кашкин, А. А. Узянов) и стационарные исследования памятников (А. А. Узянов). В процессе работ были прослежены определенные связи природных и антропогенных процессов в Курском Посеймье, взаимосвязь заселенности территории с ландшафтами и почвами, совпадение антропогенной и природной ритмики, возрастание антропогенной нагрузки на ландшафты в определенные периоды и ее последствия.

В бассейне р. Рать на примерах Бесединского и Титовского комплексов археологических памятников были выявлены закономерность микрорегионального зонирования памятников, их ландшафтная и почвенная приуроченность²⁰. Установлено, что в бассейне Рати поселения расположены в пределах приграничного со степью лесного массива, в микроразонах темно-серых и серых лесных почв, на участках, ограниченных характерными особенностями рельефа (заболоченные поймы, балки с постоянным водотоком и пр.). Природные ландшафты создали естественные границы микрорегионов, куда очень четко вписались определенные группы памятников, объединенные нами в названные комплексы. Интенсивный рост населения на этом участке долины, видимо, связан со сравнительной легкостью сведения лесов под распашку. Предпочтительность подобных природных условий для хозяйственной жизни средневековья убедительно установлена историко-географическими исследованиями. На заре трехпольного земледелия предпочтение отдавалось почвам песчаным

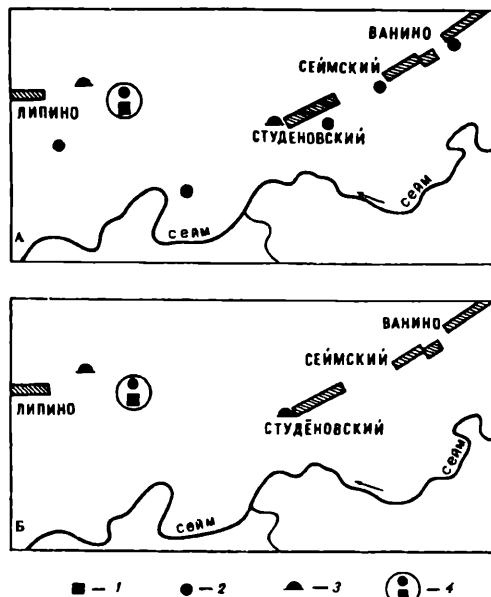

Рис. 6. Липинский археологический комплекс (условные обозначения те же, что на рис. 2)

и иловатым, более легким в обработке. Освоение более плодородных, но тяжелых черноземов началось позднее²¹.

Интенсивность освоения населением пространств речных долин связана с изменением водоносности рек. В этом процессе антропогенная динамика в целом совпадает с природной ритмикой, что было четко прослежено нами на среднем Сейме, на приустьевом участке р. Курица напротив Масловского городища²², а также А. А. Узяновым и С. А. Сычевой в долине р. Тускарь²³. В природе существует глобальная закономерность изменения увлажненности, впервые доказанная А. В. Шнитниковым²⁴. Согласно его теории, в определенные периоды значительно уменьшалась водность рек. Абсолютный минимум увлажненности приходится на середину II тысячелетия до н. э., а максимальный пик на I тысячелетие н. э. Исследования памятников в поймах показали, что в периоды меньшей увлажненности количество поселений резко возрастает (эпоха поздней бронзы и I тысячелетие н. э.), а в периоды повышенной водоносности заселенность долин сокращается (скифский и древнерусский периоды). Тогда осваиваются другие элементы ландшафтов: придолинные склоны, высокие береговые террасы. Необходимо отметить, что пойменные пространства зачастую игнорировались в археологических исследованиях. А вместе с тем пойма с ее выпасами, сенокосами, местами охоты и рыбной ловли, а возможно, и участками пашни играла в хозяйственной деятельности человека далеко не последнюю роль. В климатически благоприятные периоды число поселений в пойме становится значительным. Так, в пойме Сейма на участке Ванино—Жеребцово плотность памятников на 1 км речного русла достигает 8, в пойме Суджи на участке Махновка — Казачья Локня — 4, а в пойме Реута у д. Колпаково — 6 и т. д.

Сплошные археологические разведки позволили определить и степень антропогенной нагрузки на различные участки ландшафтов, что позволило Т. Д. Гайворон проследить определенную стадиальность этого воздействия²⁵. При сопоставлении данных археологии, палинологии, палеогеографии, подкрепленных результатами радиоуглеродного датирования почв, были выделены три этапа активизации эрозионных процессов, связанные с возрастанием воздействия человека на природу. Это скифский, роменско-древнерусский периоды и новое время.

В Брянской обл. основное внимание было уделено разведке городищ и курганных могильников, известных по дореволюционной литературе (Н. П. Горожанский, Д. Я. Самоквасов, П. С. Уварова)²⁶, но в силу различных причин до настоящего времени необследованных. Всего в Брянском Подесенье отрядом были обследованы 84 памятника археологии, 59 из них обнаружены впервые. Около трети этих памятников расположено в западных районах области, значительно пострадавших после аварии на Чернобыльской АЭС²⁷.

¹ В 1975 г. были произведены первые разведки на р. Псел Курским отрядом под руководством автора. ЦЧО производил работы в 1979, 1981—1987 и 1990—1991 гг.

² Самоквасов Д. Я. Северянская земля и северяне по городищам и могилам. М., 1908. С. 30, 31, 40, 41.

³ Дмитриюков А. Н. Городища и курганы в Суджанском и Рыльском уездах//Тр. Курского стат. ком. Курск, 1863. Вып. 1; Данилевич В. Е. Материалы для археологической карты Курского уезда//Тр. Курской губ. учен. комис. Курск, 1911. Вып. 1. С. 506—517; Сосновский К. П. Городища и курганы в бассейне верхнего течения р. Псла в пределах Обоянского уезда Курской губернии//Там же. С. 299—320.

⁴ Соловьев Л. Н. Городища и стоянки окрестностей г. Курска//Изв. Курского краевед. губ. о-ва. Курск, 1927. Вып. 4.

⁵ Алихова А. Е. Древние городища Курского Посеймья//МИА. 1962. № 113; Ляпушкин И. И. Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа//МИА. 1961. № 104; Липкинг Ю. А. Городища эпохи раннего железного века в Курском Посеймье//МИА. 1962. № 113.

⁶ Алихова А. Е. Среднепоччинские курганы и поселение//КСИА. 1967. Вып. 112.

⁷ Мельниковская О. Н. Работы на территории Курского водохранилища//АО 1969 г. М., 1970. С. 64, 65.

⁸ Беляева В. И. Поиски стоянок каменного века на западе Курской области//АО 1979 г. М.,

1980. С. 45, 46; *Щелинский В. Е., Артемова В. Д.* О работах разведочного отряда Костенковской палеолитической экспедиции//АО 1977 г. М., 1978. С. 98, 99; *Алексеев С. Н.* Некоторые итоги разведок 1985—1986 гг. памятников палеолита на Среднерусской возвышенности//Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС: Тез. докл. всесоюз. конф. М., 1986. С. 19, 20.
- ⁹ *Сымонович Э. А.* Разведки и раскопки памятников I тысячелетия н. э., в Курской области//АО 1972 г. М., 1973. С. 92, 93; *Горюнов Е. А.* Исследования в Курской области//АО 1979 г. М., 1980. С. 50, 51; *Горюнова В. М.* Разведочные работы в верховьях Псла//АО 1982 г. М., 1984. С. 52, 53; *Тихомиров Н. А.* Работы Курского музея//АО 1983 г. М., 1985. С. 88.
- ¹⁰ *Александров-Липкинг Ю. А.* Далекое прошлое соловьиного края. Воронеж, 1971.
- ¹¹ *Ляпушкин И. И.* Днепроовское лесостепное Левобережье...; *Липкинг Ю. А.* Порубежные роменские городища курского «княжения»//Учен. зап. Курского гос. пед. ин-та. Курск, 1969. Т. 60.
- ¹² Пользуясь случаем, приношу свою сердечную благодарность Л. И. Верещинскому, Б. В. Кашкину, Ю. А. Смирнову, принимавшим самое деятельное участие в работе отряда в разные годы.
- ¹³ *Гайдуков П. Г.* Разведки в Курской области//АО 1979 г. М., 1980. С. 48, 49; *Он же.* Разведки в Курской области//АО 1980 г. М., 1981. С. 47; *Он же.* Разведки в Курской области//АО 1981 г. М., 1983. С. 52, 53; *Он же.* Разведки в Курской области//АО 1982 г. М., 1984. С. 56, 57.
- ¹⁴ *Кашкин А. В.* Динамика освоения поймы одного из микрорегионов Посеймья//Археологические памятники европейской части РСФСР. М., 1985. С. 17—28; *Узянов А. А.* Динамика заселения долины реки Тускарь: (Диахронный анализ приуроченности поселений к различным типам природных геосистем)//Человек и окружающая среда в древности и средневековье. М., 1985. С. 77—83.
- ¹⁵ *Липкинг Ю. А.* Порубежные роменские городища... С. 186, 187; *Кашкин А. В., Узянов А. А.* Северо-восточный рубеж Посеймья//Проблемы археологии Сумщины. Сумы, 1989. С. 66, 67.
- ¹⁶ *Самоквасов Д. Я.* Северянская земля... С. 30, 31; *Ляпушкин И. И.* Днепроовское лесостепное Левобережье... С. 179; *Липкинг Ю. А.* Городища... С. 140; *Узянов А. А., Кашкин А. В.* Историческая динамика размещения населения на юго-восточной границе Черниговской земли: (Поселения IX—XIII вв. долины р. Рать)//Тез. ист.-археол. семинара «Чернигов и его округа в IX—XIII вв.». Чернигов, 1990. С. 150—162.
- ¹⁷ *Соловьев Л. Н.* Городища и стоянки... С. 34; *Кашкин А. В.* Разведки по Сейму, Пслу, Рати//АО 1979 г. С. 54.
- ¹⁸ *Сымонович Э. А.* Северная граница памятников черняховской культуры//МИА. 1964. № 116. С. 16; *Кашкин А. В.* Археологические разведочные маршруты по Курской области//АО 1983 г. С. 59.
- ¹⁹ *Засурцев П. И., Лисицына Н. К.* Липинское городище//Славяне и Русь. М., 1968. С. 46—54.
- ²⁰ *Кашкин А. В., Узянов А. А.* Северо-восточный рубеж... С. 66; *Узянов А. А., Кашкин А. В.* Историческая динамика... С. 159—162.
- ²¹ *Жекулин В. С.* Историческая география: Предмет и метод. Л., 1982. С. 39.
- ²² *Кашкин А. В.* Динамика... С. 17—28; *Сычева С. А., Узянов А. А.* История антропогенного влияния на природу Курского Посеймья//Антропогенная эволюция геосистем и их компонентов. М., 1987. С. 105—120.
- ²³ *Сычева С. А., Узянов А. А.* Динамика водности р. Тускарь по почвенным и археологическим данным//Изучение и оптимизация водных ресурсов центральной лесостепи. Курск, 1987. С. 75—82.
- ²⁴ *Шнитников А. В.* Изменчивость общей увлажненности материков северного полушария//Зап. Геогр. о-ва СССР. Нов. сер. М., 1957. Т. 16. С. 34.
- ²⁵ *Гайворон Т. Д.* Стадии развития овражно-балочных форм Среднерусской возвышенности: (На примере бассейна р. Сейм): Автореф. дис. ... канд. геогр. наук. М., 1983. С. 17—20.
- ²⁶ *Горожанский Н. П.* Материалы для археологии России по губерниям и уездам. М., 1884. Вып. 1; *Самоквасов Д. Я.* Северянская земля...; *Уварова П. С.* Городища и курганы//Тр. Моск. предварительного ком. по устройству XIV археол. съезда. М., 1906. Вып. 1.
- ²⁷ *Кашкин А. В.* Разведки в Курской и Брянской областях//АО 1985 г. М., 1987. С. 69, 70.

К. И. Комаров

ИМПОРТНЫЕ ТКАНИ ВО ВЛАДИМИРСКИХ КУРГАНАХ

В 1975 г. Славянский отряд Верхневолжской экспедиции, проводивший исследования по тематике Свода памятников истории и культуры, раскопал три кургана в могильнике у с. Золотниковая Пустынь и два кургана в могильнике у с. Якшино Тейковского р-на Ивановской обл.¹ Были открыты труположения в могильных ямах глубиной 0,3—1,0 м, ориентированные на запад с отклонениями. Погребения в курганах у с. Золотниковская Пустынь находились в деревянных гробовищах.

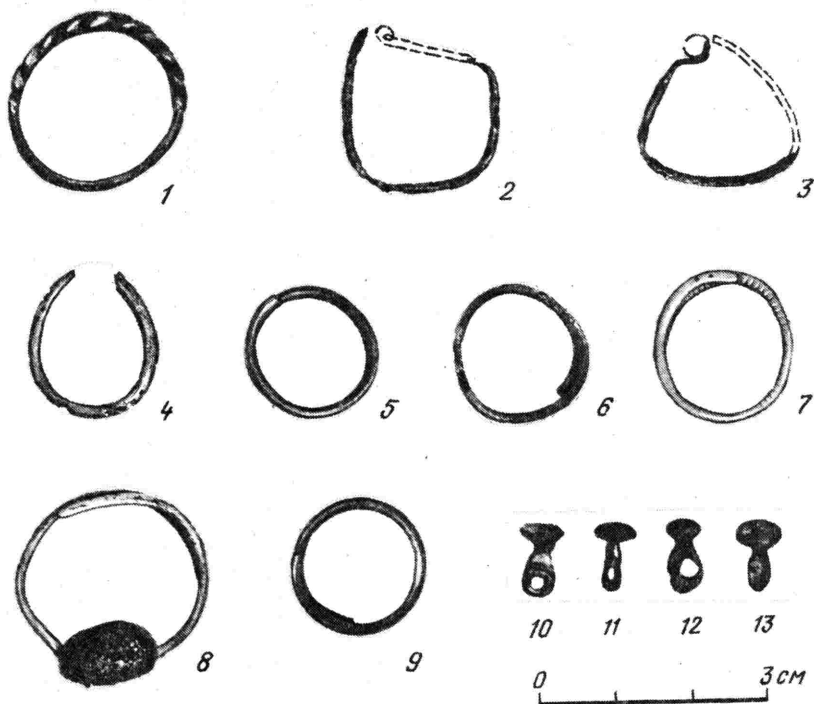

Рис. 1. Инвентарь погребений из курганных могильников у сел Золотниковая Пустынь 1 и Якшино
 1—3, 11—13 — Золотниковая Пустынь, курган 1; 4—7 — курган 3; 8—10 — Якшино, курган 2;
 1—6, 9—13 — медь, бронза; 7, 8 — серебро

Инвентарь погребений беден. В кургане 1 у с. Золотниковая Пустынь найдены два бронзовых загнуто-конечных височных кольца со следами полых металлческих бусин на них, три грибовидные овальнооухие медные пуговицы и бронзовый ложновитой перстень (рис. 1, 1—3, 10—13). В кургане 3 вне могильника было пять бронзовых и одно серебряное перстнеобразное полуто-раоборотное височное кольцо на кожаном ремешке (рис. 1, 4—7). При погребении 2 в кургане 1 у с. Якшино найдены девять бронзовых перстнеобразных височных колец с заходящими концами и одно большего диаметра с овальной ложнозерненной бусиной, а также медная грибовидная пуговка (рис. 1, 8—10).

Наиболее интересными находками в рассматриваемых курганах были фрагменты отделки одежды погребенных. В курганах 1 и 3 у с. Золотниковая Пустынь сохранились детали обшивки воротников из золототканой ленты, в кургане 2 у с. Якшино — шелковый нагрудник с узором, вышитым золотой нитью, и по трем сторонам окантованный золототканой лентой. Воротники и нагрудники были проложены берестой для придания им жесткости.

На шею погребенной в кургане 1 у с. Золототканной Пустынь найдены остатки воротника от одежды в виде мелких фрагментов однотонной шелковой ткани. По верхнему краю он был обшит двойной золототканой лентой шириной около 1 см и длиной 15 см, а по левой кромке — одной лентой длиной

немногим более 3 см. К этой кромке были пришиты три медные пуговицы. По конструкции он, видимо, подобен воротнику, найденному в кургане 11 у г. Суздаля, который М. А. Сабурова выделяет в особый вид стоячих воротников². Похожий воротник был найден в кургане 3 того же могильника. От него сохранилась золототканая лента длиной около 14 см, которой он был окантован по верхней кромке. Ниже находились мелкие фрагменты шелковой ткани и разрозненные золотные нити, вероятно от узорного шитья по шелковой основе.

Редкий образец декоративного убранства одежды был обнаружен в области груди погребения в кургане 2 у с. Якшино (пол погребения не определен, костяк фиксировался по следам глена). Основу его составлял лоскут полихромного византийского шелка типа самита шириной 9,5 см, окрашенного в яркие синие и малиново-красные цвета. Красители получены из индиго и карминоносного червеца. По верху и по бокам лоскут был окантован золототканой лентой шириной около 1 см, по внутреннему полю был расшит узором из золотных нитей (позолоченное серебро, пряденое на шелковой основе). Шитье выполнено в византийской технике «на проем», широко распространенной в XI—XII вв. и на Руси³ (рис. 2, 1).

Украшение сохранилось не полностью. В заполнении могильной ямы оно было покороблено, и часть его на месте перегиба утрачена. От левого фрагмента остался отрезок длиной 17 см, от правого — до 4,5 см. Первоначальный его вид можно восстановить по орнаменту вышивки, который состоит из ритмически повторяющихся, симметрично расположенных фигур, сочетающих элементы растительных и геометрических мотивов. Крайние элементы узора идентичны. Они имеют вид розетки, в центре которой в сердцевидном обрамлении расположен крин. Центральный элемент орнамента составляет розетка, образуемая ленточной плетенкой. Такие элементы орнамента были широко распространены в искусстве средневековья, в том числе в искусстве Византии и Руси⁴. По мнению А. К. Елкиной, орнамент вышивки был четырехчастным: криновключенные розетки по концам и дважды повторяющиеся розетки из сложной плетенки в центре (рис. 2, 2). В этом случае отрез шелка, употребленный на отделку одежды, будет длиной не менее 35—36 см. М. А. Сабурова считает, что узор был трехчастным, с одной розеткой-плетенкой в центре, и мог иметь длину не более 277 см. На этом основании возникли разногласия о функциональном назначении украшения: А. К. Елкина интерпретирует его в качестве воротника плаща, а М. А. Сабурова — в качестве нагрудника рубахи. Последнее вряд ли возможно при четырехчастном орнаменте вышивки, так как нагрудник был бы слишком велик. По месту находки (на груди костяка) следует отдать предпочтение определению М. А. Сабуровой: шитый золотом лоскут шелка был нагрудником рубахи.

По мнению М. В. Фехнер, подавляющее большинство шелковых тканей, встречающихся в древнерусских курганах, является византийским импортом, расцвет которого она датирует концом XI—XII в.⁵ В целом эта датировка справедлива: почти все находки византийских тканей происходят из курганов с немногочисленными находками; в погребениях с более или менее богатым инвентарем они редки и почти никогда не встречаются с бусами и другими вещами XI в. В кургане 1 у с. Золотниковая Пустынь, кроме уже описанных находок, в насыпи и на материке были обнаружены фрагменты гончарного сосуда с линейным орнаментом, аналогичного керамике XII в. из древнего Новгорода⁶. Нагрудник в могильнике у с. Якшино находился в безынвентарном погребении. Малоинвентарные погребения, в том числе с остатками тканей, обычны для могильников северо-восточной окраины ареала владимирских курганов. Большинство из них состоит не более чем из 10—20 насыпей, отличается бедностью инвентаря, обоснованно датируются XII — началом XIII в.⁷

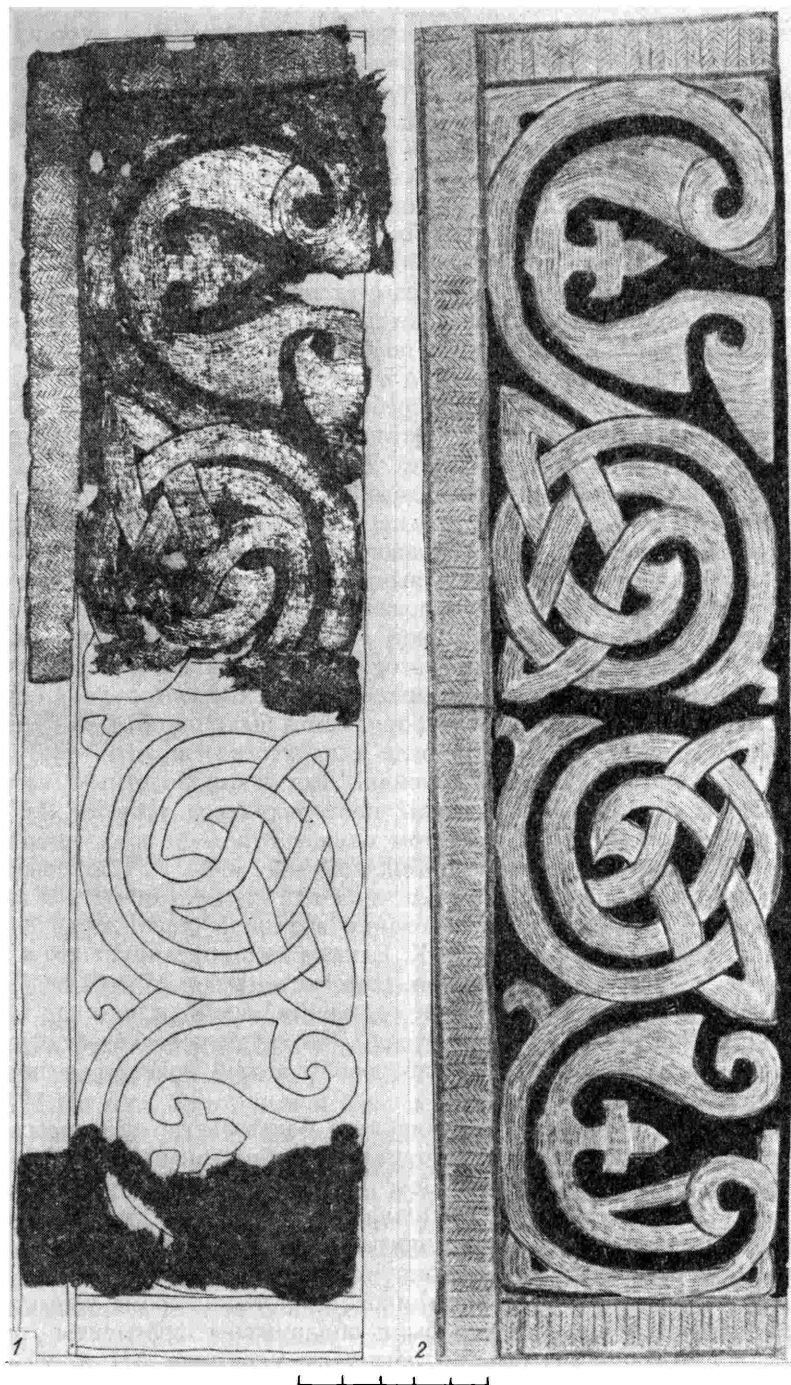

Рис. 2. Нагрудник из кургана 2 у с. Якшино

1 — фрагменты нагрудника; 2 — реконструкция нагрудника (по А. К. Елкиной)

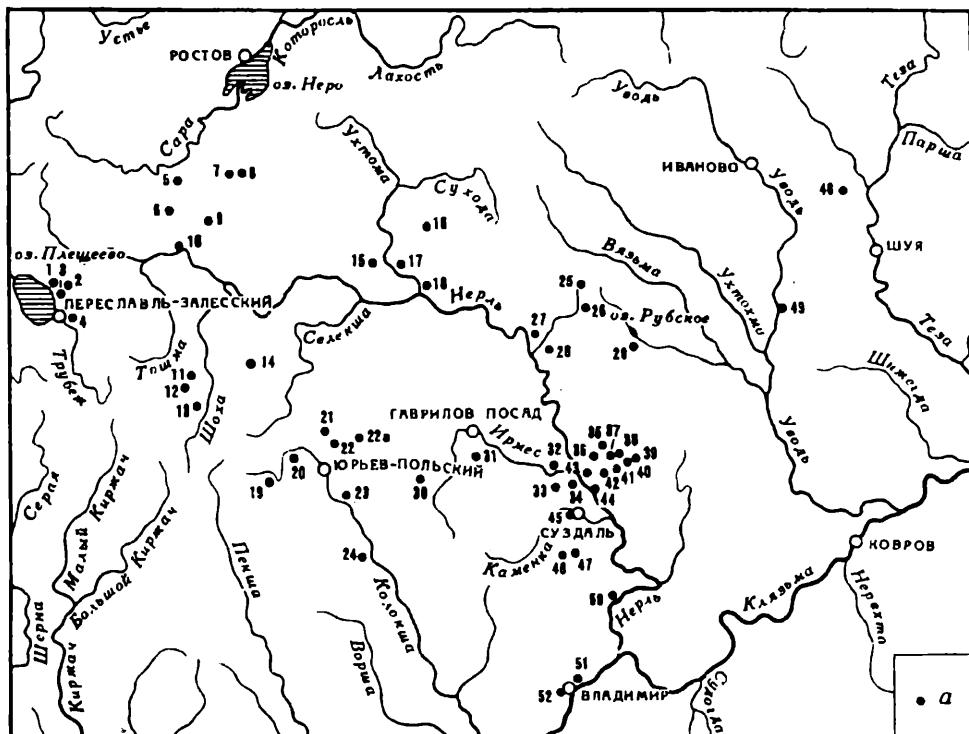

Рис. 3. Находки импортных тканей во владимирских курганах

1 — городище у Глининского оврага; 2 — городище у оврага Бремболка; 3 — городище, правый берег оврага Слуда; 4 — Большая Брембола 1; 5 — Колоново; 6 — Вепрева Пустынь; 7 — Караш 1; 8 — Караш 2; 9 — Селятино-Конюково; 10 — Старово; 11 — Ворогово (панки); 12 — Исаково; 13 — Горки-Богдановские; 14 — Матвейшево; 15 — Константиново 2; 16 — Фантырево; 17 — Сверчково; 18 — Красково 1; 19 — Фролищи; 20 — Косинское; 21 — Ненашевское; 22 — Даниловское, 22а — Кубаево; 23 — Варварино; 24 — Осиповец; 25 — Якшино; 26 — Коптево 2; 27 — Киркеево 2; 28 — Медведево; 29 — Золотниковая Пустынь; 30 — Лычево; 31 — Давыдовское Малое; 32 — Менчаково; 33 — Весь; 34 — Романово; 35 — Торчино; 36 — Запрудье; 37 — Теплениха; 38 — Старое Быково; 39 — Сизино 2; 40 — Сизино 3; 41 — Борщевка; 42 — Погост Быково; 43 — Исады; 44 — Красное 3; 45 — Суздаль (Михайлова сторона); 46 — Гнездилово (ближнее); 47 — Гнездилово (среднее); 48 — Антоново; 49 — Кнутиха; 50 — Васильки; 51 — Доброе; 52 — Владимир

а — места находок

К тому же времени следует относить и могильники у сел Золотниковая Пустынь и Якшино.

В зоне Владимирских курганов шелковые ткани найдены в 52 могильниках. Установлено, что почти все они имеют византийское происхождение⁸, в основном представлены однотонными материями (в дневниках именуются паволокой) и золототкаными лентами (позумент). Среди последних встречаются высокохудожественные образцы с тканым узором⁹. Есть и более дорогие полихромные ткани типа шелка для нагрудника из якшинского могильника. Часто они украшены золотым шитьем, повторяющим орнаментальные мотивы, выполненные в технике тканья.

Могильники, в которых встречаются византийские ткани, как правило, бедны находками. Исключение составляют лишь курганы у г. Суздаля, сел Городище (правый берег оврага Слуда) и Караш. Но и здесь велик процент

Находки импортных тканей

№ п/п	Наименование могильников	1*	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
1	Городище, у Глинянского оврага	4	—	4	—	4	—	1	—	—	1	1	—	1
2	Городище, у оврага Бремболка	1	—	1	—	?	—	—	—	—	—	—	—	—
3	Городище, правый берег оврага Слуда	22	—	22	3	19	—	11	5	4	3	—	1	1
4	Большая Брембола 1	2	—	2	—	—	—	—	1	1	—	—	—	—
5	Коленово	1	—	1	—	9	—	—	—	1	—	1	—	—
6	Вепрева Пустынь	1	1	1	—	1	—	—	—	1	—	1	—	1
7	Караш 1	24	6	18	10	9	8	—	9	18	8	1	10	1
8	Караш 2	1	—	1	—	1	—	—	1	1	—	—	1	1
9	Селятино-Конюково	1	1	1	—	1	—	—	—	1	1	—	—	—
10	Старово	1	1	—	—	1	—	—	—	1	—	1	—	1
11	Ворогово (панки)	1	—	1	—	—	1	—	—	1	—	—	—	—
12	Исаково	1	—	1	—	—	1	—	1	—	—	—	—	—
13	Горки-Богдановские	1	—	1	1	—	—	—	1	1	—	—	—	—
14	Матвейцево	1	—	1	1	—	—	—	—	—	—	1	—	1
15	Константиново 2	1	—	1	—	1	—	—	1	1	—	—	—	—
16	Фантырево	1	—	1	—	1	—	—	—	1	—	—	—	—
17	Сверчково	2	—	2	—	2	—	—	—	1	—	1	2	1
18	Красково 1	3	1	2	2	—	1	—	1	2	1	1	—	1
19	Фролищи	1	—	1	1	—	—	—	1	1	—	—	1	—
20	Косинское	2	1	1	—	1	1	—	—	1	1	—	—	1
21	Ненашевское	5	1	4	—	2	2	—	3	—	—	—	—	—
22	Даниловское	1	—	1	—	1	—	—	—	1	—	—	—	—
22a	Кубаево	1	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—
23	Варварино	1	—	1	1	—	—	—	1	1	—	—	—	—
24	Осиповец	1	—	1	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—
25	Якшино	1	1	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—
26	Коптево 2	1	—	1	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—
27	Киркеево 2	2	?	—	—	—	—	1	—	—	—	—	1	—
28	Медведево	2	—	2	1	1	—	—	1	2	—	—	1	1
29	Золотниковая Пустынь	2	2	2	—	2	—	—	1	1	1	—	1	—
30	Лычево	1	—	1	1	—	—	1	—	—	—	—	—	—
31	Давыдовское Малое	1	—	1	—	1	—	—	—	1	—	—	—	—
32	Менчаково	1	?	—	1	—	—	—	1	—	—	—	—	—
33	Весь	1	1	—	1	—	—	—	—	1	1	—	1	1
34	Романово	2	1	1	—	2	—	—	1	1	—	—	—	—
35	Торчино	1	1	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—

№ п/п	Наименование могильников	1*	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
36	Запрудье	2	2	—	—	2	—	1	1	—	—	—	—	—
37	Телепниха	1	1	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—
38	Старое Быково	4	4	—	—	3	—	2	—	—	—	—	1	—
39	Сизино 2	1	—	1	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—
40	Сизино 3	1	1	—	—	—	1	—	—	1	—	—	—	—
41	Борщевка	1	1	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—
42	Погост Быково	1	—	1	?	?	?	?	—	1	—	—	—	—
43	Исады	2	—	2	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—
44	Красное 3	2	—	2	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—
45	Суздаль (Михайлова сторона)	37	23	17	—	26	—	1	25	5	3	4	4	1
46	Гнездилово (ближнее)	4	1	3	1	3	—	—	1	1	—	—	—	—
47	Гнездилово (среднее)	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
48	Антоново	2	2	1	1	2	—	—	?	2	—	—	1	—
49	Кнутиха	1	1	—	1	—	—	—	—	1	—	1	—	1
50	Васьилки	1	1	—	1	—	—	—	1	1	1	1	—	—
51	Доброе	1	1	1	—	—	—	1	—	1	—	—	—	—
52	Владимир	1	1	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—

*1 — количество погребений с остатками тканей; 2—3 — характер тканей (2 — шелковая ткань, 3 — золототканая лента); 4—7 — положение остатков тканей в погребениях (4 — на груди, 5 — на шее, 6 — на черепе, 7 — на руках); 8—13 — сопровождающие находки (8 — пуговицы, 9 — височные кольца перстнеобразные, 10 — височные кольца бусинные, 11 — бусы, 12 — перстни ложновитые, 13 — другие находки).

безынвентарных и бедных находками погребений. Наиболее часто встречаются бронзовые перстнеобразные височные кольца, медные грибовидные пуговицы, ложновитые перстни, реже — трехбусинные височные кольца, совсем редки и малочисленны в комплексах бусы. Датировка курганов с византийскими тканями XII — началом XIII в., предложенная М. В. Фехнер, безусловно, верна. Лишь в кургане 19 могильника у с. Кубаево с остатками одежды были найдены более ранние вещи — скандинавские фибулы второй половины X в.

Остатки тканей во Владимирских курганах, их характер, положение в погребениях и сопровождающие находки характеризует следующая таблица (порядковые номера соответствуют номерам на карте, рис. 3).

Анализ таблицы позволяет сделать некоторые выводы.

Основная масса находок импортных тканей сделана в могильниках, где имеется лишь одно-два погребения в одеждах, отделанных тканями. Только в четырех могильниках встречены четыре и пять таких погребений. С одной стороны, это свидетельствует о вовлечении деревни в рыночные отношения, с другой — является показателем социально-экономического расслоения сельской общины. Отдельные семьи, скорее всего семьи сельских старост, начинают выделяться своим богатством.

Большое количество находок импортных тканей найдено в трех могильниках: у г. Суздаля (Михайлова сторона), Караш 1 и у с. Городище (на правом

берегу оврага Слуда). Концентрация импортных тканей в некрополе Суздаля объясняется, конечно, тем, что этот город был политическим и экономическим центром Северо-Восточной Руси. Функцию экономического центра он не утратил и после переноса столицы во Владимир в середине XII в.¹⁰

Слобода Караш в XIV в. принадлежала московскому княжескому дому и в конце века была променяна великим князем Василием Дмитриевичем митрополиту Киприану на Алексин. В домонгольский период это было, вероятно, княжеское село, называвшееся Святославль или Всеславль¹¹. Это и определило наличие в могильнике, оставленном жителями села, большого количества импортных тканей и таких украшений, характерных для городов, как трехбусинные, височные кольца, в том числе зерновые.

Характер могильника у правого берега оврага Слуда можно определить на основе сравнительного анализа всех десяти курганных групп у с. Городище, в нынешнем Переславском р-не Ярославской обл., раскопанных в 1853 г. П. С. Савельевым. Крупнейшими из них были могильники на склоне коренного берега оз. Плещеево справа от устья Глининского оврага (627 курганов), у подножия городища Клещин между Лисьим и Глининским оврагами (223 кургана) и на правом берегу оврага Слуда (202 кургана). В первом из них более 20% погребений были совершены по обряду трупосожжения. Могильник возник не позднее середины X в. и функционировал до конца курганного периода. Примыкающее к нему селище, видимо, было административным центром ближайшей округи. В могильнике значительно количество мерянских захоронений, в том числе погребений представителей местной родовой знати. Наряду с могильником у с. Вельсково на противоположном берегу оз. Плещеево он отражает процесс расселения славян в регионе и взаимоотношения их с местным населением. Могильник у Клещина городища возник в начале XII в., тогда же, когда возникло и само городище. С того времени роль административного центра переходит к г. Клещину. В отличие от остальных могильников округи этот некрополь отличается северной и северо-западной ориентировкой большинства погребений. Это позволяет предположить, что здесь были погребены люди, приглашенные на жительство в новый город со стороны.

Возникновение могильника на правом берегу оврага Слуда по находкам датируется серединой XI в. Памятник отличается значительным количеством погребений со сравнительно богатыми вещами, характерными для горожан, что отмечал еще П. С. Савельев¹². Здесь же сосредоточены и находки импортных тканей. Видимо, село, которому принадлежал этот могильник, было княжеским, как и поселение на месте слободы Караш. Об этом может говорить и большое сходство сопровождающих погребения вещей в могильниках на правом берегу оврага Слуда и Караш 1.

Появление в составе погребального инвентаря деревенских могильников Северо-Восточной Руси дорогих импортных тканей связано с развитием социально-экономических отношений. В XII — первой трети XIII в. Русь вступает в начальную стадию развитого феодализма. Политически это выразилось в наступлении периода феодальной раздробленности, ознаменовалось подъемом хозяйственного и экономического развития. Последнее обусловило укрепление экономических и культурных связей с Византией и странами Востока. Изменилось содержание импорта. Если в XI в. значительную его долю составляли внешне эффектные, но дешевые украшения вроде стеклянных бус, то в XII в. объектом импорта становятся более дорогие товары, в том числе шелковые ткани. В украшении одежды основное место занимает теперь отделка красочными тканями и вышивкой.

- ¹ *Комаров К. И.* Работы Славянского отряда Верхневолжской экспедиции в Ярославской и Ивановской областях //АО 1975 г. М., 1976. С. 67, 68.
- ² *Сабурова М. А.* Стоячие воротники и «ожерелки» в древнерусской одежде//Средневековая Русь. М., 1976. С. 226—230.
- ³ Определение типа и окраска тканей, а также реконструкция произведены А. К. Елкиной. Пользуюсь случаем выразить ей, а также консультировавшей автора М. А. Сабуровой свою глубокую признательность.
- ⁴ *Даркевич В. П.* Светское искусство Византии. М., 1975. С. 215.
- ⁵ *Фехнер М. В.* Изделия шелкоткацких мастерских Византии в Древней Руси//СА. 1977. № 3. С. 130—142; *Она же.* Шелковые ткани в средневековой Восточной Европе//СА. 1982. № 2. С. 57—70.
- ⁶ *Смирнова Г. П.* Опыт классификации керамики древнего Новгорода//МИА. 1956. № 55. С. 240, рис. 5, 5.
- ⁷ *Ерофеева Е. Н.* Курганный могильник близ д. Антоново в бассейне р. Тезы//Археологические памятники Волго-Клязьминского междуречья. Иваново, 1989. Вып. 1. С. 25, 26; *Она же.* Курганный могильник близ д. Авдотьино//Археологические памятники Волго-Клязьминского междуречья. Иваново, 1990. Вып. 3. С. 4, 5; *Климашов И. Ю., Уткин А. В.* Второй курганный могильник близ д. Зиново на р. Ухтохме//Там же. Иваново, 1989. Вып. 1. С. 30, 31; *Комаров К. И., Уткин А. В.* Курганные могильники близ с. Коптево//Там же. Иваново, 1989. Вып. 2. С. 9—12; *Ерофеева Е. Н., Уткин А. В.* Курганные могильники близ д. Яришнево на р. Нерль Малая//Там же. С. 13—18; *Уткин А. В.* Курганный могильник близ д. Волосачево//Там же. Вып. 3. С. 3, 4.
- ⁸ *Фехнер М. В.* Шелковые ткани... С. 69.
- ⁹ См., например: *Спицын А. А.* Владимирские курганы//ИАК. СПб., 1905. С. 148, рис. 257.
- ¹⁰ *Лымонов Ю. А.* Владимирско-Суздальская Русь. Л., 1987. С. 174—195.
- ¹¹ *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. М., 1984. С. 273—275.
- ¹² *Савельев П. С.* Известия о курганах и городищах. V. Курганы у с. Городищ Переславского уезда, Владимирской губернии//ИАО. СПб., 1859. Т. 1. С. 160—166.

О. И. Сатеев, О. А. Ульянова

РАБОТЫ КАРАГОДЕУАШХСКОГО ОТРЯДА В 1988—1989 гг.

В 1988 г. Карагодеуашхский отряд Северо-Кавказской экспедиции Института археологии (начальник О. А. Ульянова, научный консультант И. С. Каменецкий) проводил раскопки кургана Карагодеуашх, хорошо известного у нас в стране и за рубежом. Необходимость раскопок обуславливалась отводом под застройку земли, на которой располагается памятник.

Первые раскопки Карагодеуашха были произведены в 1888 г. членом Кубанского статистического комитета, есаулом Кубанского казачьего войска, известным знатоком местных древностей Е. Д. Фелициным по поручению Императорской археологической комиссии. В результате этих работ была открыта гробница из четырех помещений, в которой находились мужское и женское погребения с многочисленными и разнообразнейшими сопровождающими вещами. Коллекция находок из Карагодеуашха хранится в Государственном Эрмитаже, имеющаяся документация — в архиве ЛОИА¹. Посвященные кургану исследования А. Лаппо-Данилевского и В. Мальмберга опубликованы².

Курган, достигавший в 1888 г. высоты пяти саженей (около 10,5 м), к началу наших раскопок имел форму и размеры, обусловленные раскопками Е. Д. Фелицина и хозяйственной деятельностью последних лет. Диаметр его по линии восток — запад составлял 65 м, высота — 5,9 м, оплывшие полы с севера были подрезаны бульдозером при устройстве грунтовой дороги, а с юга — при формировании профиля шоссе. Следы раскопа 1888 г. представляли собой ложбину, вытянутую по линии запад-юго-запад — восток-северо-восток от юго-западной полы к

центру кургана. Многочисленные перекопы, траншеи для кабеля, блиндажи военного времени, столбы ЛЭП и триангуляционный знак сильно нарушили насыпь.

В результате полного исследования остатков насыпи выявилось несоответствие действительному положению вещей некоторых сведений о кургане, бытующих в литературе в течение века и касающихся расположения гробницы в кургане, ориентировки, количества, размеров и особенностей архитектуры помещений, составляющих ее комплекс. Выявлен ряд фактов, относящихся к структуре насыпи, не учтенных при раскопках 1888 г. Получению новых данных способствовала, в частности, современная методика раскопок крупных курганов. Для реализации задачи исследования структуры насыпи курган раскапывался на снос десятью параллельными траншеями с оставлением бровок между ними. С выходом на уровень гробницы центральные бровки после фиксации и сноса крайних были переориентированы, для чего параллельно гробнице были выбраны две траншеи, давшие четыре разреза в центральной части до уровня основания кургана. Многочисленные нарушения курганной насыпи препятствовали качественному анализу ее стратиграфии. Однако тщательная фиксация сохранившихся элементов насыпи в 13 разрезах позволила восстановить следующую картину сооружения кургана.

Поверхность площади диаметром около 45 м, на которой позднее сооружалась гробница, была покрыта мелкими обломками и крошкой песчаника и ракушечника. Структура ядра насыпи определялась особенностями подкурганного сооружения — гробницы, построенной на щебеночной площадке. Гробница, видимо, состояла из двух последовательно возведенных частей. В центре площадки был сооружен комплекс, включавший в себя помещение 3А с мужским погребением. С востока к нему примыкали галерея и помещение 2. Вдоль южной стенки помещения 3А и галереи располагалось помещение 3Б, не исследованное Е. Д. Фелициным. Технология строительства предусматривала наращивание земляных контрфорсов по мере роста стен помещений. Таким образом, основание насыпи формировалось одновременно со строительством гробницы. Помещения 1А и 1Б вошли в раскоп 1888 г. так, что внешние фасы их были открыты, что не дало нам возможности проследить, как осуществлялась закладка западного участка насыпи. Центральный и западный участки ядра кургана какое-то время подсыпались отдельно. Параллельно формировались участки насыпи между ними, связывавшие обе насыпи в единое целое. Выравнивание отдельных частей по высоте осуществлялось при помощи сегментовидных локальных подсыпок, каждая из которых перекрывалась камышовым настилом, предохранявшим от развеивания и оплывания тело насыпи. Наличие таких настилов помогло четко зафиксировать целостность подсыпок как отдельных элементов конструкции насыпи³. Они фиксируются практически во всех бровках до высоты 3,5 м от древнего горизонта.

Гробница представляла собой сооружение общей длиной 25 м, состоявшее из шести помещений, причем пять из них располагались по оси запад-юго-запад — восток-северо-восток (азимут 65°) и составляли единую анфиладу, в которой вход в каждое последующее помещение был из предыдущего. Лишь одно помещение, не раскопанное при работах 1888 г., располагалось к югу от длинной оси гробницы. Помещения 3А и 3Б демонстрируют высокий уровень строительной техники и архитектуры. Стены их, покоящиеся на плоских прямоугольных блоках фундамента, сложены из хорошо подогнанных друг к другу плит. Поверх верхнего торца вертикально стоящей плиты укладывался ряд крупных горизонтальных блоков, служивших основанием для следующего яруса плит и кладки, также увенчанного горизонтальными блоками по всему периметру. С внешней стороны плиты укреплены кладкой из преимущественно

плоских обломков песчаника и ракушечника. Видимо, так же были сложены стены помещения 2 и галереи, ко времени наших раскопок разрушенных до фундамента. Полы этих помещений были залиты гравийно-известковым раствором, стены изнутри гладко оштукатурены и расписаны. Сохранились небольшие фрагменты штукатурки. Выявлены квадратные базы порталов со следами деревянных порогов между ними. Помещения 1А и 1Б были возведены в иной строительной традиции — из подтесанных разномерных глыб прямоугольной формы. В высоту их стены были сложены из трех рядов таких плит, в толщину — из двух рядов. Пол этих помещений земляной, стены оштукатурены, возможно, также были расписаны.

Помещение 3Б, не открытое Е. Д. Фелициным, к моменту наших работ оказалось раскопанным более чем наполовину, по-видимому, вскоре после 1888 г. В западной его части заполнение было выбрано до дна, западная, северная и южная стены частично разрушены, блоки верхнего ряда кладки восточной части стены были завалены внутрь помещения. Здесь было выявлено захоронение не менее 12 взнузданных коней. Снаряжение их достаточно стандартно: кольчатые железные удила, железные и бронзовые двудырчатые псалии, бронзовые полусферические бляшки-«лукошки», зооморфные украшения.

Курган опоясывал сплошной ров в виде кольца не совсем правильной формы, шириной 5—7 м, глубиной до 1 м от уровня погребенной почвы. Во рву обнаружены остатки очагов, камни, глиняная прокаленная обмазка, обломки печины, стоячие лепные плитки, типичные для меотских памятников II—I вв. до н. э., пятна прокала, зольники, отдельные столбовые ямки, скопления гончарной и лепной керамики, некоторое количество костей животных.

Раскопками установлено, что к северу от кургана располагалось поселение, культурный слой которого почти полностью уничтожен распашкой. Здесь был заложен шурф площадью 16 м², в который попали три хозяйственные ямы с керамикой I в. до н. э.

Керамический материал из насыпи кургана и рва можно разделить на три одновременных комплекса, связанных с основными этапами функционирования кургана как погребального сооружения. Первый комплекс характеризует время сооружения кургана, второй — время функционирования близлежащего поселения и заполнения рва вокруг кургана, третий, представленный небольшим количеством обломков посуды локализуется на северо-восточной поле кургана, где группировались немногочисленные впускные мусульманские погребения.

Первый из указанных керамических комплексов в целом датируется V—IV вв. до н. э., состоит из многочисленных, преимущественно мелких фрагментов сосудов, которыми была обильно насыщена насыпь, особенно ее нижние слои. Многочисленность такой керамики в контрфорсах и даже между камнями панцирной кладки гробницы не оставляет сомнения, что этот материал непосредственно связан со временем сооружения кургана. Мы не исключаем возможности, что при этом использовался и грунт с расположенного рядом поселения. Однако отсутствие аналогичного керамического материала в культурном слое той его части, которая непосредственно примыкает к кургану, а также специфический состав керамики из насыпи, где присутствуют только столовые и импортные тарные сосуды, практически отсутствует кухонная и местная тарная посуда, ставят эту гипотезу под сомнение. Импортная керамика первого комплекса представлена фрагментами амфор ионийских центров, в частности Хиоса и, возможно, Фасоса. Отсутствуют амфоры из центров южного берега Черного моря — Синопы и Херсонеса, часто встречающиеся на памятниках второй половины IV — начала III в. до н. э. Крайне небольшое количество и маловыразительность фрагментов серолощенной меотской кера-

мики, широко известной на всех поселениях Кубани второй половины IV в. до н. э., заставляют усомниться в датировке памятника концом этого века, которая впервые предложена Мальмбергом⁴ и поддерживается Н. В. Анфимовым⁵. Зато довольно многочисленна керамика местного производства — лепные, в том числе подлощенные кубковые и горшковидные сосуды типов, встречающихся в комплексах V — начала IV в. до н. э., что не противоречит предположению, что курган был возведен в первой половине IV в. до н. э. Специфическим для первого керамического комплекса Карагодеуашха является оформление венчиков горшковидных сосудов с использованием разнообразных вариантов плоских валиков, наплывающих на шейку. Как бы «сташенные» вниз от края, они бывают гладкими, с вдавлениями и другими рельефообразующими элементами декора.

Второй керамический комплекс представлен находками из рва и с расположенного рядом поселения. Это наиболее многообразная группа материалов. Находки на поселении немногочисленны, концентрируются главным образом в хозяйственных ямах. Культурный слой слабо насыщен как керамикой, так и костями. Кости и во рву составляют малый процент находок. В заполнении рва керамика распределена неравномерно. Она встречается поблизости от очагов, в меньшей степени в зольниках между ними. Тарная керамика представлена светлоглиняными амфорами, причем исключительно с двустовальными ручками. Профилированные ручки типов В и С, фрагменты сероошечной и сероглиняной керамики отсутствуют. Кружальная посуда довольно разнообразна. Преобладают столовые формы красноглиняной керамики, пифосы и корчаги светло-оранжевого и светло-коричневого тонов. Интересны светлые желтовато-кремовые пифосы с волнообразным орнаментом, сделанным гребенкой. Встречены так называемые стоячие плитки, известные из материалов раскопок кургана Ястребовский 2 в Абинском р-не Краснодарского края, где они были найдены также у очагов во рвах и сопровождалась фрагментами амфор, пифосов, в том числе орнаментированных «волной», аналогичной лепной керамикой. Наиболее вероятная дата рассматриваемого комплекса — не позднее начала рубежа нашей эры или I в. до н. э.

Третий керамический комплекс представлен немногочисленными фрагментами кружальной керамики светло-розового цвета с широким дном XI—XII вв. Фрагменты профильных частей других сосудов невыразительны.

С лета 1989 г. осуществляется музеефикация комплекса кургана Карагодеуашх, включающая консервационно-реставраторские работы и на гробнице.

В 1989 г. отряд проводил исследования грунтовых могильников в зоне разрушения берегов Краснодарского водохранилища в районе станицы Старокорсунской и разведки в Курганинском р-не Краснодарского края. На двух городищах — Старокорсунском IV и Старокорсунском II — исследовано 63 погребения, располагавшихся в культурном слое мощностью до 1,4 м.

Городище Старокорсунское IV расположено к северо-северо-западу от станицы. В течение 15 лет оно интенсивно разрушается размывами правого берега водохранилища, к настоящему времени практически полностью уничтожено. Сохранилась лишь его периферийная часть. Вдоль кромки берега на восточной окраине памятника нами заложены два раскопа общей площадью 160 м², выявлено несколько хозяйственных ям и шесть погребений, из которых наиболее интересны погребения 1 и 3. Погребение 1, в котором найдено семь керамических сосудов, хорошо представляет всю группу погребений этого памятника. Сильно разрушенный детский костяк с северо-западной ориентировкой лежал на глубине 1,2 м. При нем обнаружены две корчаги, два небольших кувшинчика, миска, плошка и сильно разрушенный сосуд, форма которого не установлена. Вся керамика чернолощенная, характерная для VI в. до н. э. Погребение 3 сильно

нарушено хозяйственной ямой поселения, а затем при закладке сада, располагающегося ныне на площади памятника. Среди керамики этого погребения интересна мендейская амфора с двумя горизонтальными полосами под венчиком и дипинти в виде Æ и γ , выполненными, как и полосы, красной краской. Остальные погребения рассматриваемого могильника, судя по найденным в них вещам, укладываются в хронологические рамки конца VI—V в. до н. э. Отдельные вещи из культурного слоя и подъемного материала также относятся к тому периоду. Встречены и находки более раннего времени, например ковши VII—VI вв. до н. э. Основная же масса находок датируется временем около начала рубежа нашей эры. Таковы фрагменты светлоглиняных амфор I в. до н. э., меотские плитки и грузики характерного облика. Есть незначительное количество керамики салтовского времени, очевидно болгарской. Интересно сочетание в зоне раскопок на восточной периферии Старокорсунского IV городища раннемеотского материала с вещами рубежа нашей эры при полном отсутствии широко распространенных в округе находок времени бурного развития городищ в IV—III вв. до н. э. и I—III вв. н. э. Именно такие материалы широко представлены в коллекции, полученной при раскопках могильника на восточной периферии Старокорсунского II городища.

Старокорсунское II городище — одно из наиболее известных городищ в районе станицы. Оно поставлено на государственный учет и охрану, внесено в Каталог памятников Краснодарского края. Это городище в свое время исследовалось Н. В. Анфимовым с применением скреперов. Заросший бурьяном котлован огромных размеров, образовавшийся в результате таких раскопок, еще сейчас можно наблюдать на размываемом берегу водохранилища. Наш раскоп площадью около 168 м² был прирезан к завершённому ранее экспедицией Кубанского университета раскопу «Восточный». Планиграфия исследованного участка могильника может свидетельствовать о наличии здесь определенных зон, погребенные в которых различались, по-видимому, социальными, возрастными и другими признаками. Возможно, такие зоны были обозначены на поверхности какими-то знаками. Отмечены как уменьшение насыщенности погребениями площади могильника в направлении к северо-востоку при сгруппированности их, так и уменьшение в этом же направлении количества погребений с социодифференцирующими признаками. Крайнюю группу на северо-восточном конце могильника образуют в основном детские захоронения, отделенные от основного массива погребений интервалом 12—13 м. Эта группа расположена в районе рвов городища, за которыми, судя по профилю береговых обнажений, отсутствуют какие-либо следы культурного слоя.

Особенностью рассматриваемого могильника является многоярусность погребений. Здесь имеются случаи как непреднамеренного нарушения могилами более ранних погребений, так и подлинно ярусное, одно над другим, помещение погребенных, связанных друг с другом не только общекультурными признаками. Для установления степени этой связи и ее характера требуются дальнейшие исследования, но для уточнения хронологико-типологических изысканий такая ситуация чрезвычайно благоприятна. В связи с использованием подбойных конструкций могил встречаются случаи обратной стратификации. Например, погребение 20, прекрасно датирующееся фибулами, стеклянными сосудами и другими вещами, характерными для I—II вв. н. э., располагалось под погребением 41 с дюжиной сосудов V—IV вв. до н. э., браслетами и перстнями того же времени. В случаях с менее ярким инвентарем такая обратная стратиграфия может сыграть злую шутку с исследователем, тем более что у неглубоко залегающих погребений с трудом читаются контуры могильных ям. Однако в ряде случаев корректно зафиксированная стратиграфическая связка способна уточнить типологические штудии.

Сохранность исследованных погребений в целом плохая, даже на участках, удаленных от перекопов позднего времени. Этому способствуют очень небольшая глубина могил и нарушенность их норами грызунов. Практически полностью разрушено не менее трети общего количества погребений. Примерно столько же могил оказались безынвентарными. Для анализа мы располагаем примерно 18—20 погребениями, относящимися к трем разновременным группам.

Для первой, весьма немногочисленной группы, датированной V—IV вв. до н. э., наиболее характерны погребения 41 и 56. Они расположены в юго-западной, наиболее насыщенной погребениями части раскопа, совершены в обширных ямах подпрямоугольной формы со скругленными углами на глубине около 1,5 м от современной поверхности. Погребение 41 парное, мужчины и женщины, ориентированные головами на юго-запад. Костяк мужчины вытянут на спине, руки положены вдоль туловища, правая кисть находится на правом бедре. Вплотную к мужскому лежал костяк женщины с согнутыми ногами и вытянутыми вдоль туловища руками. В могиле обнаружены почти три десятка находок. У ног погребенных обнаружены 13 сосудов и крышка из стенки толстостенного сосуда, прикрывавшая один из лепных горшков. Лепные сосуды преобладают, все они однотипны — баночной бочковидной формы, различаются только размерами. В одном из малых сосудов находились 12 галек. Все кувшины серолощенные, характерные для конца V — начала IV в. до н. э. Керамический материал, а также бронзовые браслеты с орнаментированными утолщениями-шишечками, бронзовые перстни, стеклянный бисер, костяная булавка с круглой плоской шляпкой, керамическое пряслице позволяют уверенно датировать погребение временем не позднее начала IV в. до н. э. Сходный керамический материал встречен в женском погребении 56. Костяк лежал вытянуто на спине, головой на юго-юго-запад. Сосуды располагались справа, т. е. к востоку от костяка. Восемь из них — кружка, кувшин, две миски, четыре лепных горшка без выделенного горла — относятся к тому же времени, что и керамика погребения 41. Между скоплениями керамики перед правым предплечьем найдены железный нож и кости мелкого рогатого скота, в области шеи — бусины, керамическое пряслице, крупная глазчатая бусина у правого бедра. Набор вещей в целом беднее, чем в погребении 41.

Вторая группа погребений датируется I в. до н. э. Это небольшое скопление удаленных от основного массива детских погребений, к сожалению полуразрушенных, а также комплекс VI с флаконом I в. до н. э., имеющим черную роспись по красному покрытию.

Погребения наиболее многочисленной третьей группы, датированные I—III вв. н. э., разнообразны по ориентировке, но по остальным признакам достаточно однородны. Они совершены в узких могильных ямах, костяки лежат вытянуто на спине, сопровождаются одним — тремя сосудами, как правило серолощенными. Другие находки в каждом погребении немногочисленны, но в совокупности дают достаточно интересную коллекцию датирующего материала. Это зеркала-подвески с боковой ручкой в виде петли, фибулы, стеклянные сосуды, бусы, пряжки хорошо известных для первых веков нашей эры типов. В единичных погребениях, одно из которых было подбойным, встречены мечи с кольцевым навершием без перекрестия и с прямым перекрестием без навершия, а также железные наконечники стрел. В одной из могил с оружием найдены скелет собаки, голова и конечности лошади. Кроме меча и наконечников стрел, здесь обнаружены стеклянный бальзамарий, серолощенная вазочка, железные цепочки и нож, четыре бронзовые булавки, наконечник ремня, бронзовая фибула, гешировый диск диаметром около 2 см.

В ходе разведки в Курганинском р-не были обследованы земли колхоза «Маяк революции» (станция Родниковская). На площади 11 500 га выявлены

63 могильника с 290 курганами. До нашей разведки здесь были известны лишь 24 кургана. Проведена инструментальная съемка могильников, получены интересные данные о связи археологических памятников зоны Кубанско-Лабинского междуречья с различными ландшафтно-почвенными условиями. Продолжение этой работы может привести к координации работы археологической и землеустроительной служб.

¹ Архив ЛОИА АН СССР. Ф-1. 1886-16. Л. 142.

² Древности Южной России: Курган Карадеуашх//МАР. СПб., 1894. № 13.

³ Сатеев О. И. Некоторые варианты строения насыпи в курганной традиции Кубани//Новое в методике археологических работ на новостройках: Тез. докл. М., 1989.

⁴ МАР. № 13. С. 95.

⁵ Анфимов Н. В. Древнее золото Кубани. Краснодар, 1987. С. 135.

В. С. Флёров, С. Г. Кляшторный

РУНИЧЕСКАЯ НАДПИСЬ С ПРАВОБЕРЕЖНОГО ЦИМЛЯНСКОГО ГОРОДИЩА

Правобережное Цимлянское городище, представляющее собой остатки белокаменной крепости, принадлежит к числу известнейших памятников Хазарского каганата. В 1987—1988, 1990 гг. на городище проводились значительные раскопки, вызванные всевозрастающим разрушением городища Цимлянским водохранилищем. Если И. И. Ляпушкин¹ и С. А. Плетнева² раскапывали в свое время северную и центральную части городища, то теперь раскапывалась ранее не исследованная его южная часть. Выяснилось, что южный отсек крепости, как и центр, был плотно застроен стационарными с углубленными котлованами юртообразными жилищами³. Именно здесь, в котловане жилища 48, была найдена в 1988 г. публикуемая кость с рунической надписью.

Необходимо отметить, что, несмотря на довольно значительный размах раскопок на городище, эта надпись явилась первой и пока остается единственной. Обращает внимание и малочисленность знаков на сохранившихся в культурном слое обломках блоков из крепостных стен и башен, причем ни один из них нельзя отнести к рунам. Немногочисленную серию составляют и знаки на кирпичках. Последние, вероятно, были не местного производства, а доставлялись из соседнего Саркела, откуда, кстати, происходит всего одна надпись. Это известная короткая надпись на кистене, опубликованная М. И. Артамоновым, принадлежит к иной системе письма, нежели правобережная⁴.

Обстоятельства находки следующие. Кость найдена не на полу, а в заполнении жилища. К сожалению, точное местонахождение и глубина залегания зафиксированы не были. Дело в том, что в культурном слое городища, в том числе и в заполнении жилищ, находились сотни костей животных. Очистке от грунта они подвергались уже за пределами раскопа. Кроме кости с надписью, в жилище 48 найдены пряслице из стенки красноглиняной амфоры, железная пластина (от панциря?), железный рыболовный крючок, обломки серпа. Все это предметы, характерные для городища, как и находившиеся вместе с ними фрагменты обычной для памятника керамики салтово-маяцкого облика. Средневековые находки иного культурного облика на городище вообще не представлены.

Надпись выполнена на внешней поверхности обломка трубчатой кости особи крупного рогатого скота (по определению Ю. М. Мягковой, Ростовский пединститут). Форма обломка (удлинненно-трапециевидная) случайна. Длина

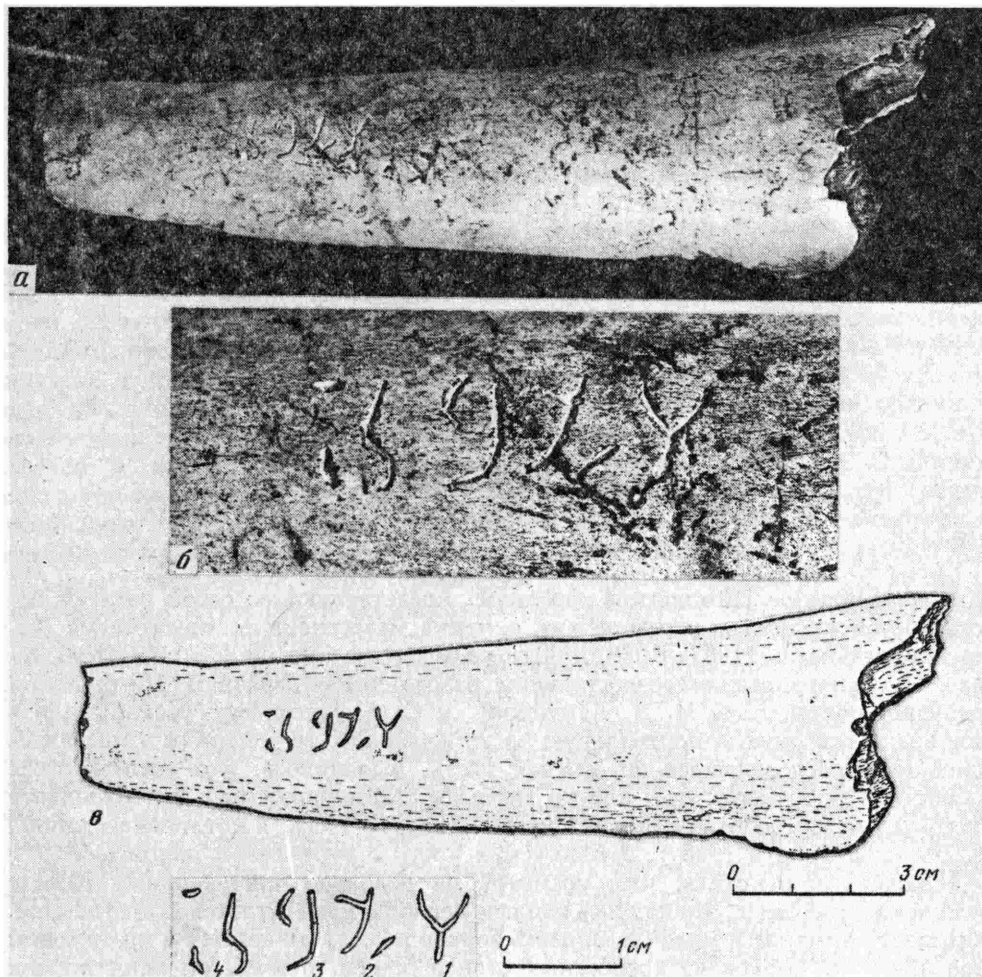

Рис. Правобережное Цимлянское городище. Кость с рунической надписью
 а, б — фотография; в — прорисовка

его 15 см. Никаких следов дополнительной обработки на кости нет. Сохранность ее очень хорошая. Она твердая, поверхность гладкая, с характерным тусклым отблеском. Надпись на кости заметна достаточно хорошо. Знаки выполнены вполне четко. Края их покрыты зазубринами, что позволяет утверждать, что знаки сначала намечались линиями выдавленных или выбитых точек, а затем уже по намеченным таким образом направлениям процарапывались окончательно. Сама криволинейность знаков не позволила бы просто врезать их в гладкую твердую поверхность кости. Высота знаков составляет 7 мм, общая длина надписи 24 мм (см. рис.).

Идентификация знаков не оставляет сомнений в их принадлежности к древнетюркской рунике восточноевропейского ареала, т. е. к кругу хазаро-булгарского рунического письма. Два из четырех знаков (1 и 3) идентичны рунам на баклагах Новочеркасского музея, один из знаков надежно зафиксирован надписями на золотых сосудах из Надь-Сент-Миклоша (2)⁵. Лишь последний

знак (4) не вполне ясен. Быть может, он не завершён исполнением или выполнен небрежно.

Преобладание в палеографии надписи развитых маяцких форм над более архаичными сент-миклошскими свидетельствует, скорее всего, о сравнительно поздней дате надписи — IX.

Атрибуция первых трех знаков, имеющих надежные аналогии в рунической эпиграфике Надь-Сент-Миклоша и Подонья, не требует комментария. Четвертый знак может быть отождествлен лишь предположительно: не исключено, что здесь аллограф сент-миклошского *t*.

Транслитерация: *l'git'*
Транскрипция: *(e/i)l(e/i)g it*

Первое слово может быть интерпретироваться либо как *ilig/ilik* («князь»), либо как один из фонетических вариантов *ilik/ilig* («костный мозг; мозговая кость; кости рук и ног; кость передней ноги у животных») ⁶. Хотя титул *ilig* и бытовал в хазарской среде (ал-Истахри, Яакут) ⁷, здесь все же предпочтительнее принять иное из возможных толкований.

Второе слово, если только правильно идентифицирован последний знак, может означать либо имя существительное (*it* — «собака»), либо глагольную форму (императив) от *it-/jit-* «исчезать, теряться» или *jet-/jit-/it-* «заживать, затягиваться (о ране)». Общее значение фразы в последнем случае может быть объяснено как заклинание или магическая формула «кость, заживай!». Если это объяснение правильно, то к уже отмеченным функциям восточно-европейских руник может быть добавлена еще одна форма ее использования ⁸.

¹ Ляпушкин И. И. Раскопки Правобережного Цимлянского городища//КСИИМК. 1940. Вып. IV. С. 58—62.

² Плетнева С. А. Правобережное Цимлянское городище//Сообщ. ГЭ. 1964. Вып. XXV.

³ Флёров В. С. Работы советско-болгарской экспедиции на Правобережном Цимлянском городище в 1987 г.//Ранние болгары в Восточной Европе. (Тез. докл.) Науч. конф., посвящ. 100-летию Н. Ф. Калинина. Казань, 1988. С. 13.

⁴ Артамонов М. И. Саркел-Беля Вежа//Тр. Волго-Донской археол. экспедиции. 1958. С. 76, 77. Рис. 55. (МИА; Т. 1, № 62).

⁵ Артамонов М. И. Надпись на баклажках Новочеркасского музея и на камнях Маяцкого городища//СА. 1954. № 19. С. 252—263; Щербак А. М. Несколько слов о приемах чтения рунических надписей, найденных на Дону//Там же. С. 280 (табл.); Nemeth J. The runiform inscriptions from Nagy-Szent-Miklos and the runiform scripts of Eastern Europe//Acta linguistica. Bd., 1971. T. 21. P. 1—52.

⁶ Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1893. Т. 1. Ст. 1484.

⁷ Golden P. V. Khazar studies. Bd., 1980. V. 1. P. 184, 185.

⁸ Кляшторный С. Г. Хазарская надпись на амфоре с городища Маяки//СА. 1979. № 1. С. 270—275; Илюков Л. С., Кляшторный С. Г. Руническое граффити из раннесредневекового кочевнического погребения в долине р. Сал (в печати); Кляшторный С. Г., Левина Л. М. Об одной рунической надписи с городища Алтын-Асар (Восточное Приаралье)//Этническая история и традиционная культура народов Средней Азии и Казахстана. М., 1989. С. 87—97; Kljastornji S. G., Vasary J. A runik inscription on a bull-skull from the Volga-region. Bd., 1987. P. 171—181.

ХРОНИКА

М. В. Александрова

РАБОТА ОТДЕЛА ОХРАННЫХ РАСКОПОК
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ В 1987—1990 гг.

Ведущее направление работы отдела — выявление археологических памятников, которым грозит частичное или полное уничтожение в результате строительных и иных работ, а также в результате воздействия природных факторов, и проведение мероприятий по их охране.

В последние годы в концепции охранных работ появились новые тенденции. Одна из них — переход от раскопок как преимущественной формы охранных исследований к разведкам на стадии проектирования народнохозяйственных объектов с целью исключения археологических памятников из зон строительных работ. Вторая тенденция — стремление к полной научной обработке полученных экспедициями материалов, включение их в научный оборот не только в традиционной форме научного отчета, но и в монографических публикациях материалов раскопок и в исследованиях на их основе.

В Институте археологии ежегодно действовали от 27 до 33 хоздоговорных экспедиций, проводивших охранные работы. Отдел постоянно оказывал содействие в организации аналогичных экспедиций других подразделений института. Полевые исследования хоздоговорных экспедиций института развертывались на территории четырех союзных республик (России, Украины, Киргизии, Казахстана), двух автономных республик (Дагестанской и Северо-Осетинской), трех краев (Краснодарского, Краснодарского, Ставропольского), Хакасской АО. Ежегодно экспедициями исследовалось 50—60 памятников (с учетом отдельных курганов — до 150—170). Среди них древнерусские и античные города, поселения различного времени, курганные и грунтовые могильники, отдельные курганы. За полевой сезон общая площадь раскопок приближается к 50 тыс. м².

Приведем краткие сведения о полевых изысканиях экспедиций отдела (кроме тех, результаты работ которых освещены в настоящем сборнике). Александровская экспедиция (П. Г. Дервиз) в 1987—1988 гг. вела разведки и раскопки курганов в зоне строительства четвертой очереди Большого Ставропольского канала (БСК) в Александровском, Благодарненском, Грачевском р-нах Ставропольского края.

Благодарненская экспедиция (В. Л. Державин) проводила в 1989 г. раскопки курганного могильника Сухая Падина 1 в Благодарненском р-не, также в зоне строительства БСК, и разведки в Петровском р-не Ставропольского края.

Верхне-Мстинская экспедиция (И. В. Исланова) работала в 1987—1989 гг. в зоне строительства атомной электростанции в Удомельском и Вышневолоцком р-нах Тверской обл. Исследовались два средневековых могильника, селище, два многослойных поселения, выявлено несколько неолитических стоянок.

Дагестанская экспедиция (Г. Г. Пятых) в течение четырех полевых сезонов продолжала раскопки курганных могильников в зоне строительства Тальминской ОС и трассы Юзбаш-Сулакского коллектора в пределах Бабаюртовского

и Юзбаш-Сулакского р-нов Дагестана. Исследованы 200 курганов с погребениями скифского, позднесарматского и хазарского времени.

Западнобалтская экспедиция (Г. Н. Пронин) в 1989—1990 гг. проводила исследования в зонах мелиоративного строительства Калининградской обл.

Запорожская экспедиция (М. В. Калашников) продолжала раскопки двух городищ и грунтового могильника первых веков нашей эры у пос. Красноармейский Темрюкского р-на Краснодарского края.

Манычская экспедиция (М. В. Андреева) провела в 1988 г. разведки в зоне строительства пятой очереди БСК в Буденовском, Петровском, Благодарненском р-нах Ставропольского края и раскопки курганов на полях орошения у с. Спасское и Благодарненском р-не.

Пересыпская экспедиция (Я. М. Паромов) в 1989 г. вела раскопки входящих в зону будущего строительства участков античного города Тирамба и его некрополя.

Предгорная экспедиция (С. Н. Кореневский) в 1988—1989 гг. проводила работы на Ставрополье и в Северной Осетии. Разведками обнаружен ряд новых курганных групп и поселений, выявлены и частично раскопаны редкие для региона поселения майкопского времени, исследовались курганы разных периодов бронзового века, в том числе предкобанские.

Предкавказская экспедиция (В. И. Мельник) вела в 1989 г. раскопки курганов на участке орошения у с. Томузлавское в Борисовском р-не Ставропольского края, содержавших погребения ямного времени, катакомбной и предкавказской культур.

Фанагорийская экспедиция (В. С. Долгоруков, А. А. Завойкин) продолжала стационарные раскопки античного города Фанагории. Исследовались городские напластования V в. до н. э.— IV в. н. э., участок позднеархаического некрополя. Интересны погребения, датированные временем около 530—500 гг. до н. э., остатки глиняно-плетневых домов второй четверти V в. до н. э. и сооружений римского времени с полихромной и цветной штукатуркой. Важный итог работы экспедиции — составление подробного топографического плана городища и прилегающей части некрополя.

В 1987—1990 гг. проведено 75 заседаний, из них 13 совместно с другими подразделениями института (на совместных заседаниях обсуждались плановые темы сотрудников специалистами профилирующего отдела). Выслушивались отчеты о работе экспедиций (около 60% заседаний), обсуждались вопросы методики охранных исследований (10—20% заседаний). Ряд заседаний был отдан теоретическому семинару «Социальная дифференциация. Поиски археологических критериев»; наибольший интерес вызвали доклады Г. Е. Афанасьева «К методике социальной дифференциации лесостепных салтовских селищ» и «Отражение структуры семьи в салтовской погребальной обрядности» и А. Н. Гея «Хозяйство и социальная структура населения Приазовья в эпоху ранней и средней бронзы».

Плановые темы отражают индивидуальные научные пристрастия сотрудников и по преимуществу базируются на материалах хозяйственных экспедиций. В 1987—1990 гг. завершено 18 плановых тем и заданий. Среди них монографические исследования, работы публикационного характера, методической направленности, материалы к сводам археологических памятников. Г. Е. Афанасьевым закончены две плановые темы: «Донские аланы. Социальная структура алаано-асского населения бассейна среднего Дона в составе Хазарского каганата» (представлена в качестве докторской диссертации) и «Культовые сооружения Маяцкого селища. Этномаркирующий аспект» (совместно с А. З. Винниковым). В работе А. Г. Атавина «Погребения VI—VIII вв. из Восточного Приазовья» анализируются подкурганные впускные погребения. Построенная на вторичных

документальных источниках работа М. В. Андреевой «Связи Кавказа с Передним Востоком в раннем бронзовом веке» намечает пути сопоставительного анализа керамического стиля кавказских и передневосточных памятников. М. В. Андреевой выполнено также плановое задание по созданию информационно-поисковой системы (ИПС) «ТАФОС», которая представляет собой систему взаимосвязанных индивидуальных баз данных (автор программного обеспечения — И. В. Богуславский). Введение в научный оборот материалов, полученных в результате раскопок автором Лядинского могильника, — цель работы Р. Ф. Ворониной «Лядинские древности». В основе работы В. Л. Державина «Катакомбные памятники степной зоны Центрального Предкавказья» — периодизация памятников ранне- и среднебронзового века названного региона, строящаяся на новых материалах курганных могильников Ставрополя, в том числе изученных раскопками автора. Материалы, полученные в результате многолетних раскопок Фанагории, стали источниковедческой базой плановой темы А. А. Завойкина «Керамическая тара из Фанагории VI—III вв. до н. э.». Работа И. В. Ислановой «Население бассейна верхней и средней Мологи и верхней Мсты в VI—XIII вв.» посвящена анализу этнокультурных процессов второй половины I — начала II тысячелетия на территории восточной Новгородчины. Плановая тема М. В. Калашникова «Красноармейская батарея — динамика функционирования» обобщает результаты раскопок автора в 1986—1987 гг. трех объектов: крепости и принадлежащих ей зольника и некрополя. Плановая тема С. Н. Кореневского «Нежинские курганы эпохи бронзы» базируется на материалах авторских раскопок более 100 захоронений из курганов района Кавминвод. Рассматриваются памятники докобанского периода. Тема В. И. Мельника «Особые формы погребальной практики катакомбных племен» посвящена изучению погребальных форм, связанных с труположением в его нетипичных проявлениях: расчлененных погребений, вторичных, партитивных и т. п. Самая объемная из выполненных в отделе плановых тем — тема Я. М. Паромова «Археологическая карта Таманского полуострова» (60 авт. л.) базируется главным образом на результатах археологического обследования полуострова отрядом под руководством автора. Новым в методике исследования является привлечение аэрофотосъемки региона. Целью работы Г. П. Романовой «Возрастная изменчивость остеометрических признаков» являлось изучение взаимозависимости возрастной, внутри- и межгрупповой изменчивости некоторых размерных признаков. В работе И. А. Сорокиной «Памятники срубной культуры Предкавказья» сделано наиболее полное из имеющихся обобщение материалов срубных погребений указанного региона и произведен их анализ. Г. Г. Пятых завершены в 1987—1990 гг. две плановые темы: «Могильник Манаскент 1 и его место среди памятников эпохи бронзы Северного Кавказа» (публикация материалов из раскопок 1985 г. Дагестанской экспедиции ИА АН СССР) и «Факторы формирования срубной культуры Поволжья».

Приобретение отделом на деньги хозяйственных экспедиций пяти персональных компьютеров существенно расширило возможности обработки материалов, допустило постановку и успешную разработку качественно новых для отдела, да и для института тем: создание ИПС для обработки салтовского погребального обряда (Г. Е. Афанасьев), ИПС по курганному погребальному обряду бронзового века степных регионов (М. В. Андреева), создание ИПС для обработки распределения материалов в культурном слое неолитических поселений (А. С. Смирнов), создание ИПС для обработки материалов мезолитических стоянок (А. Н. Сорокин).

Большой размах экспедиционных исследований, проводимых отделом, одним из итогов имеет неуклонный рост коллекционных материалов. Руководство отдела стремится способствовать их скорейшему вводу в научный оборот,

используя возможности заказных изданий, а также издательский лимит института и его периодические издания.

Сотрудниками отдела подготовлены и опубликованы два сборника статей: труды Ставропольской экспедиции — «Древности Ставрополья» (серия «Археологические открытия на новостройках». М., 1989. Вып. 3). Авторы — М. В. Андреева, А. Н. Гей, П. Г. Дервиз, В. Л. Державин, С. Н. Корневский, Ю. А. Краснов, Т. Н. Мишина, И. А. Сорокина. Ответственный редактор Р. М. Мунчаев. Объем сборника 23,4 печ. л.; второй сборник — «Раннесредневековые древности Верхнего Поволжья» (Тр. Волго-Окской экспедиции. М., 1989. Т. 1). Авторы — А. Е. Леонтьев, Н. Г. Самойлович, И. В. Исланова и др. Объем 13 печ. л. В основном результатам исследований экспедиций отдела был посвящен и 196-й выпуск «Кратких сообщений Института археологии АН СССР» — «Археологические исследования на новостройках» (М., 1989).

Качественно новая ступень в научном росте сотрудников отдела — создание монографических работ. В 1987—1990 гг. в отделе подготовлены 12 монографий, из которых четыре вышли в свет. Опубликованы монографии С. Н. Корневского «Памятники Кавминвод населения эпохи бронзы» (1990) и А. Н. Сорокина «Бутовская мезолитическая культура» (1990), депонированы монографии Г. Н. Пронина «Погребальные памятники Новгородской земли XI—XIV вв.» (в двух книгах) (1989) и С. Н. Корневского «Нежинские курганы эпохи бронзы района Кавказских Минеральных Вод» (1988).

Серию методических работ продолжили публикации «Методических указаний и временных расценок полного археологического исследования, разработанных для неолитических поселений» (А. С. Смирнов, Г. Е. Афанасьев, Н. Ш. Решетникова, 1987) и мезолитических поселений (А. Н. Сорокин, Г. Е. Афанасьев, 1988). Разработаны также методические указания для проведения сплошной археологической разведки (Я. М. Паромов, Г. Е. Афанасьев, 1989). Вышло в свет в 1989 г. методическое пособие Г. Е. Афанасьева «Порядок оформления договоров на проведение ИА АН СССР охранных археологических работ и принципы расчета договорной цены». В 1990 г. опубликованы «Методические указания по проведению проектных археологических работ в зонах народнохозяйственного строительства», автор — А. С. Смирнов.

Два сотрудника отдела стали кандидатами наук: в 1987 г. успешно защитила диссертацию И. А. Сорокина («Памятники срубной культуры Западного Предкавказья. По данным погребального обряда»), защита состоялась в МГУ; в 1989 г. защитил диссертацию А. Н. Сорокин («Бутовская мезолитическая культура в Мещерском и Жиздринском полесьях»), защита состоялась на заседании специализированного Ученого совета ИА АН СССР.

Сотрудники отдела приняли участие в 28 всесоюзных и региональных конференциях, международных симпозиумах, научных чтениях, семинарах, сделав в общей сложности 49 докладов. Особое место занимает проведенная по инициативе отдела конференция «Новое в методике археологических работ на новостройках РСФСР» (Суздаль, 1989 г.), в которой приняла участие и группа сотрудников Ленинградского отделения института. Опубликованы тезисы докладов этой конференции. На V Международном симпозиуме по древней истории Причерноморья (1987 г.) Я. М. Паромов сделал доклад «Археологическое обследование Таманского полуострова в 1981—1985 гг.», вызвавший большой интерес использованием в нем данных аэрофотосъемки для целей археологической разведки. С. Н. Корневский с докладом «Новые данные о поселениях майкопской культуры» выступил на Международном симпозиуме «Палеокультуры Кавказа и Балкан в системе циркумпонтийской провинции» (Сагареджо, 1989 г.).

РАБОТА ОТДЕЛА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ СВОДОВ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

В 1989—1990 гг.

Отдел археологических сводов Института археологии РАН ведет свою работу во исполнение постановления Совета Министров РСФСР от 20 ноября 1987 г. № 447 «Об издании Свода памятников истории и культуры РСФСР». Основными задачами отдела являются подготовка, написание и сдача в печать археологических разделов томов свода памятников истории и культуры народов России; участие в разработке методических вопросов создания Свода, написание методических пособий и указаний к его составлению; по поручению Министерства культуры — обсуждение, рецензирование и утверждение первичной учетной документации (паспорта) на археологические памятники Российской Федерации, проведение консультационной работы по их составлению, формирование архива такой документации.

Наиболее важной, сложной и трудоемкой является первая из указанных задач. Свод памятников истории и культуры народов России задуман как уникальное, не имеющее аналогов в нашей стране издание о культурном наследии республики, в котором должны найти отражение все недвижимые памятники археологии, истории, архитектуры и градостроительного искусства. Основная черта этого научно-справочного издания энциклопедического характера — точность и полнота сведений, а главная цель — служить основой для дальнейшей работы по изучению, охране и использованию памятников. Предназначенный как для специалистов, так и для широкого круга читателей, Свод, несомненно, сыграет и большую культурно-просветительную роль.

Археологический раздел каждого тома Свода, составляемого по областям, краям, республикам, состоит из вводной части, научно-справочных статей, списка литературных и архивных источников, именного, географического, систематического и хронологического указателей, большого количества иллюстраций, среди которых областные и районные археологические карты, планы и фото памятников, рисунки и фото наиболее интересных находок, характерных для того или иного периода, той или иной культуры. Вводная часть раздела содержит обстоятельный историко-археологический очерк данной территории от времени заселения края человеком до средневековья, характеристику всех типов археологических памятников и всех выделенных здесь археологических культур. Основную часть раздела составляют научно-справочные статьи, в которых даются сведения о точном их местоположении, истории исследования, характерных особенностях, результатах проведенных на памятнике работ, месте хранения коллекций и т. п. Каждая научно-справочная статья сопровождается исчерпывающей библиографией о памятнике.

Работа по подготовке археологических разделов томов Свода ведется временными рабочими группами, в которые включаются как работники отдела, так и сотрудники других подразделений института, а иногда и других научных учреждений, при возможности разных специальностей. В 1989—1990 гг. сданы в печать археологические разделы следующих томов Свода.

1. Свод памятников истории и культуры Брянской обл. (автор-составитель А. В. Кашкин; научное редактирование статей о памятниках каменного века В. Я. Сергина, А. Н. Сорокина, А. С. Смирнова. Ответственный редактор Ю. А. Краснов. Объем свыше 25 авт. л., 450 ил.). Включает сведения о более чем 850 памятниках, из которых свыше 700 специально обследованы при составлении тома.

2. Свод памятников истории и культуры Смоленской обл. (ответственный за выпуск Г. К. Патрик; автор вводной статьи В. В. Седов; авторы научно-справочных статей Д. А. Авдусин, Л. В. Алексеев, Н. М. Асташова, Е. В. Каменецкая, Н. В. Малиновская, Г. К. Патрик, Т. А. Пушкина, И. К. Фролов, Е. А. Шмидт. Ответственные редакторы Л. В. Алексеев, Ю. А. Краснов, редактор Н. В. Малиновская. Объем около 50 авт. л., 519 ил.). Включает сведения о более чем 1750 памятниках, около трети из которых специально обследованы при работе над томом.

3. Свод памятников истории и культуры Ивановской обл. (автор-составитель К. А. Комаров; вводная статья написана при участии Д. А. Крайнова; научное редактирование статей о памятниках каменного века М. Г. Жилина. Ответственный редактор Ю. А. Краснов, редактор Н. В. Малиновская. Объем свыше 20 авт. л., 250 ил.). Включает сведения о более чем 400 памятниках, большинство из которых специально обследовано при работе над томом.

4. Свод памятников истории и культуры Орловской обл. (ответственный за выпуск Г. К. Патрик; авторы вводной статьи Ю. А. Краснов, Т. Н. Никольская; авторы научно-справочных статей Г. К. Патрик, С. А. Михальченко, И. К. Фролов. Ответственный редактор Ю. А. Краснов, редактор Н. В. Малиновская. Объем около 20 авт. л., 260 ил.). Включает сведения о 350 памятниках, значительная часть которых специально обследована при работе над томом.

Сотрудники отдела участвовали в составлении археологического раздела Свода памятников истории и культуры Пензенской обл., сданного в печать НИИ культуры Министерства культуры РФ и РАН.

Ведется работа над археологическими разделами томов Свода по Калужской (С. В. Белецкий, А. В. Кашкин, Ю. А. Краснов, Н. В. Малиновская, С. Е. Михальченко, Г. К. Патрик), Рязанской (Ю. А. Краснов, Н. В. Малиновская, С. Е. Михальченко, Г. К. Патрик, А. В. Чернецов), Владимирской (М. П. Зимина, А. Е. Леонтьев, Н. Г. Самойлович), Московской (Г. Г. Король, Ю. А. Краснов, Н. В. Малиновская, Т. Д. Николаенко, А. А. Юшко, Б. Н. Янишевский), Костромской (К. И. Комаров, Е. П. Русакова), Ярославской (К. И. Комаров) и Курской (А. В. Кашкин) областям.

Археологические раскопки и разведки, связанные с работой над Сводом, проводились в 1989—1990 гг. во Владимирской (А. Е. Леонтьев), Ивановской (К. И. Комаров), Курской (А. В. Кашкин), Московской (Б. Н. Янишевский) и Ярославской (А. В. Кашкин, К. И. Комаров) областях.

Из методической работы отдела следует отметить подготовку совместно с НИИ культуры очередного выпуска «Материалов к составлению Свода памятников истории и культуры РСФСР», содержащего типовые научно-справочные статьи и обоснование методики их составления, «Методических указаний к составлению научно-справочных статей об археологических памятниках для Свода памятников истории и культуры РСФСР», публикацию ряда статей в сборнике «Культурное наследие России: опыт и проблемы подготовки Свода памятников истории и культуры» (М., 1990) и в настоящем сборнике, обсуждение первых томов Сводов памятников истории и культуры Казахстана и Киргизии. Ряд важных методических вопросов составления Свода обсуждался на заседаниях Ученого совета института.

Проведена большая работа по обсуждению, рецензированию и утверждению паспортов на археологические памятники Российской Федерации: за два года рассмотрено свыше 5,5 тыс. комплектов такой документации. Сотрудники отдела систематически дают большое количество консультаций по организации паспортизации памятников, особенно для сотрудников научных учреждений, которые впервые приступают к такой работе. Анализ содержания паспортов показывает, что качество их из года в год возрастает. Немалую роль в этом

играют тщательность рецензирования подобной документации, принципиальность при принятии решений о ее утверждении, консультации, которые дают составителям паспортов сотрудники отдела.

В отделе создан уникальный архив первичной учетной документации по археологическим памятникам России, насчитывающий десятки тысяч единиц хранения. Архив доступен для посетителей, его материалы активно используются сотрудниками института, работниками других научных, а также проектных организаций и учреждений. На должном уровне налаживается архивное хранение. Предполагается создать информационно-поисковую систему для удобства пользования архивом.

Одной из форм работы отдела были его заседания, которых за два года проведено более 70. На заседаниях обсуждались различные методические вопросы, связанные с составлением Свода, итоги работ над отдельными его томами и разделами. Большая часть заседаний была посвящена обсуждению первичной отчетной документации на археологические памятники. Большой интерес и активное обсуждение вызвали заслушанные на заседаниях доклады Н. А. Кренке о работе по учету археологических памятников в США и А. В. Кашкина об опыте издания Свода памятников истории в Венгрии. Заслушивалась также информация о результатах полевых работ.

В отделе разрабатываются и темы, не связанные с проблематикой Свода. Ю. А. Краснов работает над темой «Хозяйственно-культурные типы земледельцев и скотоводов Восточной Европы в раннем железном веке», Г. Г. Король — над темой «Традиции декоративного искусства степных народов Евразии в конце I — начале II тысячелетия н. э. (художественный металл)».

Г. Г. Король

К МЕТОДИКЕ РАБОТЫ НАД НАУЧНО-СПРАВОЧНЫМИ СТАТЬЯМИ СВОДА ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

Подготовка к созданию Свода памятников истории и культуры народов России в археологии стимулировала значительные работы по уточнению данных о ранее известных памятниках, выявлению новых, постановку их на учет и государственную охрану, паспортизацию памятников. Последнее особенно важно при растущей интенсивности хозяйственной деятельности и прямо пропорциональной ей вероятности гибели памятников археологии и безвозвратной потере в связи с этим ценнейшей научной информации¹.

Опыт работы над составлением археологического раздела тома Свода памятников Московской области и знакомство с такими работами по другим территориям выявили определенные трудности, связанные в первую очередь с оценкой достоверности привлекаемых источников, их полнотой, необходимостью комплексного подхода к оценке итогов исследования того или иного памятника. Обобщению этого опыта, определению некоторых обязательных методических приемов работы над научно-справочными статьями Свода об археологических памятниках и посвящена предлагаемая статья.

Источниками для написания научно-справочных статей Свода служат: а) первичная учетная документация (паспорта) на различные виды археологических памятников; б) полевые отчеты о разведках и раскопках; в) литературные данные по итогам научного исследования конкретных памятников; г) музейные коллекции; д) письменные источники, если таковые имеются. При составлении Свода каждый вид источника требует критического отношения.

Составление паспортов на памятники археологии имеет свою историю, но выработка единых требований к ним связана именно с задачами подготовки Свода. В паспорте отражаются последние (не более чем пятилетней давности со дня составления паспорта) сведения о памятнике. Паспорт должен стать основным источником для работы над научно-справочными статьями Свода. Поэтому особенно важны правильное, в полном соответствии с действующей инструкцией, и подробное заполнение паспорта, согласованность текста и топографического приложения, строгая выверенность всех помещаемых в паспорт данных. Необходим также единый принцип присвоения памятнику наименования — по ближайшему населенному пункту. Это требуется и структурой построения Свода. Такой принцип не исключает, а, наоборот, предполагает привязку памятника не только к ближайшему населенному пункту, но и к другим находящимся на большем удалении, а также иным объектам: географическим, геодезическим, промышленным и пр. Последнее особенно важно, если населенный пункт находится на значительном расстоянии от памятника, что актуально для малозаселенных территорий.

К сожалению, практика археологических полевых исследований свидетельствует об отсутствии общего принципа присвоения памятнику определенного наименования. Отсюда происходит подчас путаница. Так, например, при работе с паспортами на памятники густонаселенного Ленинского р-на Московской обл., имеющими названия Андреевское, Богдановка (Богданиха), у Богдановского поворота, Щеголево, выясняется, что речь идет об одних и тех же памятниках, обследовавшихся разными авторами в разное время, давшими им различные наименования. Распутать такой клубок сведений и установить действительное положение вещей бывает очень трудно. Поэтому во избежание путаницы при составлении паспортов следует исходить из положения, что называть памятник нужно по ближайшему населенному пункту, даже если его приходится определять по географической карте.

Использование при составлении Свода отчетов о полевых работах также представляет трудности, особенно характерные для районов с большой плотностью археологических объектов, обследовавшихся не одним поколением специалистов. Здесь также нередко встречаются случаи нескольких наименований одного и того же памятника, различной его привязки, сведений о внешних признаках одного и того же археологического объекта (даже при учете их возможного изменения во времени). Такие явления объясняются в значительной степени тем, что археологи не затрудняют себя внимательным изучением работ своих предшественников. В этих случаях требуется значительная работа автора научно-справочных статей по упорядочению разноречивых данных.

Достаточно сложно написание статей Свода о памятниках, исследовавшихся многолетними раскопками, но систематически не опубликованных. В таких случаях желательно привлечение к написанию научно-справочных статей авторов раскопок. Такая практика широко применялась, например, при работе над археологическим разделом Свода по Смоленской обл. Если такой возможности нет, то автору-составителю Свода необходимо изучить отчеты о полевых работах за все годы исследований данного памятника и самостоятельно обобщить их. Выводы могут не совпадать с мнением автора раскопок. В этом случае ему следует привести оба мнения и кратко обосновать свою точку зрения.

При использовании литературных данных необходимо установить их сопряженность с данными других источников, так как в печатном тексте могут быть опечатки, неточности, неверные сведения в справочно-библиографическом аппарате. Особенно важно проверить по первоисточникам точность приводимых в изданиях планов памятников. На данные письменных источников по конкретным памятникам археологии обычно есть ссылки в литературе, отчетах

и некоторых паспортах. Их также необходимо проверять. Эти данные могут оказаться неполными, что требует от автора-составителя свода собственных разысканий. После проработки каждого вида источника необходимы взаимопроверка и обобщение всех извлеченных из них сведений.

Чрезвычайно важно использование при работе над Сводом топографических карт. Археологи в полевых условиях далеко не всегда пользуются ими, что приводит к многочисленным неточностям и неувязкам. Их можно и нужно устранить, сопоставляя приведенные в полевой документации данные с топографической картой. Возможны разночтения в наименованиях рек, населенных пунктов, особенно если обследования проводились давно, привязки памятников к ныне не существующим или переименованным населенным пунктам и т. п. Все это необходимо перепроверять, в случае необходимости давать новые привязки памятников по подробным топографическим картам. В наименованиях населенных пунктов, рек, озер и других географических объектов нужно следовать новейшим картам, использовать необходимые справочники и словари. Возможны ситуации, когда имеющиеся данные о памятнике или его местоположении никаким образом не стыкуются. В таких случаях целесообразно привести все известные сведения в качестве объективно существующей субъективной информации для дальнейших изысканий и уточнений.

Нередки случаи несоответствия в источниках плана памятника тексту его описания. Чему отдать предпочтение в этом случае при написании научно-справочных статей для свода? Однозначно ответить на этот вопрос невозможно. Если в источниках приведен квалифицированно снятый инструментальный план памятника, то лучше следовать ему, но при обязательной сверке его деталей с топографическим планом. Дело в том, что бывают ситуации, когда и в план, сделанный профессионалом, иногда вкрадываются «опечатки» — неверное наименование реки, ошибочное указание направления ее течения и пр. Таковым, например, был в нашей практике план курганного могильника I у с. Студенцы Подольского р-на Московской обл. Если в источниках имеется лишь глазомерный план, то предпочтение следует отдать тексту, но опять-таки при обязательной проверке этих данных по топографической карте, так как в текстах стандартны ошибки в определении направления привязок, берегов рек, направления их течения и т. п. Эти механические ошибки кочуют по изданиям, накапливаются, что создает дополнительные трудности в выявлении действительного положения вещей.

Насыщенность одного населенного пункта памятниками при обследовании их разными авторами в разное время также создает свои трудности. Каждый исследователь даже при едином наименовании памятников по населенному пункту дает нередко разную их нумерацию и привязки (например, памятники у д. Рыбино Подольского р-на Московской обл.). Даже при обследовании памятников одним автором и стройной их нумерации к моменту составления свода какой-то памятник может быть полностью уничтожен (например, памятники у с. Ознобишино Подольского р-на Московской обл.), могут появиться новые данные при последующем сплошном обследовании района для целей паспортизации. Автор научно-справочных статей свода, имея перед глазами подробную топографическую карту и все новейшие сведения, может в необходимых случаях дать свою нумерацию памятников, исходя из принципа привязки к ближайшему населенному пункту каждого из различных видов памятников на этом участке (городищ, селищ, могильников и пр.) отдельно. Но при этом необходимо указывать и нумерацию, имеющуюся в полевых отчетах и других источниках. Нужно подчеркнуть, что при отсутствии в источниках привязки памятника к ближайшему населенному пункту, разных его наименованиях и т. п. автор научно-справочной статьи свода вправе

следовать единому принципу его наименования. Но при этом в статье необходимо обязательно приводить все существующие в источниках названия памятника. В противном случае будет невозможно идентифицировать описываемый в Своде памятник с известным в полевых отчетах и публикациях, где он имеет традиционное и привычное для специалистов наименование, что приводит к утере информативной ценности Свода для археологов².

Встречаются случаи, когда одновременные памятники одного вида, обследованные разными авторами в разное время, располагаются в непосредственной близости друг от друга, разделяясь лишь теми или иными формами рельефа местности. Анализируя материал, полученный на таких памятниках, и особенности их топографического расположения, автор-составитель Свода может объединить их в один археологический объект, обосновав свое мнение. Так, например, при работе над археологическим разделом Свода по Московской обл. данные о памятниках у с. Покров Подольского р-на, известных в источниках под названиями Покровское городище и селище Покров 1—5, были сопоставлены и проанализированы с обоснованием мнения о недостаточности оснований считать указанные авторами полевых исследований участки культурного слоя различными памятниками. Обобщенные данные приведены в одной научно-справочной статье.

Литературные и архивные данные о памятниках, имеющие многолетнюю давность и по разным причинам не проверенные в период подготовки свода, имеет смысл тем не менее также включать в Свод: ведь это издание должно, в частности, служить источником для дальнейших исследований. Для получения целостной картины географического распределения памятников в пределах рассматриваемой в Своде территории упускать из виду эти данные нельзя. Таковы некоторые сведения, например, о памятниках Московской обл. в архивных материалах прошлого века, в публикации М. А. Саблина 1879 г. и данных С. К. Богоявленского, относящихся к началу века³. Возможны ситуации, когда отдельный памятник отмечен на археологической карте района или области, на ситуационном плане среди других объектов, но не описан в тексте источников. Такие сведения также следует включать в Свод, давая в научно-справочной статье ссылки на карту, план, рисунок и отметив, что другие сведения о памятнике отсутствуют.

При подготовке научно-справочных статей необходимо уточнять места хранения коллекций из раскопок того или иного памятника. Эти сведения, являющиеся обязательными для Свода, также должны быть современными и достоверными.

Только после критического анализа всех источников, их взаимопроверки и уточнения выявленных несоответствий, неточностей и т. п. можно начинать написание научно-справочной статьи.

Необходимо предостеречь от использования обобщающих работ по археологическим памятникам того или иного региона (район, область, край и т. п.) в качестве единственного источника для археологического раздела Свода без проверки и дополнения по первоисточникам. Такие работы могут быть неполными, сведения их в той или иной мере устареть. Кроме того, обобщения такого рода обычно не ориентированы на определенную структуру, единообразие в описании. Обобщающая работа была выполнена Р. Л. Розенфельдом⁴. Его рукопись — бесценное подспорье в работе над составлением археологического раздела Свода памятников истории и культуры этого региона. Однако опыт работы с ней показал, насколько важна для авторов научно-справочных статей и самостоятельная проработка всех доступных источников. В то же время такие обобщающие работы при критическом их использовании могут иметь значение самостоятельного источника, так как в них нередко содержатся

важные сведения, не зафиксированные в полевых отчетах и публикациях. Такая информация, даже если ее не удастся проверить, также должна включаться в Свод с соответствующей ссылкой на рукопись или публикацию.

Недопустимо написание научно-справочных статей для Свода только на основании личных воспоминаний и накопленных представлений о тех или иных памятниках без обращения к архивным и литературным источникам и ссылок на них, как это иногда делается. Необходимо не только привлечение всех имеющихся данных, но и скрупулезная проверка их с топографической картой и линейкой в руках, о чем уже говорилось.

В научно-справочных статьях об археологических памятниках обязательен учет сведений о степени их сохранности, особенно в зонах активного хозяйственного освоения территорий. Это важно, учитывая, что одна из целей — способствовать делу сохранения памятников истории и культуры. При возможности необходимы дополнительные разведки для уточнения как положения памятника на местности, если сведения об этом противоречивы, так и его сохранности при наличии устаревших данных или их отсутствии.

Автор научно-справочных статей для Свода несет ответственность за точность и достоверность приведенных им сведений о памятниках. Только при комплексном подходе к источникам, когда используются, критически отобраны, проверены и систематизированы все доступные данные о каждом памятнике, они могут быть представлены в единообразной, в соответствии с инструктивными материалами⁵, краткой и в то же время максимально информативной форме научно-справочных статей. Только в этом случае статьи Свода смогут служить достоверным источником научно-справочной информации о памятниках археологии для дальнейшего их изучения и практической работы по охране памятников, воспитания широких слоев населения в духе уважения культурного наследия, осознания глубокой исторической взаимосвязи разных народов нашей страны. Немаловажное значение имеет использование научно-справочных статей Свода для создания «банка данных» о памятниках археологии, что предъявляет особо высокие требования к точности содержащихся в них сведений.

Материалы Свода, в том числе археологического его раздела, могут быть использованы также для научного обоснования восстановления культурно-географических ландшафтов отдельных территорий, создания природно-исторических заповедников. Последнее может служить научной и практической основой для организации и развития разных форм туризма.

¹ Методические указания по подготовке материалов Свода памятников истории и культуры народов СССР. М., 1986. С. 5, 16.

² См., например, отдельные статьи: *Кулемзин А. М., Бородкин Ю. М.* Археологические памятники Кемеровской области//Материалы к Своду памятников. Кемерово, 1989. Вып. 1.

³ Материалы для составления археологической карты Московской губернии//Архив ИИМК. Ф. 1. 1889—1892. № 172; *Саблин М. А.* Список курганов Московской губернии//ИОЛЕАЭ. М., 1879. Т. XXXV, ч. 1, вып. 1/3. С. 185—188; *Богоявленский С. К.* Материалы к археологической карте Московского края//МИА. 1947. № 7. С. 168—178.

⁴ *Розенфельдт Р. Л.* Археологическая карта Московской области: (Рукопись). М., 1988//Архив отдела археологических сводов ИА РАН.

⁵ Методические указания... С. 39—41.

G. Je. Afanas'jev, M. V. Andreeva, A. S. Smirnov. Zur Konzeption der archäologischen Sicherungsarbeiten im Russland

In heutigen Bedingungen bei archäologischer Sicherungsarbeit sind die Schwerpunktaufgaben die Feststellung der Denkmälern und ihre Erhaltung für die künftigen Generationen. Die Autoren meinen, dass optimale Lösung des Sicherungsproblems in der Ausschliessung der wichtigen in dieser Hinsicht Territorien aus den Bauzonen besteht.

Ju. A. Krasnov. Die Grundfragen der Aufsetzung der archäologischen Abschnitten des Kodexes die Denkmälern der Geschichte und der Kultur

Der Kodex der Denkmälern der Geschichte und der Kultur der Völker des Russlands wird dank dem Beschluss der Regierung der Föderation des Russlands geschaffen. Im Artikel handelt sich es um die Grundfragen der Vorbereitung und der Schaffung der archäologischen Abschnitten des Kodexes als enzyklopädische Ausgabe.

G. Je. Afanas'jev. Die Perspektiven des Gebrauchs der aerokosmischen Sondierungsmethoden in Archäologie

Im Artikel handelt sich es um die technischen Fragen des Gebrauchs des Computers für die Bearbeitung der Luftfoto-Abbildungen für die archäologischen Aufgaben.

Ja. M. Paromov. Die Prinzipien der Feststellung der Entwicklung des Ansiedlungssystems

Die Grundprinzipien der Untersuchung des Ansiedlungssystems im Altertum auf irgendeinem Territorium wurden auf dem Beispiel der Überprüfung der Taman-Halbinsel vorgeschlagen. Das sind: die Heranziehung der Karten im grossen Masstab; die Untersuchung der Luftfotos, um die archäologischen Objekten aufzudecken; das Einsammeln der Eingaben über das System der uralten Ansiedelung auf der Weise der Parallelerforschung der Materialien der archäologischen Forschungen, schriftlicher Quellen, der Karten und der Luftfotos; die Analyse der Fundmaterialien für die Feststellung der Grenzen der Denkmälern, ihre Bebauungsdichte und ihre Datierung; die Aufdeckung der Komplexe des Ansiedlungssystems (eine Ansiedlung und eine Bestattungstätte, uralte Wege, Spuren der Landvermessung u. a.), die Zusammenstellung der chronologisch differenzierten archäologischen Karten.

V. I. Borisenko, V. Ju. Bubnov, A. S. Smirnov. Ein Programmkomplex der Begleitung und anfänglicher statistischer Bearbeitung der archäologischen Angabenbasen

Es handelt sich um die kurzen Charakteristik der Möglichkeiten des von den Autoren erarbeiteten Programmkomplexes, der die Begleitung der auf der Resten der uralten Siedlungen ausgerichteten Angabenbasen versorgt. Die Speicherung ins Gedächtnis des Computers nicht nur die verbale und Zifferinformation, sondern auch zeichnerische Angabe (Feldpläne und Ausgrabungsdurchschnitte) ist ein grundsätzliches Unterscheidungsmerkmal dieser Ausarbeitung von anderen existierenden System.

V. I. Kulakov. Nordliche Sambia: April 997

Die Parallelerforschung der schriftlichen Quellen und der Ausgrabungsmaterialien der Grabstätte und des Izekapinis-Heiligtums im Kaliningrad-Gebiet ermöglicht aller Wahrscheinlichkeit nach zu vermuten, dass diese archäologische Objekten mit dem Ort des Untergangs des Prager Bischofs Wojzech-Adalbert und seine Gefährte, die im Jahre 997 für die Verbreitung des Christentums ins Preussen abgefahrt sind, verbinden.

A. N. Sorokin. Die Erforschungen mesolithischer Wohnstätten im Oka-Tal

Im Laufe 1986—1989 wurden 15 mesolithischen Siedlungen untergesucht. Gewonnene Funde gestatten sowohl die Idee über die Kontaktzonen in Abstand zu nehmen, als auch die Schlussfolgerung über die Vielgestaltigkeit des Mesolithikums des Wolga — Oka-Bekens zu bestätigen. Der Autor meint, dass dieses Territorium zur Zone des Mesolithikum ohne geometrische Formen nicht gehört. Die Letzte zieht in Zweifel die Spaltung des Mesolithikums zufolge dem Merkmal der Anwesenheit oder der Fehle der geometrischen Mikrolithen in südlichen und nördlichen Zonen. Gewonnene Materialien veranlassen die Vorstellung von der Summierung der frühneolithischen Kultur der Ober-Wolga auf Grund der mesolithischen Butovo-Kultur abzulehnen.

V. V. Sidorov, A. V. Engovatova, K. V. Voronin, V. M. Lozovskij, A. V. Trusov. Die Arbeiten der in Moskauer Gebiet arbeitenden Expedition im Laufe 1986—1990

Der intensive wirtschaftliche Aufbau im Moskauer Gebiet verlangte die archäologische Arbeit zu erweitern. Einige Zeiner der archäologischen Denkmälern wurden in 1986—1990 entdeckt und untergesucht. Die Autoren geben kurze Charakteristik dieser Arbeiten. Dieser Artikel führt im wissenschaftlichen Umlauf neue archäologische Quellen, die überwiegend die Stein- und Bronzezeit der zentralen Gebiete der osteuropäischen Ebene betreffen, ein.

M. R. Zoľko, R. A. Nigmatullin, A. S. Smirnov, M. Je. Smirnova. Die Arbeiten der Desna-Expedition in 1986—1989

Eine Fläche von mehr als 100 tausend ha, die für die Bauarbeiten angewiesen wurden, wurden von der Desna-Expedition erforscht. Über 150 Denkmälern auf dem Territorium der Brjansk-, Kaluga- und Tula-Gebiete wurden entdeckt. Ein Teil dieser Objekten wurden ausgegraben. Im Artikel wurden die Ergebnisse der Erforschungen der allerwichtigsten für die Wissenschaft, vom Mesolithikum bis späters Mittelalter datierten Denkmälern angeführt.

A. V. Kaškin. 10 Arbeitsjahren der Zentral'no-Černožömnaja Expedition

Die Zentral'no-Černožömnaja Expedition des archäologischen Instituts hat im Zusammenhang mit der Vorbereitung des Kodexes der Denkmälern der Geschichte und der Kultur der Völker des Russlands im Laufe 1979—1989 die Erforschungen auf den Territorien der Kursk, Belgorod und Brjansk-Gebiete durchgeführt. Mehr als 1000 Denkmälern wurden geforscht. Das System der Menschansiedelung im Verlauf einiger Jahr tausenden im Zusammenhang mit der Landschaftsbesonderheiten und der Veränderungen des Klimas wurde studiert. Besondere Aufmerksamkeit wurde der ausführlichen Erforschung des Ansiedlungssystems in altrussischer Zeit geschenkt. Einige wichtige Schlussfolgerungen haben im Gebie der Geographie und der Rekonstruktion des ökonomischen und politischen Lebens der uralten Bevölkerung gezogen. Der Einfluss des Antropogenfaktors auf die naturgegebene Landschaften der Region wurde vereinbar mit den Fachmänner des Geographischen Instituts geforscht.

K. I. Komarov. Die Importstoffe in Vladimir-Hügeln

Die Reste der Importstoffe (einfarbige und vielfarbige Seide, die brokatene Streifen) wurden in 159 Gräber von die 52 Bestattungstätten des Areals der Vladimir-Hügeln festgelegt. Diese seltene Funde für die erforschte Vladimir-Hügelgräber hat fast alle byzantischer Ursprung. Dank anderes Grabinventars wurden die Bestattungen mit den Reste dieser Stoffe hauptsächlich XII.— der Anfang XIII. Jh. u. datiert. Das Erscheinen in unbedeutlichen Teil der Bestattungen der Landbevölkerung des nord-östlichen Russlands dieser Zeit der teuren angelieferten Stoffe zeugt, einerseits, vom Aufschwung der Wirtschaft und von der Festigung der Handelsverbindungen mit dem Byzantinischen Reich, andererseits, von der Sozialdifferenzierung der Landgemeinde. Die Importstoffe wurden überwiegend für die Bearbeitung der festlichen Kleidung benutzt.

O. I. Satejev, O. A. Uľjanova. Die Arbeiten der Karagodeuachsch-Expedition in 1988—1989

Die Ausgrabungen des Karagodeuachsch-Hügel (Krasnodar-Region), die noch von Je. D. Felitzyn im 1888 durchgeführt wurden, wurden im Jahre 1988 beendet. 12 Pferde mit den Pferdengeschirre wurde entdeckt und die Angaben der Anordnung des Grabmals (die Anzahl, die Orientierung, die Masstabe und architektonische Besonderheiten seiner Räume) und die Datierung des Denkmals wurden präzisiert. Die Reihenfolge der Errichtung des Grabmals wurde verfolgt. Die naheliegende und teilweise synchronische dem Hügel Ansiedlungen wurden in diesem Jahr erforscht. Im Artikel gibt es Information von die Ausgrabungen der von Krasnodarstausee zerstörten meotian Bestattungstätten. Die Forschungsreise in den Zonen der Meliorationsbauten im Kurganinsk-Rayon der Krasnodar-Region wurde von der Karagodeuachsch-Expedition durchgeführt.

V. S. Fl'orov, S. G. Kljastornyj. Die Runeninschrift von der prähistorischen Zimlansk-Ansiedlung auf dem rechten Don-Ufer

Während der Ausgrabungen einer von der Behausung der prähistorischen Zimlansk-Ansiedlung auf dem rechten Don-Ufer im Jahre 1988 wurde ein Bruchstück des Tubeknochens des Rindvieh mit einer Inschrift gefunden. Die Inschrift besteht aus 4 Zeichen und bezieht sich auf dem System der türkischen chazaro-bulgarischen Runenschrift. Die IX—X Jh. datierte Inschrift wurde voraussichtlich als «Das Knochen, vernarbe» gelesen.

M. V. Alexandrova, G. Je. Afanas'jev. Die Arbeiten der Abteilung der Sicherungsausgrabungen des archäologischen Institute RAW im Laufe 1987—1990

Es handelt sich um die Arbeiten der Mitarbeitern der Abteilung der Abteilung and der Erforschung der archäologischen Denkmälern in den Bauzonen, and der Bearbeitung der Ausgrabungsmaterialien und um die wissenschaftliche Forschungstätigkeit in der Abteilung der Sicherungsarbeiten.

Ju. A. Krasnov, M. V. Malonovskaja. Die Tätigkeit der Abteilung der archäologischen Kodizes des Archäologischen Instituts RAW in 1989—1990

Im Artikel gibt es kurze Information über die Vorbereitungsarbeit an den archäologischen Abschnitten der Bänder des Kodexes der Denkmälern der Geschichte und der Kultur der Völker des Russlands (die Zentralgebiete des europäischen Teils des Russlands) und die Angaben von der Verkartung der archäologischen Denkmälern.

G. G. Korol. Zur Arbeitsmethodik der wissenschaftlichen Auskunftsartikel des Kodexes der Geschichte und der Kultur

Im Artikel handelt sich es um die einigen methodischen Fragen der Arbeit and den Quellen (die Publikationen, die Feldberichten, primäre Kontrolldokumentation, zeichnerische und Photodokumentation) bei der Vorbereitung der archäologischen Abschnitten des Kodexes der Geschichte und der Kultur.

УКАЗАТЕЛЬ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ РАН Выпуски 201—209 (содержание)

Выпуск 201

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И МЕТОДИКИ В СОВРЕМЕННОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Статьи

- Ю. Н. Захарук.* Спорное и бесспорное в изучении археологических культур
В. Б. Ковалевская. Археологическая культура — культурные традиции и инновации
Э. В. Сайко. Особенности процесса урбанизации в Средней Азии в конце III—II тысячелетия до н. э.
И. С. Каменецкий. К определению дискретности качественных признаков
А. А. Бобринский. О некоторых признаках конвергентного формирования гончарных горнов
Е. В. Волкова. Культурные традиции в гончарстве неолита. (По материалам Деснинской экспедиции)
В. А. Шницерльман. Керамика как этнический показатель. Некоторые вопросы теории в свете этнографических данных
П. Ю. Черношвитов. Эволюция биологическая и эволюция культуры — сходство и различие
В. И. Гуляев. «Новая археология» на современном этапе
Ю. А. Смирнов, М. В. Тендрякова. О роли обыденного сознания в археологической реконструкции. Погребальный обряд
В. И. Мельник. Погребальная практика и погребальный обряд
А. Н. Гей. Опыт палеодемографического анализа общества степных скотоводов эпохи бронзы. По погребальным вариантам Прикубанья

Хроника

- В. И. Гуляев, Ю. Н. Захарук, П. Ю. Черношвитов.* Работа сектора теории и методики ИА АН СССР в 1985—1987 гг.
В. И. Гуляев. Проблемы изучения древних поселений в археологии. Социологический аспект
В. И. Гуляев. Проблемы интерпретации погребального обряда в археологии

Выпуск 202

ПОЛЕВАЯ АРХЕОЛОГИЯ ДРЕВНЕКАМЕННОГО ВЕКА (Методика исследования)

Введение

- М. В. Александрова.* Некоторые замечания по теории палеолитического культурного слоя
Э. А. Абрамова, Т. Ю. Гречкина. Культурный слой как отражение определенной конкретно-исторической реальности. (На примере IV культурного слоя стоянки Кокорево 1)
Н. Б. Леонова. Возможности планиграфии и микростратиграфии при современных полевых исследованиях
Е. В. Миньков. Методика полевых исследований на верхнепалеолитических памятниках Каменная Балка I и Каменная Балка II
М. Д. Гвоздовер, Г. П. Григорьев. Новое в методике раскопок открытых стоянок верхнего палеолита
А. П. Черныш. О некоторых особенностях методики исследований палеолитических стоянок и жилищ
М. В. Аникович. О методике исследования стоянок с переотложенными культурными слоями. (На примере изучения Костенок 12)
А. А. Симицын. О признаках нарушений культурного слоя. (По материалам стоянок, залегающих в костенковских гумусах)
Л. В. Грехова. Методика изучения древних нарушений культурного слоя позднепалеолитических стоянок Подесенья
Л. М. Тарасов. Методика изучения культурного слоя большой мощности
В. Я. Сергин. Исследование памятников среднеднепровского типа
В. А. Рачов, А. Г. Амосова. О методике раскопок палеолитических стоянок в палеопочвах Южного Таджикистана
С. А. Васильев. Особенности исследования сибирских аллювиальных палеолитических стоянок
Н. Ф. Лисицын. Методика исследования палеолитических стоянок в зоне крупных искусственных водоемов. (На примере Красноярского водохранилища)
В. П. Любин. Стоянки в скальных убежищах. Специфика и методика полевых исследований
М. Т. Ниорадзе. О методике исследования пещерных стоянок Грузии (Сакажиа, Ортвала)
В. П. Любин, П. У. Аутлев, Н. А. Гвоздецкий, С. А. Несмеянов, Г. Ф. Барышников, Г. М. Левковская. Опыт полевых исследований Баракаевской мустьерской пещерной стоянки (Прикубанье)

- М. А. Дзюлет. О методике полевого изучения наскальных изображений
 В. Е. Щелинский. Исследование Каповой пещеры. (К методике изучения первобытных пещерных святилищ)
 В. Т. Петрин. Первоначальный этап исследования святилища в Игнatieвской пещере (Южный Урал)
 П. М. Долуханов. Стратегия и тактика применения геолого-геоморфологических методов в первобытной археологии
 С. А. Несмеянов. Геолого-геоморфологические исследования палеолитических стоянок в горных областях
 Г. М. Левковская. Особенность полевых палинологических исследований в археологии
 Б. И. Гуслицер, П. Ю. Павлов, Н. Н. Панюкова. Применение палеомикробиологического метода при исследовании палеолитической стоянки в Медвежьей пещере

Хроника

- Н. Ф. Лисицын. О работе сектора (отдела) палеолита в 1982—1987 гг.

Выпуск 203

ИССЛЕДОВАНИЯ ПАМЯТНИКОВ НЕОЛИТА И ЭПОХИ БРОНЗЫ

Статьи

- Ю. В. Андреев. Башенные жилища на Кикладах
 Э. В. Сайко. Технология керамики в характеристике исторической динамики раннеземледельческих обществ
 В. И. Балабина. Зооморфная фигуративная пластика культуры Кукутени-Триполье
 Н. Н. Гуриндз. Относительная хронология керамики верховьев Волги
 М. Д. Хлобыстина. «Сидячие» погребения культур Северной Евразии эпохи неолита и бронзы
 В. П. Шилов. Еще раз о погребениях литейщиков Калиновского могильника
 В. Г. Ломан. Особенности гончарной технологии эпохи поздней бронзы Центрального Казахстана
 Э. С. Шарафутдинова. О социальной традиции в протоэотском погребальном обряде

Публикации

- А. В. Энговатова. О культурной принадлежности погребения со стоянки Ибердус 1
 М. П. Зимица. Неолитические стоянки озера Городно
 Д. А. Крайнов, А. В. Уткин. Погребения на стоянке Сахтыш 1
 Г. В. Синицына. Неолитическая стоянка Игреково II в Среднем Приобье
 В. В. Питулько. Новые памятники ортинской культуры
 В. И. Марковин. Петроглифы у Экибулака (Дагестан)
 И. И. Дремов. Погребение из кургана у с. Старицкое (Саратовская обл.)
 М. Б. Рысин. Литейные формы из поселения Старчики в Адыгее

Хроника

- В. И. Балабина, А. М. Смирнов. Отдел каменного и бронзового веков ИА АН СССР в 1988—1989 гг.
 В. М. Массон, Н. Д. Праслов, В. И. Тимофеев. Памяти Нины Николаевны Гуриной

Выпуск 204

АНТИЧНЫЙ МИР И ВАРВАРЫ

Статьи

- А. И. Мелюкова. Новое в изучении актуальных проблем скифологии
 М. Г. Мошкова. Основные проблемы сарматской археологии
 М. П. Абрамова. Вопросы изучения памятников Центрального Предкавказья сарматского времени
 Н. А. Членова. Еще раз о дате оленего камня из Аржана
 В. Д. Кузнецов. Ранние апойки Северного Причерноморья
 А. А. Масленников, И. М. Безрученко. Земельные наделы античного времени в Крымском Приазовье
 А. И. Болтунова. О культе женского божества в Танаисе
 Э. Я. Николаева. Стеклоделие на Боспоре
 В. А. Мешкерис. Опыт периодизации короластики Бактрии — Тохаристана

Публикации

- Н. В. Головачева, К. К. Марченко, Е. Я. Rogov, С. Л. Соловьев. Античное поселение Нижнего Побужья Козырка 12 (классический период)
 Ю. А. Виноградов. Исследования на западной окраине Мирмекия

- В. Ф. Столба*. Дом IV в. до н. э. на поселении Панское 1. (Раскопки 1987 г.)
А. А. Завойкин. Фрагменты амфор Эгины (?) из раскопок Фанагории
И. Т. Кругликова, С. Ю. Сапрыкин. Херсонес и Амастрия по данным амфорных клейм
Г. Р. Цецхладзе. Клеймо Диоскуриады из Нимфея
Д. И. Данышин. Три новые надписи из Фанагории
Н. А. Фролова. Монетное дело Тейрана

Хроника

- А. И. Пузикова*. Работа отдела скифо-сарматской археологии в 1987—1989 гг.

Выпуск 205

СЛАВЯНО-РУССКИЕ ДРЕВНОСТИ

Статьи

- Е. А. Рябинин*. Характер межэтнических контактов на севере Руси. (Современное состояние проблемы)
Н. А. Макаров. К оценке христианизации древнерусской деревни в XI—XIII вв.
В. Н. Харлашов. Псковские губы. (К вопросу о происхождении)
Г. А. Массалитина. Мощинский клад

Полевые исследования

- Ю. Ю. Моргунов*. Летописный город Кснятин на Суле и его некрополь
Ф. Д. Гуревич. О планировке и застройке древнего Новогрудка
Д. Н. Фоняков. Изделия из стекла и фаянса в древнем Торопце
В. П. Петренко. Исследование Ивангорода
А. В. Кубратов. Коллекция кожаных предметов из Ивангорода. (По раскопкам 1980—1986 гг.)
М. В. Шорин. Вопросы классификации и датировки культовых камней. (По материалам Новгородской обл.)
В. П. Петренко. Званская сопка
А. В. Уткин. Курганный могильник близ д. Кнутихи на р. Уводь
Ф. Э. Модестов. Маркатушинские курганы под Смоленском
О. Г. Гусева. Никольский собор в Новой Ладoge — памятник новгородского зодчества XVI в.
О. А. Трусов. Большемерный кирпич XIII—XVII вв. на территории Белоруссии
А. К. Кравцевич, И. Н. Синчук. Клады монет из городского поселка Мир Гродненской обл.

Хроника

- Т. В. Сергина*. Работа Отдела славяно-русской археологии в 1987—1989 гг.

Выпуск 206

ПРОБЛЕМЫ ПАЛЕОЛИТА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Предисловие

- А. А. Симицын, П. П. Ефименко* и современная проблематика изучения палеолита
Г. П. Григорьев, П. П. Ефименко и С. Н. Замятнин
Э. А. Абрамова, П. П. Ефименко и изучение палеолитического искусства
А. П. Черныш, П. П. Ефименко и проблема хронологии палеолита
В. П. Ксензов. Два этапа заселения Белоруссии в каменном веке
Г. Н. Матюшин. Проблемы палеолита Урала
М. В. Аншкович. Южная и Юго-Западная историко-культурные области Восточной Европы в позднем палеолите
И. В. Сапожников. Хозяйственная специфика степной историко-культурной области
В. Я. Сергин. О сезонах обитания на палеолитических поселениях
А. А. Щепинский. Мустьерские памятники Крыма и опыт реконструкции хозяйственной деятельности неандертальского человека
Г. В. Григорьева. О периодизации позднего палеолита Юго-Запада СССР
Н. П. Оленковский. Позднепалеолитические памятники нижнего Днепра
А. А. Кротова. Структура позднепалеолитических памятников бассейна Северского Донца
В. И. Ткаченко. Береговая группа позднепалеолитических памятников в Закарпатье
И. А. Борзjak. О стратиграфии и культурной атрибуции многослойной палеолитической стоянки Косауны на среднем Днестре
М. И. Гладких. Социальные и архитектурные критерии палеолитического жилища
И. Г. Шовкопляс. Добраничевская позднепалеолитическая стоянка на Украине: исследование, экспонирование

- Л. М. Тарасов. Мустьерское местонахождение Неготино
Н. Д. Праслов. Использование красок в палеолите
В. П. Усик. О реконструкции приемов первичного расщепления камня в палеолите
А. А. Щелинский, А. А. Клюкин. Раннепалеолитическая «галечная культура» Крыма

Выпуск 207

АНТИЧНАЯ АРХЕОЛОГИЯ И ПАМЯТНИК ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА НА ТЕРРИТОРИИ СССР

Совещание по проблеме «скифо-сибирского мира»

- Н. Л. Членова. Культуры скифского круга: черты сходства и различия. Саяно-Алтайский район в скифском мире
Л. Т. Яблонский. Культуры сакского типа на территории Средней Азии и Казахстана: единство или многообразие
М. Г. Мошкова. Спорные вопросы концепции «скифо-сибирского мира»
А. И. Мелюкова. Взгляд из Скифии на скифо-сибирское единство

Дискуссия

- В. П. Алексеев. Несколько слов о «скифском евразийском мире»
Д. С. Раевский. Культурно-историческое единство или культурный континуум?
В. Г. Петренко. Некоторые вопросы хронологии и черты сходства населения евразийских степей раннескифского времени
М. А. Итина. Восточное Приаралье и проблема скифо-сибирского мира
И. Л. Кызласов. О единстве культур степной зоны Евразии
В. А. Башшов. Можно ли считать скифо-сибирский мир «цивилизацией кочевников»?
Л. Т. Яблонский. К вопросу о смысловом содержании некоторых археологических понятий
М. Г. Мошкова. О подходе к решению проблемы «скифо-сибирского мира»
А. И. Мелюкова. Об особенностях экономики и образа жизни в западной части «скифо-сибирского мира»

Статьи

- М. Г. Гусаков. Основные итоги и задачи изучения зарубинецких древностей
А. М. Обломский, Т. В. Томашевич. О контактах позднерубинецкого населения водораздела Днестра и Дона с сарматами Подонья
А. П. Медведев. О культурной принадлежности лепной керамики из погребений сарматского времени донской лесостепи
Г. Н. Курочкин. Изображения свернувшегося хищника в тагарском искусстве
И. Ю. Шауб. Парис на Боспоре

Публикации

- А. П. Абрамов, А. А. Масленников, В. Н. Розов. Керамический комплекс рубежа V—IV вв. до н. э. с городища на мысе Зюк
И. А. Емец, Б. Г. Петерс. Граффити и дипинти античной Феодосии
Ю. В. Зуйков. Пирамидальные подвески-грузила и клейма на них
Н. К. Белая. Терракотовая статуэтка из Мирмекия
Т. М. Арсеньева, С. А. Науменко. Раскопки Танаиса в 1985—1989 гг.

Хроника

- О. Н. Усачева. Работа отдела античной археологии ИА АН СССР в 1989—1990 гг.

Выпуск 208

СРЕДНЕВЕКОВАЯ АРХЕОЛОГИЯ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Статьи

- В. В. Седов. Распространение христианства в Древней Руси
Д. А. Беленкая. Медная пластика городов Московской Руси (XIII—XV вв.)
А. Л. Александровский, Н. А. Кренке. Изучение средневековых пахотных горизонтов в Москве и Подмоскovie
О. М. Олейникова. К проблеме возникновения древнерусского стеклоделия

Публикации

- А. В. Сазанов. Импортная краснолаковая керамика первой половины VII в. из Херсонеса
Г. А. Массалитина. Лепная керамика городища и селища Мощины
А. М. Шовкопляс, И. О. Гавритухин. Комплексы пражской культуры с Оболони и некоторые проблемы изучения памятников типа Корчак

- Ю. Ю. Моргунов. Три городища XII—XIII вв. в Среднем Посулье
 Н. А. Макаров, Н. Н. Чеснокова. Поселение Крыловское под Великим Устюгом
 М. В. Седова. Пережитки языческих верований в средневековой культуре Суздаля
 Р. Ф. Воронина. Об одном берегу Крюково-Кужновского могильника
 В. Г. Пуцко. Переяславский клад 1912 г.
 В. П. Петренко, И. А. Вирсе. Исследования могильников Гробиняс Приедиенс в Западной Латвии
 В. И. Кулаков. Элементы письменной культуры населения земли пруссов
 И. А. Генис. Израссы западной Литвы в XIV — первой половине XV в.

Хроника

- О. А. Щеглова. Отдел славяно-финской археологии ЛОИА АН СССР в 1988—1990 гг.

Выпуск 209

АРХЕОЛОГИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ, СИБИРИ И КАВКАЗА

Средняя Азия

- В. А. Алексин. Мустьерские погребения Передней и Средней Азии
 А. К. Каспаров. Костяные орудия из протогородских поселений Южной Туркмении
 Ю. Е. Березкин. Радиоуглеродные даты с Илгынылы-депе в Туркмении
 Ю. А. Заднепровский. Спорные вопросы истории культуры древней Ферганы
 В. А. Мешкерис. Античные параллели в музыкальной культуре Средней Азии
 В. А. Завьялов. Костяные предметы туалета из памятников Средней Азии кушанского и посткушанского времени
 Д. Абдуллоев. Согдийское наследие в культуре халифата

Сибирь

- М. Д. Хлобыстина. Погребальный обряд китойской культуры Прибайкалья
 М. Ф. Косарев, В. Т. Галкин. Поселение Юргаркуль III в нижнем Притоболье
 М. Н. Пшеницына, Б. Н. Пяткин. Памятники окуневского искусства из кургана Разлив X
 Г. Н. Курочкин. Большой Полтаковский курган — родовая гробница тагарской знати
 О. Л. Пламеневская. Погребальный обряд могильника Кадатское поле
 Вл. А. Семенов. Погребения ранних кочевников в долине р. Тогарлык (Тува)

Кавказ

- К. Х. Кушарева. Еще раз о некоторых аспектах триалетской культуры
 Л. Г. Хрушкова. Две раннехристианские трехапсидные базилики в Абхазии

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО — Археологические открытия	КСИА — Краткие сообщения Института археологии
АОН — Археологические открытия на новостройках	КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
АС — Археологический съезд	ЛОИА — Ленинградское отделение ИА РАН
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры	МАР — Материалы по Археологии России
ГИМ — Государственный Исторический музей	МГУ — Московский государственный университет
ГУГК — Главное управление геодезии и картографии	МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
ГЭ — Государственный Эрмитаж	МОИП — Московское общество испытателей природы
ИА — Институт археологии Российской академии наук	СА — Советская археология
ИАК — Известия Археологической комиссии	BSA — The annual of the British School of Athens
ИАО — Известия Археологического общества	DHA — Dialogue di histoire ancienne
ИОЛЕАЭ — Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете	

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи	
<i>Г. Е. Афанасьев, М. В. Андреева, А. С. Смирнов.</i> К концепции охранных археологических работ в Российской Федерации	3
<i>Ю. А. Краснов.</i> Основные вопросы составления археологических разделов Свода памятников истории и культуры	9
<i>Г. Е. Афанасьев.</i> Перспективы применения методов аэрокосмического зондирования в археологии	14
<i>Я. М. Паромов.</i> Принципы выявления эволюции системы расселения (На примере Таманского полуострова)	25
<i>В. И. Борисенко, В. Ю. Бубнов, А. С. Смирнов.</i> Программный комплекс сопровождения и первоначальной статобработки археологических данных	34
<i>В. И. Кулаков.</i> Северная Самбия: апрель 997 года	37
Публикации	
<i>А. Н. Сорокин.</i> Исследование мезолитических стоянок Поочья в 1986—1989 гг.	45
<i>В. В. Сидоров, А. В. Энгватова, К. В. Воронин, В. М. Лозовский, А. В. Трусов.</i> Работы Подмосковной экспедиции в 1986—1990 гг.	55
<i>М. Р. Зотько, Р. А. Нигматуллин, А. С. Смирнов, М. Е. Смирнова.</i> Работы Деснинской экспедиции в 1986—1989 гг.	63
<i>А. В. Кашкин.</i> 10 лет работы Центрально-Черноземного отряда	69
<i>К. И. Комаров.</i> Импортные ткани во Владимирских курганах	77
<i>О. И. Сатеев, О. А. Ульянова.</i> Работы Карагодеуашского отряда в 1988—1989 гг.	85
<i>В. С. Флёров, С. Г. Кляшторный.</i> Руническая надпись с Правобережного Цимлянского городища	91
Хроника	
<i>М. В. Александрова.</i> Работа отдела охранных раскопок Института археологии в 1987—1990 гг.	94
<i>Ю. А. Краснов, Н. В. Малиновская.</i> Работа отдела археологических сводов Института археологии в 1989—1990 гг.	98
<i>Г. Г. Король.</i> К методике работы над научно-справочными статьями Свода памятников истории и культуры	100
<i>Resümee</i>	105
<i>Указатель.</i> Краткие сообщения Института археологии РАН. Выпуски 201—209 (содержание)	107
<i>Список сокращений</i>	111

Научное издание

АРХЕОЛОГИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

КСИА, вып. 210

Утверждено к печати Институтом археологии Российской академии наук

Редактор издательства Л. И. Тормозова. Художественный редактор В. Ю. Яковлев

Технический редактор И. Н. Жмуркина. Корректор А. Б. Васильев

Сдано в набор 08.12.92. Подписано к печати 23.02.93. Формат 70×100¹/₁₆

Гарнитура таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 9,1 Усл. кр.-отт. 9,4 Уч.-изд. л. 10

Тираж 600 экз. Тип. зак. 3606.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»

117864, ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90

Московская типография № 2. ВО «Наука» 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6